

"Запасная жена"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Юлия Шилова

Запасная жена

Среди множества знаменитых мужчин, которые меня любили, ни один — я подчеркиваю, ни один! — не предложил мне выйти за него замуж. Потому что в женщинах мужчины ценят не красоту, а покорность и смирение. А этого я им предложить не могу...

Джина Лоллобриджида, итальянская киноактриса

ВСЕ ХАРАКТЕРЫ И СОБЫТИЯ В ЭТОМ РОМАНЕ

ВЫМЫШЛЕНЫ, И ЧИТАТЕЛЬ НЕ ДОЛЖЕН

ИСКАТЬ СХОДСТВА С РЕАЛЬНО

СУЩЕСТВУЮЩИМИ ЛЮДЬМИ

И ИХ ПОСТУПКАМИ.

АВТОР

ПРОЛОГ

— Я больше не могу!!! Я больше так не могу!!! — Я стукнула кулаком по столу, посмотрела на психолога глазами, полными слез, и громко заревела, уронив голову на стол. Женщина-психолог даже не попыталась меня успокоить. Она достала тоненькую сигарету, открыла окно, села на подоконник и закурила, стряхивая пепел на улицу. Я не знаю сколько времени я проревела, но когда я наконец успокоилась и подняла голову, женщина-психолог по имени Ирина выкинула очередную сигарету в окно и совершенно спокойно спросила:

— Воды?

— Что? — Я потерла заплаканные глаза в красной сетке мелких сосудов и тихонько всхлипнула.

— Я говорю, может, вам водички налить?

— Водички? — машинально повторила я, почти не соображая, о чем идет речь.

— Ну да, водички холодной вам налить? Графин перед вами. Если хотите, налейте сами.

— Водички?

Я посмотрела на стоявший передо мной графин испуганным взглядом и как-то съежилась. Тучная женщина-психолог встала с подоконника, села на свое место, взяла графин и налила мне полный стакан воды.

— Выпейте, вам станет легче.

Я принялась жадно пить воду, но потом поперхнулась, отодвинула от себя стакан и посмотрела на психолога безумным взглядом.

— Я больше не могу... Я сейчас подавлюсь и задохнусь к чертовой матери.

— Чем?

— Водой...

— Не можете — не пейте. Вас никто не заставляет.

— Спасибо.

Сложив руки на коленях, словно прилежная школьница, я опустила глаза и принялась сверлить взглядом собственные тонкие, как у пианистки, пальцы, на которых сверкали золотые колечки с бриллиантами — подарки моего любимого.

— Давайте продолжим.

— Давайте. — Я подняла глаза и улыбнулась вымученной улыбкой, которая, должно быть, больше напоминала гримасу, а может, даже оскал.

— Значит так. Давайте попробуем разобраться еще раз и упорядочить все факты.

— Давайте.

— Ровно одиннадцать лет вы встречаетесь с женатым мужчиной.

— Одиннадцать лет и одиннадцать месяцев, — поправила я психолога. — То есть почти двенадцать лет.

— Замечательно.

— Что замечательно? — заметно напряглась я.

— Замечательно, что у вас такая хорошая память.

— Да нет, память у меня всегда была неважная, просто есть вещи, которые невозможно забыть. Я могу сказать, сколько дней и часов я с ним встречаюсь... Правда, с минутами у меня напряженка... Впрочем, могу попытаться.

— Нет уж, увольте.

— Как скажете.

— Я верю, что вы очень хорошо это помните.

— Я даже помню тот день, когда мы познакомились. Мне кажется, что это было только вчера.

— Вы отчетливо помните то, что было двенадцать лет назад?

— Конечно. Разве такое можно забыть?! — заметно оживилась я. — Это была пятница, пятое сентября. В аэропорту. Мы оба летели в Сочи. Я летела отдыхать одна, а он со своим другом. Рейс перенесли. Мы стояли совсем рядом, слушали объявление о задержке рейса, а затем одновременно, словно по команде, стали возмущаться: безобразие, мол, кукуй здесь, неизвестно сколько. Так как мы оказались с одного рейса, мы сразу познакомились и все вместе, втроем, пошли в буфет. А уже когда прилетели в Сочи, оказалось, что мы живем в

одной гостинице... тут все началось.

— Когда вы узнали, что он женат? Он это от вас скрывал?

— Нет, — покачала я головой. — Я как-то об этом даже и не думала. Неудобно было спросить. Просто как-то раз он пошел на междугороднюю телефонную станцию, и я вместе с ним. Тогда, знаете ли, мобильных еще не было. Я стояла за кабинкой, но отчетливо слышала, о чем он говорил. Я сразу поняла, что он говорит с женщиной, и достаточно близкой. После того разговора я и спросила, женат ли он, и он мне честно ответил, что да.

— Вы разочаровались?

— Нет. Я не думала, что со временем у нас будут серьезные отношения.

— Должно быть, он, как и большинство женатых мужчин, говорил вам, что живет со своей женой плохо?

— Совсем нет. Он сказал, что у него очень хорошая семья и что он очень любит свою жену, что у него прекрасный ребенок.

— Вас это задело?

— Не знаю. В тот момент я как-то об этом не задумывалась. Да и с чего бы: курортный роман есть курортный роман. Я даже серьезно к этому не отнеслась. Просто он был очень щедрым, а мне в жизни встречались только скупые мужчины. Водил по ресторанам, делал подарки, короче, умел красиво ухаживать. А что еще нужно женщине на курорте? Наверно, только чтобы мужчина был рядом и вел себя, как самый настоящий рыцарь. Правда...

— Что, правда?

— Правда, меня поразило, что он, женатый человек, поехал на курорт без жены.

— А почему вас это поразило?

— Не знаю, — пожала я плечами. — Если бы я была замужем, я бы никогда не позволила своему мужу ехать на курорт одному, без меня. Это неправильно.

— Так вы считаете, что люди не могут отдохнуть друг от друга? По-вашему, они должны быть вместе двадцать четыре часа в сутки?

— Я считаю, что люди могут отдохнуть только в семье. А зачем такая семья, где люди отдыхают по отдельности?! Отдыхать нужно друг с другом, а не друг от друга.

— Ну хорошо. Ваш отпуск закончился, и что было потом?

— Потом он стал мне звонить и приезжать ко мне домой. Я уже тогда жила одна. Родители подарили мне на совершеннолетие двухкомнатную квартиру.

— Хорошие у вас родители.

— Не жалуюсь.

— Как часто он к вам приезжал?

— Раза два, три в неделю...

— Немало, — покачала головой психолог.

— Даже если он не приезжал, он звонил каждый час. На работу, домой, где бы я ни была. Его присутствие ощущалось всюду. А когда у меня появился мобильный, вся моя жизнь стала под контролем.

— Он контролирует вашу жизнь почти двенадцать лет?

— Почти двенадцать лет, — неуверенно кивнула я. — Каждый мой шаг и даже ход моих мыслей. Если, не приведи Бог, я пыталась завязать отношения с другим мужчиной, он тут же был здесь, клялся, что любит меня, что скоро разведется, и вот тогда...

— Сколько вам было, когда завязался этот ваш роман?

— Двадцать три года...— При этих словах у меня все поплыло перед глазами.

— А сейчас тридцать пять.

— Почти тридцать пять, — поправила я психолога и, ощутив, как по моим щекам вновь потекли слезы, тут же достала платок. — Вы знаете, когда мне было двадцать три года, я могла протанцевать на дискотеке целую ночь, пить крепкие коктейли как воду, смеяться, флиртовать со сверстниками и знать, что весь мир лежит у моих ног...

— А теперь?

— Теперь мне почти тридцать пять. Я крашу волосы, потому что у меня уже есть первые седые пряди. Я хожу к косметологу на уколы в лицо, потому что уже появились первые морщины... Я стараюсь пораньше лечь спать, потому что, если я лягу поздно, у меня под глазами появятся синие круги, и конечно же стараюсь не пить спиртного на ночь, потому что иначе на меня с утра будет просто страшно смотреть. Знаете, я никогда раньше не думала, что годы могут так наступать нам на пятки, и уж тем более не думала, что мне придется так отчаянно с ними бороться.

— Вы не выглядите на тридцать пять.

— Спасибо. — вновь попыталась улыбнуться, но, поняв, что мне это вряд ли удастся, в очередной раз опустила глаза. — Я стараюсь.

— Вы выглядите лет на двадцать восемь, не больше. Вот только ваши глаза...

— Что мои глаза?

— У вас глаза восьмидесятилетней женщины.

— Что?

— У вас глаза восьмидесятилетней женщины, — совершенно спокойно повторила психолог.

— Они такие старые? — Спокойствие психолога и ее глупые реплики, которые я считала просто издевательскими, начинали потихоньку выводить меня из себя.

— Просто...

— Что, просто?

— Просто в них нет будущего. В них есть только прошлое и неустроенное настоящее. А еще в них есть страх.

— Страх?!

— Вот именно, страх. Страх, что жизнь прошла как-то мимо вас... И оставила на вас не самый лучший отпечаток. Страх, что всю молодость вы были одна, и страх, что вы останетесь одна в старости. Вы никогда в этом не признаетесь вслух, но вы чувствуете, что вы неполноценны, как женщина.

— Я?!

— Да, вы. И этот комплекс неполноценности выработал в вас ваш женатый мужчина, потому что все эти годы вы жили чужой семьей, не имея своей, чужой жизнью, не имея собственной, встречались с чужим мужем, не имея своего. Вы просто привыкли довольствоваться крохами, как собака, которой кинули сухую, обглоданную кость, а мясо обглодал кто-то другой. Вы привыкли брать после кого-то... Вы привыкли быть на втором месте... Вы просто привыкли жить во лжи... Вы просто к этому привыкли...

— Кто дал вам право так со мной разговаривать?! — взорвалась я и кинула в психолога подстаканником.

Видимо, для психолога такое было не в диковинку, и потому она лишь увернулась, совершенно спокойно, даже не вскрикнув. У нее была потрясающая реакция, и в этом ей надо было отдать должное.

— Вы это бросьте. Если вы заплатили за консультацию, то это не дает вам никакого права кидаться в меня чем ни попадя. Я этого не потерплю. Вы пришли ко мне за помощью, так что уж будьте любезны выслушивать правду в глаза. Ваш женатый мужчина так сильно и так умело запудрил вам мозги, что вы никого не слушаете, кроме него. А я хочу вам помочь понять те элементарные вещи, которые вы сами понять не в состоянии. — Женщина закурила сигарету и поправив прическу, как ни в чем не бывало произнесла: — Давайте продолжим. Ваш женатый мужчина обещал развестись и жениться на вас?

— Обещал.

— Когда?

— Каждый день.

— Каждый день на протяжении двенадцати лет? — в глазах психолога появилась усмешка, которая тут же исчезла.

— Совершенно верно. Это началось на первом году нашего знакомства. Он стал говорить, что, встретив меня, он понял, что не любит жену, что он живет с ней только из жалости, что дочери нужно подрасти, что они с женой давно не спят вместе, что, если он уйдет, жена покончит с собой, а быть может, даже убьет и меня. Такая, мол, она у него сумасшедшая...

— А сколько лет было его дочери, когда вы познакомились?

— Десять.

- Значит, сейчас ей двадцать два?
- Да, — тут же, словно по команде, кивнула я головой.
- Что же ему мешает уйти из семьи теперь?
- Вторая дочь, — залилась я алой краской.
- Как?
- У него родилась еще одна дочь. Ей сейчас семь лет. Она в первый класс в этом году пошла...
- Как же так? Он же не спит со своей женой? У него же нет другого интима, кроме как с вами! — В глазах Ирины появилась все та же жестокая и крайне неприятная усмешка.
- Говорит, что было всего один раз за все эти годы. Всего один-единственный раз, и она забеременела. Выпили, и он с собой не совладал. Она сама напросилась.
- Что было всего один раз?
- Трахнул он свою жену всего один раз!
- За все эти годы?
- За все эти годы! — Я и сама не заметила, как перешла на крик. — Один раз на нее залез, и она тут же забеременела! Она у него с одного раза залетает! Мне кажется, что она специально это сделала для того, чтобы его удержать. Она почувствовала, что его теряет, что надвигается реальная опасность, и решила его удержать вторым ребенком!!! Хитрая дрянь! Одного ребенка вырастили, так она вторым приперла его к стене!
- И вы ему поверили?
- Чему именно?
- Что он всего один раз за все эти годы переспал со своей женой?
- Да. Он на коленях стоял и клялся Господом Богом.
- Надо же, а ведь он у вас антихрист.
- Да он и не только Богом клялся, еще своими детьми, своим здоровьем.
- Получается, что в его жизни вообще нет никаких ценностей.
- Вы думаете, что он меня обманывал? Вы считаете, что, прикрываясь подобными словами, можно обмануть человека?
- Я вообще ничего не считаю. Я просто знаю, что он не хотел вас потерять. Оттого так и говорил. Вроде как ложь во спасение. Только спасения тут никакого нет, а ложь чересчур уж жестокая.

Психолог закинула ногу за ногу и посмотрела на меня изучающим взглядом. Я вцепилась в подлокотники кожаного кресла и принялась сверлить глазами пол. Ирина открыла свой журнал, что-то в него записала и произнесла все так же спокойно, отчетливо выделяя каждое

сказанное слово.

— Вы же пришли сюда за тем, чтобы высказаться... За тем, чтобы я помогла вам разобраться в ваших проблемах... Я не собираюсь вам навязывать свое мнение или, упаси вас Бог, в чем-то вас осуждать. Я хочу вас внимательно выслушать. Если вы не можете говорить сами, то я буду задавать вам наводящие вопросы. На те, на которые вы не хотите отвечать, не отвечайте. Вас никто не принуждает. Скажите, зачем вы ко мне пришли и что вы ждете от жизни сейчас?

Я подняла глаза, полные слез, и посмотрела на психолога беспомощным взглядом.

— Я пришла к вам, потому что я больше так не могу, — проговорила я сквозь слезы.

— Как «так»?

— Я не могу так жить...

— Почему?

— Что почему?

— Почему вы решили, что вы не можете так жить? Двенадцать лет так жили и ничего... Вы могли так жить целых двенадцать лет, что же случилось? Что?! Такая жизнь, как у вас...

— Я устала, — тут же перебила я психолога. — Я просто устала. Мне кажется, что еще немного — и я просто наложу на себя руки.

— Ну знаете ли... Накладывать на себя руки из-за мужчины — это величайшая глупость, какую только может придумать женщина. Ни один мужчина не стоит вашей жизни. Поверьте мне, ни один. Что вы ждете от жизни сейчас? Вы ждете, что он все-таки разведется?

Я вновь опустила глаза и принялась говорить скорее уже для себя, чем для психолога:

— Знаете, один французский поэт, Пьер Реверди, сказал, что любить — это значит соглашаться быть обманутым. Когда-то я взяла эту фразу на вооружение, а теперь понимаю, что Реверди был не прав. В любви должна быть честность, иначе никакая это не любовь. Любовь во лжи когда-нибудь закончится, потому что чем больше лжи, тем все больше и больше на нее наматываются комья грязи и эта грязь прилипает не только к рукам. Она прилипает к сердцу и очень сильно пачкает душу. Когда я вам позвонила, вы сказали, что вы мне сможете помочь, что после личной беседы вы назначите мне сеансы гипноза, массажа, психотерапии и еще какой-то там психофармакотерапии и вдобавок иглотерапии. Но вы должны понять то, что я уже на грани. Я уже на грани, и мне кажется, что мне уже ничего не поможет, ни иголки, ни какой бы там ни был гипноз. Понимаете, все эти двенадцать лет у меня не было собственной жизни! Он контролировал меня каждый час и звонил по сто раз на дню. Он делал это независимо от того, кто был рядом со мной и где именно я была в данный момент. Он постоянно мне врал, что скоро его жена откажется от него сама, но у его жены столько терпения, что можно только позавидовать, а он на самом деле очень дорожил своей семьей. Одно время я хотела завести от него ребенка, но он был категорически против. У него же уже есть дети, зачем ему дети на стороне?.. А еще... Еще я поняла, что, если бы я даже родила, он бы все равно не ушел от жены, он бы просто жил на две семьи, а в этом тоже хорошего мало. Понимаете, я знаю, что он меня любит, я просто в этом уверена. А еще я знаю, что он любит свою жену. Он из тех мужчин, что любят двух женщин одновременно. С ней его связывает быт, а со мной — секс. Создался какой-то нелепый треугольник, где никто ни с кем не может расстаться. Иногда он говорил мне, что он консерватор, что он не любит радикальных перемен

в жизни, что в браке его удерживают привычка и жалость к жене, а иногда он вытирал невидимые слезы и просил меня подождать, мол, развод не за горами, осталось ждать совсем немного. Все эти годы он лжет не только мне, он лжет и своей жене, которая все понимает, но терпит, потому что панически боится остаться одна. Она заняла удобную позицию, изображает полное неведение, делает вид, будто верит, что он якобы вынужден ночами вкалывать у себя в офисе над срочным отчетом. Даже после сумбурной ночи со мной, когда он еще хранит запах моих духов и моего темпераментного тела, она готовит ему завтрак и слушает его басни про этот самый «распроклятый» отчет. Она делает вид, что всему верит, а ему ничего не остается, как ей подыгрывать и врать пуще прежнего. Они оба погрязли во лжи, и оба играют в благородство. Она никогда не покажет ему на дверь, потому что знает, что он может уйти и ждет подходящего момента, что он уже давно обзавелся запасным аэродромом и мысленно похвально тем, как пудрит мозги двум несчастным женщинам. Мол, какой он крутой и как капает на мозги обеим. Он и подумать не может о том, что обе женщины знают правду, просто... Просто жене нужны его деньги и его перспективы, которыми он кормит ее изо дня в день. А как же, ведь семья — крепкий тыл, не важно, какая это семья, важно, чтобы она была. А мне... Я и сама не знаю, что нужно мне... У меня нет ни его денег, ни его перспектив... У меня есть только загубленные годы, а впрочем... Впрочем, не такие уж они и загубленные. Просто надо остановиться и попытаться устроить свою собственную жизнь... Понимаете, чаша моего терпения переполнена. Я и сама не понимаю, зачем он мне теперь-то нужен... Когда-то я просто мечтала выйти за него замуж. Но все наши желания должны выполняться вовремя, а иначе... Иначе они просто теряют смысл. Когда ты сильно чего-то хочешь и это не сбывается, хоть это и зависит от человека, который обманывает тебя на протяжении нескольких лет, этому желанию приходит конец и ты начинаешь уже не хотеть, а бояться того, что оно сбудется. Я пыталась проанализировать наши отношения и все думала: зачем я за него держусь? Ведь его любовь слишком эгоистична и жестока. Он отдает мне лишь малую часть себя, а самую большую часть дарит своей семье. Он отдает ей свои праздники и будни, свои мечты, свои перспективы, а мне всего лишь навсего встречи и яростный секс... Между нами встает стена, и я понимаю, что я ему просто удобна. Между нами уже давно нет доверия и взаимопонимания, потому что настал момент, когда я поняла, что он никогда не разведется. Он будет по жизни метаться между двух огней, живя своей жизнью и забирая у меня мою собственную. Я стала понимать, что — с ним ли, без него ли — я все равно буду одинока и буду биться над своими проблемами совершенно одна, не рассчитывая на его помощь. В последнее время я все чаще и чаще подхожу к зеркалу и смотрю на свое отражение. Я понимаю, что за все в жизни нужно платить, и за любовь тоже. Мы познакомились в аэропорту в зале ожидания при задержке рейса... Так же сложилась и моя жизнь. Она стала похожа на зал ожидания. Двенадцать лет все не прибывает самолет, на котором я должна была прилететь в страну счастья. Двенадцать лет...

— И поэтому вы пришли ко мне? Вы не можете порвать с ним самостоятельно?

— Нет, — покачала я головой.

— Вы все еще его любите?

— Да.

— А он вас?

— Мне кажется, что любит, но... Он безвольный...

— В том-то и дело, что есть одно «но». Скажите, а он вам нужен? Вы понимаете, что, даже если бы этот человек и ушел из семьи, у вас бы с ним ничего не было? Потому что никакой страной

счастья, как вы выразились, все эти годы даже и не пахло.

— Я понимаю...

— Если бы он ушел из семьи, было бы еще хуже, потому что, во-первых, он бы никогда из нее по-настоящему не ушел, а во-вторых, даже если бы он и ушел, то прожил бы у вас неделю и вернулся обратно. Понимаете, если мужчина уходит из семьи, то он уходит из нее сразу и при этом громко хлопает дверью, а если он уходит из нее годами, то не уйдет из нее до пенсии. Отношения с женатыми мужчинами приносят одни муки и больше ничего. Вы же сами женщина и должны сочувствовать его жене.

— Я не могу ей сочувствовать.

— Почему?

— Потому что я не уважаю таких женщин. У них нет никакой гордости. Разве можно столько лет притворяться глухой, слепой и плакать в подушку?

— А может быть, именно так она борется за свою любовь?

— Да какую любовь! Там нет никакой любви! Любовь не может быть без гордости. Если бы мой муж не пришел домой ночевать, я бы уже на следующий день вышвырнула его за дверь, к чертовой матери. Она просто боится остаться одна, потому что привыкла жить за широкой спиной.

— Пусть так, но тогда у вас тоже нет гордости, если вы столько лет встречаетесь с женатым мужчиной, позволяя себя обманывать. Знаете ли, все эти рассуждения — палка о двух концах, и тут тяжело судить, кто здесь прав, а кто виноват. Как правило, женщины тут не виноваты. Тут виноват мужчина, который так эгоистично и необдуманно играет судьбами двух женщин. Романы с женатыми мужчинами должны быть мимолетными, их не стоит затягивать. Лучший способ остаться женщине на всю жизнь одной — это попробовать увести из семьи чужого мужа.

— Но ведь другие мужики разводятся?!

— Другие разводятся, но не ваш. Просто у других есть воля и сильная любовь, цена которой намного больше всего остального. У вашего любимого нет ни того, ни другого. У него нет воли и той любви к вам, ради которой он бы смог принять решение. Зачем ему уходить из семьи, если двенадцать лет вы всегда к его услугам и всегда верите, и всегда ждете?! Тут нечего думать. Вас просто не любят. Если мужчина по-настоящему любит женщину, он сделает все возможное для того, чтобы быть с ней рядом, и для того, чтобы она улыбалась. Отношения с женатыми мужчинами, как правило, принимают затяжной характер и ничем хорошим не заканчиваются. Потеря времени, и больше ничего. А потерять двенадцать лет — это много. Даже слишком много. Ко мне довольно часто приходят женщины, которые потратили на женатых мужчин свою молодость. И это очень печально. Незамужние подруги с квартирами очень удобны женатым мужчинам, и такие Бузыкины — помните фильм «Осенний марафон»? — будут делать все, чтобы ничего не менялось. Семейная рутина засасывает, а разрядка на стороне только стимулирует семейную жизнь и придает ей особую ценность. Не зря же говорят, что хороший левак укрепляет брак. В подобных отношениях не должно быть никаких компромиссов. Тут надо рвать безжалостно. Где двенадцать лет, там может быть и двадцать пять. Это только у мусульман двоеженство в почете. Вы самостоятельная, независимая женщина, так начните же ценить себя сами, и окружающие мужчины будут ценить вас. Пусть этот разрыв будет очень болезненным. Пусть. Все переболит и перекипит,

придет время — и вы поймете, как же вы были правы и от чего вы избавились. Жизнь одна, так проживите же ее достойно и постарайтесь быть в этой жизни единственной. Отказавшись от любимого, но чужого мужа, вы займетесь поисками своего, а как только вы его встретите, то сделаете все возможное, чтобы у него не было той, второй, и чтобы вы смогли стать для него всем — и женой, и любовницей, и лучшим другом. Надо стараться найти человека, который ничем не обременен и никем не занят. Если мужчина уходит из семьи, это занимает у него не больше полугода. Значит, в той семье все было плохо, и, встретив настоящую любовь, мужчина никогда не будет на распутье и сразу сделает выбор в пользу той, которая стала женщиной всей его жизни. Видимо, у вашего мужчины до встречи с вами не было особых проблем в семье и его все устраивало, впрочем, как и сейчас. Задумайтесь над этим. Он просто воспылал к вам. Воспылал, привык, но не полюбил... Он обязательно перегорит и останется со своей женой, а вам будет лгать, как и прежде. А теперь я бы хотела, чтобы вы честно ответили мне на один вопрос.

— Спрашивайте.

— Скажите, а за эти двенадцать лет у вас были другие мужчины?

— За мной ухаживали много мужчин...

— А вы?

— А я все ждала своего Вадима...

— Почему?

— Мне казалось, что если я начну с кем-то встречаться, то это будет измена. Я понимаю, что это бред сумасшедшего, но мне так казалось. У меня конечно же были встречи с другими мужчинами, но какие-то малозначительные. По крайней мере для меня, это уж точно...

— Какая измена, если ваш, вернее даже не ваш, а чужой мужчина, чужой муж, женат и у него есть семья?! Вы понимаете, что во всем виноваты вы сами?! Вы сами топчете свою жизнь!

— Я понимаю! Я хочу построить свою жизнь заново. Если, конечно, еще не поздно. Я хочу научиться жить без него. — Я заговорила взахлеб, глотая слезы. — Я больше не хочу страдать и все время оставаться в тени. Я хочу построить себе гармоничный мир, где мужчине будет отведено более скромное место. Я не хочу, чтобы любовь была краеугольным камнем! Я не хочу женатого любовника! Я не хочу ничего рушить, и я не хочу чувствовать нестерпимую боль от того, что я расстаюсь с мужчиной! Я живу независимо от мужчины, а такая позиция, как правило, приводит к одиночеству. Я хочу свободы! Я не хочу жалеть о своей неудавшейся жизни! Ведь было много хорошего! Ведь временами я была спокойна и счастлива! Я хочу вспоминать об этом человеке с благодарностью за проведенные вместе ночи и дни! Я хочу научиться жить так, чтобы ни о чем не жалеть! Пусть я потеряла свои лучшие годы! Пусть!!! Мне их не жалко, потому что я посвятила эти годы любимому человеку, просто, в этой любви было столько лжи, что я поняла главное: не надо ждать, когда любовь закончится, а надо уметь уходить самой, как бы это ни было больно. Я словно прозрела... Говорят же, что для того, чтобы верить в любовь, нужно быть немного наивной. В последнее время от моей наивности не осталось даже следа. Я стала слишком проницательна. Всю жизнь я прикрывалась обманчивой внешней силой, и никто не мог представить себе, как же я на самом деле слаба. Вы поймите меня правильно. За эти годы у меня было много поклонников, и у меня на руках всегда были все козыри, а теперь... Теперь я понимаю, что я проиграла всю свою жизнь. Я долгое время пыталась быть независимой, и я довольна своей независимостью, хотя сама по себе

независимость — это палка о двух концах... Я привыкла жить, не опираясь на плечо мужчины, но иногда я закрываю глаза и понимаю, как сильно мне нужна опора, потому что иногда опускаются руки и очень тяжело выстоять.

Сказав последнюю фразу, я совершенно бездумно, словно загипнотизированная, сползла с кресла прямо на пол, поджала под себя ноги и посмотрела на перепуганную Ирину каким-то затравленным взглядом.

— Что с вами?

— Можно я посижу на полу?

— Конечно, можно, только он очень холодный.

— Ну и пусть.

— Вам плохо?

— Нет.

— Может, вы все же сядете в кресло?

— Нет. Я посижу на полу.

Я сидела несчастная, бледная как смерть и почувствовала, как мой голос изменился и упал до шепота.

— Ирина, скажите, я дура?!

— Да Бог с вами, Маша, что вы такое говорите?

— Вам меня жалко?

— Мне вас не жалко. Мне за вас обидно. Такая красивая, независимая, самостоятельная женщина... Просто неужели надо было ждать двенадцать лет, чтобы понять, что вас не любят?! Мне кажется, что это слишком большой срок.

— Он меня не любит???

— Нет! — Я почувствовала себя так, словно мне дали пощечину.

— Но ведь он просто безвольный... Он любит двух женщин одновременно...

— Так не бывает.

— Вы уверены?

— В сердце мужчины может быть только одна любовь, а все остальное обыкновенная мишура. Он любит не вас, а секс с вами.

— А мне кажется, что он любит меня, просто у него очень развито чувство долга...

— Когда мужчина любит, его не удержит никакое чувство долга. Мужики уходят и от троих детей, если они действительно любят, примеров тому тьма. И потом если мужчина уходит из

семьи, то это не означает, что его дети остаются без отца, просто его жена остается без мужа. Когда мужик по-настоящему влюбился, его уже ничем не удержишь. Как правило, мужчину держат в семье совсем не дети, а отношения с женой, как бы вам это ни было больно слышать. Вы должны взглянуть правде в глаза: вы обманулись в своих надеждах. У вас нет детей, нет семьи, нет личной жизни, нет уверенности, что вы единственная... У вас большая психика, и вы по-настоящему одиноки, потому что в любых отношениях с мужчиной должно быть будущее, а у вас будущего нет. И вы это знаете. Вы просто хотите верить в то, чего нет. Вы создали себе иллюзии и привыкли ко лжи. Вы ведете себя так, как и его жена. Но у нее есть тыл, семья и средства. Она знает, на что идет. А что есть у вас? На что идете вы? Сексуальные утехи и пустая, одинокая постель пять дней в неделю? Ради чего верите обещаниям вы? Мужчина относится к женщине так, как она ему это позволяет. Вы сами позволили ему к вам так относиться. Вы понимали, что он врет, и делали вид, что верите ему. Если мужчина любит, то для его любви нет никаких преград. Он просто поработил вас и использовал долгие годы. Он ведь говорил вам, что вы все равно не сможете жить ни с кем, кроме него, потому что у вас ужасный характер? Он выработал в вас комплекс неполноценности и использовал вас в своих целях. Имея свою семью, он сделал вас запасной женой, а когда вы говорили, что он чужой муж, он с обидой отвечал, что это все слова, что у вас прекрасные отношения и что вы якобы сами не хотите ничего менять. Вы должны смириться с тем, что вас никогда не любили. Вас никогда не любили, именно поэтому почти двенадцать лет вам обещают развестись, контролируют каждый ваш шаг и наслаждаются вашим телом в любой удобный момент. Он построил ваши отношения так, чтобы вы постоянно чувствовали жуткую потребность в нем, и при этом он бы жил своей жизнью, а вы не имели своей. Есть такой тип мужчин, которые будут встречаться с женщиной до пенсии, уверять ее в своей любви, но так и не смогут уйти из семьи и слиться с ней воедино. И даже если это любовь... Если у него эта любовь и он страдает от того, что он не в силах ничего изменить, подумайте, нужна ли вам такая убогая, однобокая, эгоистичная и жестокая по отношению к вам любовь, которая не принесет вам ничего, кроме боли... Сравните ее с вашей любовью! Эти две любви совсем разные и просто несоизмеримы. Зачем вам такие жертвы? Ведь вам уже не восемнадцать. Пора бы подумать и о собственной жизни, о том, как ее обустроить. В тридцать пять лет. Еще не поздно отказаться от чужого мужа и отправиться на поиски своего. Выйдите на улицу и посмотрите — мир полон мужчин!

— Мир полон женатых мужчин!!! — прокричала я голосом, полным отчаяния. — Все мои сверстники и мужчины постарше женаты, а те, кто еще холост, намного моложе меня!

— Это неправда. В сорок лет многие мужчины переосмысливают свою жизнь, понимают, что вместе с молодостью прошли и чувства, которые в сущности были просто юношеским увлечением, и уходят из семей, предпочитая жить в одиночку. Мир полон мужчин! И одиноких тоже, поверьте мне... Я говорю вам это как специалист. Оставьте чужую жизнь, чужого мужа, чужую постель и чужую ложь. Выйдите на улицу и посмотрите на все другими глазами. Двенадцать лет одиночества — это очень много... Поверьте мне, это много. Это перебор. Вы хотите быть единственной?

— Единственной?

— Ну, да.

— А разве так бывает?

— Бывает, дорогая моя. Бывает! Я же вам говорю, что в этой жизни бывает все! И каждая женщина имеет полное право быть единственной. Вы посмотрите на себя. Ведь вы настолько разуверились в себе и своих силах, что любая мысль о замужестве как таковом кажется вам до неприличия нелепой и абсурдной. Признайтесь, ведь на улицах вас раздражают супружеские

пары? При виде их вы наверняка отворачиваетесь, с трудом сохраняете самообладание и сдерживаете непонятно откуда взявшиеся слезы. Вы больше не верите в любовь, а ваша настоящая любовь уже давно перешла в пагубную и разрушительную привычку. Вы уверяете и каждый день убеждаете себя в том, что не обязательно жить с человеком, главное просто знать то, что он есть. Что настоящая любовь не нуждается в обручальном кольце, поездке в загс и венчании в церкви. Вы считаете, что любовь — это не сделка и ее не нужно скреплять какой-либо печатью. Вы научились любить на расстоянии. Все это так, и ваше мнение можно уважать, но только в том случае, если в игре двое. А тут все совсем иначе. В игре, которую играете вы, трое, и это говорит само за себя. Вы вбили себе в голову, что уже никого не сможете впустить в свою жизнь так глубоко, кроме того, с кем встречаетесь целых двенадцать лет. Вернее, это не вы себе вбили в голову, а он вам. Ему это выгодно, но выгодно ли вам то, что выгодно ему, подумайте об этом... Прекратите травить себя, свою жизнь и свою судьбу. Хватит как заклинание твердить одни и те же слова: «Ни с тобой, ни без тебя». Это по меньшей мере глупо, потому что у вас всего одна жизнь и одна судьба. У вас сложилась карьера, потому что вы самостоятельная, независимая женщина и можете сами, без помощи мужчины, заработать себе на жизнь, ну а как же ваша судьба как женщины? Об этом тоже стоит подумать. Ведь в вашей жизни есть мужчины, так подпустите их близко, даже достаточно близко, и вы увидите, как круто изменится ваша жизнь. Вам необходимо перевернуть страницу, несмотря на то, что она очень тяжелая, чуть ли не в целую тонну. Вы сами выбрали одиночество, и это не лучший выбор. Посмотрите на себя в зеркало, вы такая блистательная, такая грациозная, такая восхитительная... Вы просто обязаны подарить себя мужчине, который тоже устал от одиночества и уже не надеется встретить такую женщину.

Ирина села рядом со мной на пол и заглянула мне в глаза.

— Я тоже посижу на полу. Вы знаете, а он совсем не холодный. Я говорю с вами уже не как специалист, а как женщина с женщиной. Женатый мужчина хорош лишь в начале отношений, когда чувства только нарастают, а потом... Потом эта любовь становится тяжелым испытанием для одинокой женщины. Даже очень тяжелым. Я встречалась с женатым мужчиной ровно два года.

— И что?

— У меня хватило ума и сил прекратить эти отношения. Понимаете, мне в них было некомфортно. Мне вообще не комфортно, когда в отношениях трое... Я с детства не переношу толпы... У меня в ней кружится голова, и я задыхаюсь. У меня аллергия на толпу. Да, да, самая настоящая аллергия.

Я посмотрела на Ирину, сидящую на полу, и улыбнулась сквозь слезы:

— Когда мне вас рекомендовали, мне говорили, что вы ведете себя с клиентами крайне нестандартно, но я и не думала, что до такой степени. Зачем вы сели на пол?

— Затем, что я не могу разговаривать с вами свысока. Это как-то неудобно.

Я закрыла глаза, почувствовала, как пересохло во рту, и ощутила вкус паники. Неприятный и довольно горький вкус. Я... Я тихонько всхлипнула и поняла, что у меня больше нет моего любимого, потому что он никогда не был моим... Я должна найти силы и разорвать этот круг. Я должна отпустить его к той, которая ждет этого разрыва ровно двенадцать лет и верит, что придет время и я обязательно прозрею... Я знаю, что впереди долгая борьба с собой, борьба за то, чтобы избежать с ним встреч и научиться жить без него. А еще, несмотря ни на что, я верила в отношения, где только двое, где есть подлинное родство душ и предельная честность.

Внезапно у меня зазвонил мобильный. Я вздрогнула, открыла глаза и достала его из кармана, даже не обратив внимание на то, что на определителе высветился номер Вадима.

— Машуль, привет, ты где?

— У психолога, — ледяным голосом ответила я.

— А на фиг он тебе нужен?

— Он помогает мне избавиться от тебя.

— Машуль, да ты что? Я ведь уже объяснял тебе, что за публика эти психологи. Объяснял или нет?

— Объяснял.

— Психолог тетка?

— Женщина.

— Тебе что, деньги некуда девать, что ли? Если хочется поговорить по душам, то поговори со мной. Я тебе все объясню и дам полный расклад. Ходить к психологам последнее дело. Это тетки, которые завидуют таким женщинам, как ты, тем, кого по-настоящему любят. Они сами с неустроенной судьбой и руководствуются только теорией, забывая про практику! Ты никому не верь и ни с кем не смей перемывать мне кости! Ты же знаешь, что я тебя люблю! Ты это знаешь! Мне, кроме тебя, никто не нужен! Понимаешь, никто!

— А жена?

— При чем тут жена?! Она же нам не мешает. Я никого не ищу, а ты всю дорогу в поисках. Вбила себе в голову, что я женат, и постоянно меня этим попрекаешь. Придумай что-нибудь новое, это уже надоело. То, что я женат, не актуально. Понимаешь, не актуально... Ты же прекрасно знаешь, как я живу со своей семьей. Я в любое время в твоём распоряжении. Я могу примчаться к тебе хоть днем, хоть ночью. А жена... Это так. Мать моих детей, и не более того. У меня нет отношений с этой женщиной и никогда не было.

— Но ведь я же должна когда-нибудь устроить свою жизнь. Я больше так не могу. Мне уже тридцать пять. Ты был женат, когда мне было двадцать три, и ты женат, когда мне стало тридцать пять.

— Машуль, в тридцать пять лет жизнь только начинается. Спроси это у любой женщины. Ты стесняешься своего возраста, что ли? В тридцать пять женщина только расцветает. Жизнь начинается!!! Зачем тебе ее с кем-то устраивать, если у тебя есть я?! Я всегда твой. А насчет брака... Поверь мне, хорошее дело браком не назовут. Тебе хочется стирать носки и трусы, варить борщи, вставать ни свет ни заря и готовить мужу завтрак?

— Хочется.

— Тогда будешь, хотя я плохо представляю тебя в этой роли.

— А зря. На эту роль подойдет любая женщина. Я просто хочу быть единственной.

— А ты и так единственная.

— А жена?

— Машуль, хватит. Ты меня уже достала этой женой. Она нам совсем не мешает. Скоро мы будем вместе! Осталось совсем немного. Совсем чуть-чуть...

— Я слышу уже это скоро двенадцать лет.

— Машуль, но не все же так быстро делается... Как говорится, поспешишь — людей насмешишь. Я ведь сейчас как раз собираюсь с духом из семьи уйти, а ты меня прямо за горло берешь... Если бы ты хотела, то уже давно бы меня развела.

— Ты что, ребенок малолетний что ли, чтобы я сама тебя разводила?

— Это я к тому, что ты вечно меня торопишь и не даешь собраться с духом.

— Вадим, ты надо мной смеешься?

— Машуль, это тебя что, психолог науськал? Гони его в задницу! Мы в своих отношениях сами разберемся, без посторонних. Нам советы не нужны! Ты просто должна научиться ждать, а ты не умеешь! Ты совершенно не умеешь ждать! Нормально ждать и не заглядываться на посторонних мужчин! Я должен убедиться в том, что, кроме меня, тебе никто не нужен!

— Двенадцать лет тебе для этого мало?

— Не так уж это и много. Одного моего знакомого любимая женщина ждет уже двадцать лет и в отличие от тебя не упрекает его ни в чем и не жалуется. Она просто умеет ждать.

Не дослушав знакомую песню до конца, я отключила мобильный и закрыла глаза.

— Ирина, а вы замужем? — чуть слышно спросила я.

— Да.

— А удачно?

— Очень. У меня очень хороший супруг. Нашей дочери пять лет. Я на личную жизнь не жалею. Мне повезло. Я люблю и любима. Понимаете, было время, когда ко мне пришла огромная женская тоска. Тогда я оказалась совершенно одна — и сейчас об этом даже вспомнить страшно. Я прекрасно знаю, что такое вкус одиночества. Это вкус голодного одинокого волка, который воет, не замолкая ни на минуту. Я приходила домой, падала на кровать и громко рыдала на всю квартиру. Я рыдала так, что меня слышали соседи и звонили в дверь, предлагая мне свою помощь. Но чем они могли помочь... Мне встречались только чужие по духу мужчины, и я не понимала, как я смогу с ними жить. Я легко знакомилась, но ничего хорошего из этих знакомств не выходило. Когда я встретила своего мужа, я сразу поняла, что это мой человек. Между нами сразу установилась незримая связь. И вот я любимая, единственная и абсолютно счастливая женщина. Все мое одиночество осталось в прошлом.

Когда Ирина закончила свой рассказ, меня словно током ударило. Я стала ненавидеть себя, Вадима, его жену и весь этот многолетний спектакль. Мне захотелось все прекратить и оборвать все связующие нас нити. Я почувствовала полный упадок духа, тошнотворное саморастворение и жалость к себе за то, что за все эти годы я превратилась в ничто... Я хотела набраться сил и пережить следующий отрезок своей жизни. Обязательно выжить и не сломаться. Я вдруг отчетливо поняла, что Вадим сам верил в то, чего нет, воображал, что он

свободен, хотя был связан по рукам и ногам. Он был накрепко спаян с другой женщиной, от которой никогда бы не смог освободиться, даже если бы ее по-настоящему возненавидел. И это была безысходность... Я знала, что пришло время себя защищать — защищать свою дальнейшую жизнь и судьбу... Я поняла, что я познала любовь и, если Бог даст, я смогу познать ее еще раз. И вдруг... Вдруг мне захотелось жить, хотя совсем еще недавно я готова была наложить на себя руки. Мне вдруг стало плохо от одной мысли, что такая молодая женщина, как я, хотела собственной смерти. Я устала оплакивать свою жизнь... Почему какой-то мужчина значил в моей жизни намного больше, чем я сама?! Внезапно я подумала о том, что я и сама не знаю, любит ли он меня. И я вдруг поняла, что я уже сама не знаю, хочу ли я получить его или нет. Скорее всего, не хочу... Я отчетливо увидела его эгоизм и зов его плоти, а еще я осознала, что наша любовь никогда не была подлинной и никогда не была чистой. Меня просто подчинили себе, своему укладу и своему образу жизни... Я должна выздороветь и переписать свою жизнь заново, с черновика на белый лист, потому что если так будет продолжаться дальше, то я проживу в одиночестве до старости, да и умру тоже в тягостном одиночестве... Я вновь посмотрела на психолога и сказала, словно в тумане:

— Мне нужна помощь. Мне нужна экстренная помощь.

— Я вам помогу. Лечиться начнем прямо сегодня. Различные процедуры, гипноз, иглоукалывания, сеансы психотерапии... и никакого общения с вашим возлюбленным. Хотя бы сократите его до минимума. А вообще нет. Вам нужно перебороть себя и прекратить все резко. А затем поезжайте в отпуск. Отдохните, развейтесь и заведите курортный роман.

— Это все перспективы. Мне нужна экстренная помощь.

— Как скажете...

— Мне нужна экстренная помощь потому, что, если Вадим приедет ко мне сегодня вечером без звонка, как он делал это долгие годы, я его убью. Я обещаю вам, что я просто его убью... У меня есть револьвер, я купила его с рук у одного старого знакомого... Не верите, а зря, потому что я знаю даже, как и когда это сделаю...

ГЛАВА 1

Заехав в ближайший бар, находящийся на шумной улице, я припарковала машину у самого входа, зашла внутрь, сняла норковую шубу и, сев за барную стойку на высокий крутящийся табурет, заказала себе порцию виски. Наблюдавший за мной бармен кивнул головой в сторону моей машины, которая была отчетливо видна сквозь широкие стеклянные двери бара, и осторожно спросил:

— Не боитесь за рулем?

— Не боюсь. Я в состоянии откупиться.

— А если права отберут?

— Права отбирают у тех, у кого денег нет.

— Как знаете. Вы правы, в наше время деньги решают все.

— Деньги во все времена решали все...

Взяв свой бокал, я пересела за столик в самом дальнем углу бара и принялась медленно потягивать виски. После визита к психологу я чувствовала себя окончательно разбитой, подавленной и опустошенной. Но зато этот визит пошел мне на пользу. Сегодня я приняла решение, которое не могла принять несколько лет. Сегодня я почувствовала себя свободной, без намордника и поводка, которые все эти годы надевал на меня мой любимый. Я посмотрела на отключенный телефон, извлекла из него телефонную карту с прежним номером и выкинула ее в мусорную корзину. С сегодняшнего дня я научусь получать удовольствие не от любимого мужчины, а от себя самой. Я должна научиться ни о чем не жалеть, чувствовать облегчение и быть самой собой. Правда, это довольно сложно. Долгое время меня словно носило по волнам, а теперь я чувствую себя выброшенной на берег.

Это совсем не значит, что я зачеркнула свое прошлое и решила полностью от него освободиться. Совсем нет. Просто я решила попробовать жить настоящим и по возможности думать о будущем. Я смогла простить того, на кого у меня было слишком большая обида, и поняла, что из-за этой многолетней обиды я не могу одним махом перечеркнуть свою жизнь. Я знала, что я просто обязана простить Вадима и не держать на него зла. Только весь вопрос в том, как я смогу это сделать. Нужно подыскать такое объяснение, которое расставило бы все по своим местам. В принципе объяснение одно — человек женат. Других объяснений нет и просто не может быть. Да, много лет у нас тянулся роман, но в этом романе не было гармонии, потому что гармония может быть только в тех отношениях, где есть двое, а в романе троих она невозможна. Я не хотела признать свое поражение, потому что привыкла побеждать, а тут... тут у меня нет победы... Наши отношения были просто исключением из правил — с другим женщиной я бы никогда не допустила ничего подобного. Впрочем, я кривила душой. Обида завладела мной полностью и прочно взяла меня в свои тиски. И все же... Все же я утешалась сознанием того, что за эти годы я хлебнула всякого и у меня просто нет сил и дальше любить... несмотря на то, что я вспоминаю своего любимого с особой нежностью. Отныне я буду жить жизнью, где самое главное не любовь, а я сама. Мой визит к психологу не прошел зря — в последние дни мои эмоции вырвались из-под власти рассудка. Рациональные доводы не помогали и ни при каких обстоятельствах не могли призвать разум к здравому смыслу.

Я вновь поднесла бокал ко рту и с удовлетворением отметила, что моя рука уже не дрожит. Сделав небольшой глоток, я оглядела полупустой бар и обратила внимание на симпатичного, прилично одетого мужчину, который был явно чем-то расстроен и заказал довольно большую порцию водки с лимоном — без всякой закуски. Выпив водку за считанные секунды, он заказал еще одну точно такую же порцию и, как только она оказалась у него в руках, пересел за соседний ко мне столик, задев при этом меня.

— Простите.

— Ничего страшного.

Я была в этом баре не в первый раз, и он по-своему мне нравился. Он был невелик, но в нем было как-то тепло, комфортно и даже дружелюбно, царил атмосфера спокойного уюта. Полумрак и одинокие зажженные лампы в виде фонариков на столах, такие же одинокие, как и я сама, да что там — как и вся моя жизнь. Это было вполне благопристойное и безопасное место.

Севший за соседний столик мужчина поднял свой бокал, посмотрел в мою сторону и со словами «с вашего позволения» выпил водку залпом. Затем он достал коричневую сигарету и закурил, по-прежнему не сводя с меня глаз. Я постаралась улыбнуться и нерешительно спросила:

- Вам плохо?
- Почему вы так думаете?
- Вы пьете не закусывая.
- А вы считаете, что пить нужно только закусывая?
- Я считаю, что пить нужно хотя бы закусывая. Когда вы зашли в этот бар и подошли к стойке, у вас был такой удрученный вид. Мне показалось, что вам плохо. Извините, если я ошиблась.
- Вы не ошиблись. Мне и в самом деле плохо, только не от водки, а от жизни, — как ни в чем не бывало ответил мужчина и выпустил изо рта ровные колечки дыма.
- А...— понимающе кивнула я головой. — Бывает. У меня тоже что-то подобное.
- Тогда, может, объединимся?
- Зачем?
- Затем, чтобы пить вместе, а не в одиночку. Говорят, что в одиночку пьют тихие алкоголики.
- Наверно, мы с вами такие и есть, — усмехнулась я и посмотрела на свой пустой бокал грустным взглядом.
- Вы не против, если я сяду за ваш столик?
- Садитесь. У меня все равно пусто.
- Вы меня приглашаете? А то я как-то не привык навязываться.
- Садитесь, — утвердительно кивнула я головой и показала на свободное место рядом с собой.
- А что вы пьете?
- Виски.
- Какое?
- С черной этикеткой, оно позабористей. А у меня сейчас так кошки на душе скребут, что хочется чего-нибудь покрепче.
- Тогда я составлю вам компанию, а то я зачем-то начал с водки.

Мужчина подошел к бармену и заказал виски с различными экзотическими фруктами. Сев рядом со мной, незнакомец пристально посмотрел в мои тоскливые глаза и понимающе произнес:

- Я смотрю, вам тоже паршиво.
- С чего вы взяли?
- С того, что вы сидите и пьете одна.
- А вы считаете это признаком дурного тона?

- Нисколько. Просто неудобно как-то такой роскошной женщине пить в гордом одиночестве.
- Я уже привыкла.
- К чему? К выпивке?
- Нет, к одиночеству.
- Это плохая привычка. Поверьте мне, не самая лучшая. А от вредных привычек надо бы избавляться. Когда я сюда зашел и увидел вас, я первым делом обратил внимание на ваши глаза.
- Обычно мужчины сразу обращают внимание не на глаза, а на внешность. На ноги, на грудь...
- Знаете ли, вы сидите за столом, и мне совершенно не видно ваших ног. Да и ваша грудь спрятана за многочисленными рюшами на вашей кофте. Так что первым делом меня привлекли ваши глаза.
- Глаза? Знаете, а сегодня я уже слышала про свои глаза... Я даже знаю, что вы хотите мне сказать. Вы хотите мне сказать, что у меня глаза восьмидесятилетней женщины.
- Боже мой, какая глупость. Если не секрет, кто вам сказал подобную чушь?
- Психолог.
- Психологи никогда не скажут ничего хорошего. Ходить к ним последнее дело. Человек должен справляться со своими проблемами сам, и только сам. Поверьте мне, никто не может вас научить, как нужно жить, потому что никто сам этого не знает. У жизни нет никаких рецептов, на то она и жизнь.
- А если человек не может самостоятельно справиться со своими проблемами?
- Должен смочь. Человеку от рождения дано ровно столько проблем и столько испытаний, сколько он может вынести.
- Я с вами не согласна. У одних людей всю жизнь тишь да гладь, а у других стресс за стрессом и никакого просвета... Так что вы там хотели сказать насчет моих глаз?
- У вас глаза одинокой женщины.
- Что?
- Я говорю, что у вас глаза одинокой женщины. Тут и думать нечего. Я это заметил с первой секунды, как только вас увидел.
- Я вовсе не одинокая женщина, — сказала я и невольно опустила глаза. — Я свободная женщина, тем более что у меня есть мужчина.
- У вас есть мужчина?
- А что, не похоже?
- Я совсем не хотел вас обидеть. Только мне совершенно непонятна позиция вашего мужчины. Почему такая красивая женщина должна пить в одиночестве? Впрочем, я, наверно, слишком

назойлив. Я больше не буду задавать глупых вопросов, а вы больше не будете на них отвечать. Договорились?

— Договорились.

Я рассмеялась, но тут же почувствовала, как сбилось мое дыхание. Я поняла, что мы стараемся казаться непринужденными, но при этом нервничаем оба. У каждого из нас были свои проблемы. Мы пили крепкое виски без содовой и оба пытались спрятаться в алкогольном тумане для того, чтобы расслабиться и убежать от гнетущих нас мыслей. Я сделала глоток виски, вытерла языком влажные губы и улыбнулась — довольно дерзко и довольно соблазнительно.

— Знаете, а мы до сих пор с вами не познакомились. Меня зовут Маша.

— Понятно, — словно ребенок, засмеялся мужчина. — А меня Анатолий. Знаете, Маша, у вас очень красивое имя. Такое нежное и мягкое. Наверно, его носят создания нежные и чувственные. У меня была одна знакомая Маша.

— А где она сейчас? — поинтересовалась я довольно бестактно.

— Она осталась в далекой молодости. Маша, простите, а вы за рулем? Это ваша машина стоит у бара?

— Моя.

— Как же вы поедете в таком состоянии?

— Нормально. А в каком я состоянии?

— Вы выпили.

— Подумаешь, деньги есть, откуплюсь.

— Да разве в этом дело! Вы же можете устроить аварию, людей погубить!

— Пьяный водитель — реальная угроза на дороге! — произнесла я полупьяным голосом и почувствовала, как у меня слегка поплыло перед глазами. — Только знаете, Анатолий, я никакой угрозы не представляю и никого губить не собираюсь. Я вообще миролюбивая женщина и терпеть не могу никаких конфликтов. Это все вокруг меня создают реальную угрозу моей жизни, каждый так и норовит в лобовую ударить, чтобы я потеряла сознание. Ведь аварии бывают не только на дорогах. Они бывают и в жизни.

— Так вы сейчас попали в такую аварию?

— Совершенно верно. Такой лобовой удар, что дальше ехать некуда.

— Тогда почему вы еще живы? — усмехнулся мужчина.

— Сама не знаю, — совершенно серьезно ответила я. — Иногда мне кажется, что меня уже нет.

— Я, наверно, опять лезу не в свое дело, но вы меня прямо заинтриговали. Если не секрет, кто в вас въехал?

— Мужчина, кто ж еще на бешеной скорости может въехать в женщину?

— Он что, не знает правил дорожного движения?

— Знает, но плюет на них. Он считает, что ему все можно. Он говорит, что правила для тех, кто тормозит, а у него тормозов нет. Они у него уже давно отказали. Он прет прямо на красный, потому что привык делать только то, что ему хочется.

Анатолий засмеялся и подлил мне немного виски.

— И часто вас бьют в лобовое?

— Часто, но раньше я после каждого удара хоть как-то могла восстановиться, а на этот раз моя душа восстановлению не подлежит. Я думаю, что ее можно списать и сдать на металлолом.

— По-моему, вы слишком рано ставите на себе крест. Знаете, а ведь мы с вами товарищи по несчастью. Я тоже попал в довольно крупную аварию, но тем водителем, который в меня въехал, оказалась женщина.

— Женщина?!

— Конечно, неужели вы думаете, что только мужчина способен причинить боль женщине. Бывает и наоборот.

— Эта женщина вас не любит?

— Знаете, с той поры, как я с ней познакомился, я понял, что я очень плохо знаю женщин. Они слишком непредсказуемы, слишком эгоистичны, слишком скрытны и вообще себе на уме.

— Вы ее очень любите?

— Я к ней очень привязан, и я ее люблю, а когда человек к кому-то привязан, он пытается найти оправдание поступкам другого и даже в плохом ищет хорошее.

Знаете, а я и не думал, что заеду в бар для того, чтобы напиться и забыться, увижу незнакомую девушку и начну ей исповедоваться, словно школьник.

— А вы считаете, что исповедуются только школьники?

— Совсем нет. Просто подобные исповеди не для меня.

— Вы заехали в бар, чтобы завить горе веревочкой?

— Что-то вроде того. Я заехал в этот бар, чтобы мне стало легче.

— А вы не пробовали заехать к психологу?

— Боже упаси. Я же сказал вам, как я к ним отношусь. Стресс может снять старая добрая выпивка, а от этих психологов только хуже становится.

— Тогда давайте выпьем еще, — произнесла я полупьяным голосом и жадно посмотрела на бутылку виски.

— Маша, а вы уверены, что вы сможете сесть за руль? — не на шутку забеспокоился мужчина.

— Уверена.

— А мне кажется, что вам уже хватит.

— Вам это только кажется. Я могу водить машину в любом состоянии. Только, ради Бога, не читайте мне нотаций. Насчет аварии я уже вам сказала, я попала в нее уже давно, только она произошла не на дороге, а в моей жизни. Ну а насчет ДТП... Что ж, чему быть, того не миновать. Сдохну к чертовой матери, и все дела. Кому нужна такая жизнь? Лучшие годы прошли, но тот, кому они были посвящены, так и не оценил их по достоинству.

— О чем вы говорите, ведь вы еще молодая, красивая. У вас вся жизнь впереди.

— Еще скажите, что я юная и сопливая.

— И скажу.

Анатолий покачал головой и подлил мне виски. Я не стала ждать приглашения, поэтому, не обращая внимания на его реакцию, мысленно с ним чокнулась и осушила бокал до самого дна.

— Только не нужно на меня так смотреть. Конечно, алкоголь пагубно действует на организм, конечно, это враг, но, по-моему, самый главный враг, который пагубно действует на организм, это мужчина. Куда там алкоголю! Вы знаете, как он сажает сердце?

— Кто? — не понял меня Анатолий.

— Мужчина.

— Мужчина?!

— Это же страшное дело, как он его сажает.

Анатолий принялся кормить меня виноградом поочередно с кусочками ананаса и смотреть на меня изучающим взглядом.

— Знаете, я понимаю, что вас очень сильно обидел мужчина, но все же позволить вам сесть за руль я не могу, что бы вы там ни говорили. Вы сейчас в таком состоянии...

— Да я уже двенадцать лет в таком состоянии.

— Вы что, пьете двенадцать лет? — не на шутку перепугался Анатолий.

— Ну что вы. Разве я похожа на женщину, которая пьет? Я просто двенадцать лет нахожусь в состоянии стресса. Я сегодня была у психолога, и, признаться честно, я совершенно не думала, что этот визит на меня так подействует.

— Вы почувствовали себя лучше?

— Я почувствовала себя еще хуже. Мне просто захотелось выпить до чертиков.

— И что же вам посоветовал психолог?

— Завести курортный роман или что-то типа того. Психолог сказала мне, что мир полон мужчин. Представляете, она так прямо и сказала!

— А вы в этом сомневаетесь?

— Она сказала, что мир полон холостых мужчин.

— Она правильно вам сказала.

— И вы тоже так думаете?

— А почему бы и нет?

— Простите, а вы женаты? — Я прищурила глаза и посмотрела на мужчину вызывающим взглядом.

— Холост, — не моргнув глазом ответил Анатолий. — Вернее, разведен. Но не подумайте, что я какой-то отшельник. Я люблю одну женщину, но она исчезла. Наверно, именно поэтому я и запил горькую.

— Как это исчезла?

— Я думаю, что она меня просто бросила.

— Почему?

— Откуда я знаю, почему женщины нас бросают? Почему они исчезают из нашей жизни в самый неподходящий момент, когда мы больше всего в них нуждаемся?! Почему они вообще исчезают, ничего не объяснив? Неужели так тяжело поставить в отношениях последнюю точку и хотя бы сказать, что заставило тебя так поступить?! Это же самое настоящее предательство, удар в спину, причем очень сильный удар.

Мужчина открыл свою кожаную барсетку и, заметно волнуясь, дрожащими руками достал оттуда два билета и две путевки туристического агентства. Положив билеты с путевками прямо передо мной, он одним махом выпил свою порцию виски и заговорил взволнованным голосом:

— Вот, смотрите сюда. Два билета на Красное море. Арендованная двухэтажная вилла и весь комплекс услуг VIP-класса, для особо важных персон. Моя любимая женщина очень долго мечтала об этой поездке. Я не мог повезти ее раньше, было очень много работы. А затем, когда я немного освободился, мы вместе поехали на фирму, выбрали лучшую виллу, заметьте, не отель, а именно виллу, все оплатили. Она была счастлива. Вы даже не представляете, как она была счастлива. Целый месяц на Красном море, на шикарной вилле, категорией намного больше, чем пять звезд — ведь это мечта любой женщины!!! Мы смотрели эту виллу на видеоролике. На ней останавливаются мировые знаменитости. Она просто утопает в роскошных цветах и находится на самом берегу моря. Моя любимая еще тогда сказала, что это просто рай земной. Она просто бредила этой поездкой.

— И что же произошло?

— Произошло то, что она никуда не едет. — Мужчина заметно побледнел и нервно застучал пальцами по столу.

— Почему?

— Я тоже хочу знать, почему! Вы даже себе представить не можете, как я хочу это знать! Я бы полжизни отдал, только бы докопаться до истины. Ведь я все для нее делал. Я никогда ее ни в чем не ограничивал и не ущемлял. Я исполнял все ее прихоти. На днях я возил ее по

магазинам. Она купила себе дорогой чемодан, купальники, летние наряды. Я платил за все, а она радовалась, как ребенок. А вчера...— Мужчина замолчал, побледнел еще больше, и я увидела, как у него затрясся кадык. Несколько секунд он не мог промолвить и слова.

— Вчера она отключила свой мобильный. Я испугался, вдруг с ней что-то произошло, но только позже я понял, что она не хочет меня слышать.

— Как вы это узнали?

— Я позвонил ей на домашний. Она сделала вид, что меня не узнала. Она сказала, что я ошибся номером. В принципе я не слишком-то этому удивился. Она делала так и раньше, когда муж был дома... Не может же она разговаривать со мной при своем муже.

— А она замужем? — Я почувствовала, как у меня перехватило дыхание.

— Она замужем. Но ее муж конечно же ничего не знал о наших встречах, хотя о них знали все. Как правило, мужа и жены всегда обо всем узнают последними. Так было и так будет всегда. Короче, вчера мы должны были встретиться. Так как мы живем в разных концах Москвы, а ей часто нужно быть дома к определенному времени, я снял для наших встреч квартиру в ее районе. Вчера мы должны были там встретиться. Я приехал, открыл дверь, а на кухне лежит записка: мол, Анатолий, прости и никогда больше меня не беспокой, я решила остаться с мужем. И все, больше никаких объяснений. Вообще никаких. А ведь долгое время она уверяла меня в своей любви, говорила, что настанет такой день, когда она обязательно сознается во всем своему мужу и уйдет от него раз и навсегда. Вы можете представить мое состояние? Вы понимаете, что мне довелось пережить? Я не знаю, как я пережил эту ночь. Ее мобильный отключен, а по домашнему никто не отвечает. И вот сегодня я не выдержал и поехал к ней домой.

— Вы поехали к ней домой?

— Ну да, а что, по-вашему, мне оставалось делать? Я же не могу просто взять и молча потерять любимую женщину? Тем более сегодня ночью мы улетаем. Дверь открыл ее муж. Я попросил свою любимую и сказал, что я ее коллега, пришел по делу. Сказал, а потом понял, что сморозил настоящую глупость, ведь моя любимая не работает и никаких коллег у нее нет и не может быть. Просто я был не в себе. Ее муж сказал мне, что прекрасно знает, кто я такой, что он за все простил свою жену и что она поклялась со мной порвать. В тот момент мне казалось, что земля уходит у меня из-под ног. Я повел себя как душевнобольной.

Схватил мужа за грудки, стал кричать, что Кира моя женщина, что она любит меня, а не его и что я просто его убью. На эти крики выбежала перепуганная Кира, обняла своего мужа, попросила меня навсегда уйти из ее жизни, а когда в коридор выскочил ее сын, она просто закрыла перед моим носом дверь. Вот, собственно, и все. Я не могу найти этому объяснения. У нас было все просто прекрасно, даже ни малейшего повода для ссор. А главное, что ее муж никогда не сможет отвезти ее на Красное море, даже в двухзвездочный отель. Все, на что он тянет, так это на «фазенду» в шесть соток, где Кира целое лето вкалывает как каторжная, согнувшись в три погибели над грядками.

— А сколько по времени длился ваш роман? — задала я вопрос, который больше всего меня волновал.

— Три года.

— Так мало?

— О чем вы говорите? Это очень даже много. Три года жизни потратить на женщину, которая каждый день обещала развестись... Ровно три года... И такой плачевный финал.

— Три года это ничто. Это не срок.

— Вы так считаете?

— Я потратила на своего мужчину ровно двенадцать лет.

— Сколько?

— Двенадцать лет. Вернее, почти двенадцать.

— Вы это серьезно?

— Серьезнее не бывает.

— Он ваш муж?

— Муж... только не мой. Двенадцать лет изо дня в день он обещал развестись. Целых двенадцать лет...

— И вы ему верили?

— Верила, — ответила я с глазами, полными слез. — В том-то и дело, что верила.

— И что, он тоже исчез?

— Вовсе нет. Зачем ему исчезать? У него все хорошо. Исчезаю я.

Неожиданно мой новый знакомый долил остатки виски мне в бокал, и я заметила, как загорелись его глаза. Пододвинув мне довольно приличную порцию, он заметно занервничал и немного с опаской спросил:

— Маша, а вам психолог и вправду прописал курортный роман?

— Да.

— Так заведите его со мной!

— С вами?

— Ну да. Я приглашаю вас на Красное море на целый месяц. Еще не поздно поменять билеты. У вас есть загранпаспорт?

— Есть.

— Тогда решайте!

— Но как же так сразу?

— Вот так.

— С незнакомым человеком?

— Да какие мы с вами незнакомые, если мы рассказали друг другу свою жизнь?! Подумайте сами!

— Но я не могу...— заерзала я на стуле. — У меня работа...

— А где вы работаете?

— В одной солидной фирме. Я не могу все бросить, я занимаю на этой фирме один из руководящих постов.

— Тем более вам будет легче уехать.

— Но дело не только в работе... Дело в том, что у меня с завтрашнего дня начинается лечение. Сеансы гипноза, психотерапии и многое другое.

— Я думаю, что Красное море будет для вас самым лучшим лечением. Решайтесь, не каждый день вам предлагают виллу на Красном море и два билета туда и обратно. Зачем искать курортный роман, если он уже найден?

— Как найден?

— Вот так!

Я залпом допила свое виски, и у меня перед глазами все подернулось пеленой. Затем я посмотрела на моего спутника пьяным взглядом и пробормотала:

— Вы это серьезно?

— Что именно?

— Вы серьезно предлагаете мне сегодня ночью лететь с вами на Красное море?

— Разве я похож на шутника? Я же вам говорю, что у нас еще есть время поменять билеты.

— Дайте мне свой мобильный, а то я временно без связи, я сегодня из своего карточку выкинула, а новую купить еще не успела.

Анатолий протянул мне свой телефон, и я не задумываясь набрала номер психолога Ирины.

— Ирина, здравствуйте, это Маша. Как вы смотрите на то, чтобы сегодня ночью мне улететь на Красное море? На целый месяц?

— Очень хорошо. Вам это пойдет на пользу.

— А если я полечу туда с незнакомым мужчиной?

— Замечательно. За месяц вы сможете прекрасно познакомиться.

— Но ведь я его совершенно не знаю?

— У вас достаточно времени, чтобы его узнать. Если у вас есть такая возможность, то не стоит раздумывать ни минуты. Я желаю вам приятной поездки и новых впечатлений. Вы можете звонить мне в любое время. Счастливого пути.

Я протянула Анатолию телефон и представила, как Вадим будет искать меня целый месяц, караулить у дома, приезжать на работу и откровенно страдать. От этой мысли на моем лице появилась блаженная улыбка, которая и подтолкнула меня к окончательному решению.

— Я согласна. Я еду с вами на Красное море. Мой врач сказала мне, что сейчас для меня это будет лучшее лекарство.

— У вас очень хороший врач.

— У меня потрясающий врач.

— Надо же, оказывается, психологи тоже бывают разные.

ГЛАВА 2

Когда мы поднялись из-за стола, то, несмотря на задурманенную алкоголем голову, я стала все яснее и яснее осознавать, что я делаю. Я собираюсь улететь прямо сегодня ночью на Красное море с совершенно незнакомым мужчиной, о котором мне по большому счету ничего не известно, жить с ним на какой-то вилле целый месяц и с головой окунуться в предстоящий курортный роман. Вспомнив о своей подруге Ладке, я вдруг подумала, что, если я ей об этом расскажу, она конечно же покрутит пальцем у виска и посоветует остановиться, пока не поздно.

Анатолий помог мне надеть мою голубую норковую шубку и, взяв за руку, вывел из бара. Я пошатываясь посмотрела на свой автомобиль и сказала «умную» фразу:

— Это же надо было так набраться! Это ж надо... Мой спутник не выпустил моей руки и повел меня к пассажирскому сиденью.

— Маша, вас отвезет домой мой водитель. Вы только, пожалуйста, назовите точный адрес. Он поставит вашу машину на стоянку и поднимется к вам в квартиру за вашим загранпаспортом. Он нужен мне, чтобы переделать билеты. Я заеду за вами ровно к двенадцати ночи. Вы еще успеете спокойно собраться.

Из припаркованного рядом с моей машиной джипа вышел мужчина, который, по всей вероятности, и был водителем Анатолия.

— Ген, отвези девушку до дома и возьми у нее загранпаспорт, — распорядился мой спутник, — Я буду тебя ждать в своем офисе.

— Анатолий, а вы поедете сами? — удивилась я.

— Конечно.

— Но ведь вы тоже пьяны?

— Давайте учтем, что я мужчина, а значит, мой организм намного сильнее и выносливее, чем ваш. Я прекрасно себя чувствую, а вот вам за рулем совершенно нечего делать.

Я не стала спорить с непонятно откуда взявшимся в моей жизни мужчиной и, полностью доверившись его водителю, плюхнулась на заднее сиденье, поправив при этом полы норковой шубы.

— Первомайская, — глухо бросила я и стряхнула снег с сапог.

— Первомайская так Первомайская, — широко улыбнулся водитель по имени Гена и одарил меня прямо-таки добрейшим взглядом.

Все последующие события происходили словно в тумане. Мы поставили мой автомобиль на стоянку, зашли ко мне в квартиру, и я отдала совершенно незнакомому человеку свой паспорт. Затем закрыла за ним дверь, подошла к зеркалу и посмотрела на свое мертвецки бледное лицо.

— Вот это, Машуля, ты выдала на-гора! Вот это ты дала! Вот так визит к психологу. Кому расскажешь, черта с два кто поверит. Да, видно, правду говорят, что жизнь удивительнее всяких сказок.

Не удержавшись, я тут же позвонила Ладке, поставила посреди комнаты большой чемодан, взяла трубку в одну руку, а другой принялась собирать вещи.

— Ладушка, привет, это Маша. Ты можешь зайти ко мне на пару минут? — Ладка жила через два дома от меня, поэтому добраться до меня не составило бы для нее большого труда.

— Машуль, давай позже.

— Мне нужно, чтобы ты зашла ко мне прямо сейчас.

— А что за срочность такая? Горит, что ли?

— Горит.

— Ну и что же у тебя горит?

— Душа.

— Ладно, иду, раз у тебя душа горит, тем более мне кажется, что она у тебя далеко не трезвая. Ты чего это так набралась?

— А откуда ты знаешь? Ты видишь меня через телефонную трубку?

— Я слышу твой голос. Ты где была?

— У психолога.

— Он тебя что ли споил?

— Не он, а она.

— Пускай. Твой психолог тебя напоила? Это что, новый метод лечения?

— Она меня не спаивала. Это я сама после сеанса оторвалась. Хотела подлечить свою душу. Ладка, ты прямо сейчас выходишь?

— Прямо сейчас.

— Послушай, а у тебя есть крем для загара, а то я забыла купить?

— Есть.

— Тогда прихвати его, ладно?

— А на кой он тебе сдался, на улице минус двадцать. Ты что, в солярий собралась что ли?

— Нет. Ты же знаешь, что я солярии не люблю.

— А зачем тебе тогда крем?

— Дело в том, что сегодня ночью я улетаю.

— Куда?

— На Красное море. Ты приходи я тебе все расскажу.

— На Красное море?!

— Лад, мне еще собраться надо успеть. Ты давай приходи. Я буду собирать чемодан и тебе все рассказывать.

— А что все-то?

— Все. С кем лечу, куда лечу и зачем лечу. Видимо, мои слова произвели на Ладку довольно сильное впечатление. Ровно через пять минут она объявилась на пороге моей квартиры с кремом для загара в руках. Как только я открыла дверь, она смерила меня подозрительным взглядом и с опаской спросила:

— Маш, у тебя белая горячка что ли?

— С чего бы это?

— Ты на какое Красное море собралась? Тебе же завтра на работу.

Мы работали с Ладкой в одной фирме, и, хотя моя подруга была моложе меня, она сделала неплохую карьеру и занимала должность, равную моей.

— Я не выйду завтра на работу. Меня не будет ровно месяц. Скажешь Галине, что мне нужно взять отпуск за свой счет, но потом я обязательно все наверстаю. Ты же знаешь, что я могу работать как проклятая.

Ладка по-прежнему не сводила с меня своих любопытных глаз, чинно положив при этом руки на пояс.

— Лад, ну не надо на меня так смотреть. Я же никого не убила. Подумаешь, возьму себе незапланированный отпуск. Ничего страшного не произойдет. Мы же с тобой не на государственном предприятии от звонка до звонка работаем. Все взрослые люди, договориться сможем, тем более я ни на кого свою работу не перекладываю. Я приеду и сама день и ночь работать буду.

— А почему у тебя все так спонтанно-то получилось?

— А жизнь женского рода, значит, она женщина, а ежели она женщина, то она сама по себе спонтанная, непредсказуемая, ее никогда не поймешь. В жизни никогда ничего размеренного не бывает. Все с бухты-барахты. Еще утром я и подумать не могла о том, что улечу, а вечером уже всю собираю чемодан и нахожусь в предвкушении чуда.

— Значит, у тебя сейчас все с бухты-барухты?

— Так оно и есть.

— Понятно.

Лада прошла в зал, села на диван и перевела взгляд на стоящий посреди комнаты чемодан.

— Собираешься?

— Собираюсь. Даже не верится, что из зимы в лето. Едешь в шубе, в самолете переодеваешься и прилетаешь в шортах. Красота!

— Красота... Ты знаешь, Машуль, а если честно, я за тебя рада. Я бы сейчас сама все на свете отдала, чтобы задницей кверху на пляже валяться и шум моря слушать, да деньги пока на другое нужны, не до отдыха сейчас. Я по весне обязательно выберусь. А сейчас еще на работе завал, но ты не переживай, я тебя отмажу. Галина тебя поймет, а когда приедешь, в три смены работать будешь и все наवरстаешь. А пока мы и без тебя справимся. Машка, неужто у твоего Вадима совесть проснулась и он решил раскошелиться и тебя на отдых вывезти? Пора бы, конечно, за столько лет терпения. Знаешь, Машуль, я вот смотрю на тебя и думаю, тебе за столько лет терпения не только Красное море, тебе всю грудь орденами и медалями увешать надо. И почему в нашей стране такую награду не придумали — «Орден за заслуги перед чужой семьей и за многолетнюю связь с женатым мужчиной, которая способствовала укреплению этой семьи»?

Надо, чтобы таким, как ты, ордена вешали, первой степени, второй и третьей. Тебе бы самую высшую степень дали, все-таки столько лет находиться в неведении, верить в то, чего нет. Бесперспективные отношения... Ты ведь и сама знала, что у них нет никакой перспективы. Никакой. Верить во что-то можно на первом году знакомства, ну на втором, от силы на третьем, но на двенадцатом... Это ни в какие ворота не лезет. И все же козел твой Вадим. Понимаешь, козел! Нашел чем купить. За все про все на Красное море решил вывезти. Да он тебя должен на Бали увезти и золотом с брюлами снизу доверху осыпать! Это и то недостаточная компенсация за такой долгий срок. Он тебе частный самолет арендовать должен! Он...

Я увидела, что Ладка разошлась не на шутку и остановить ее практически уже было невозможно.

— Да он тебе должен был хату в центре Москвы купить и тачку такую, какой ни у кого нет! А еще пожизненное содержание тебе выплачивать за то, что ты столько раз уже могла свою судьбу устроить и никак ее не устраивала! Столько мужиков не замечала из-за одного, с которого толку как с козла молока! И вообще, он тебе по жизни должен! Понимаешь, по жизни?! Он твой пожизненный должник!!!

Наконец, Ладка замолчала, захлопала своими сверкающими от возбуждения глазами и спросила уже спокойнее:

— Машуль, а жинка-то его как же? Как же он свою драгоценную жинку-то оставит? Как она его одного-то отпускает? Как он без нее-то? Он же с ней носится вечно, как дурень с писаной торбой?!

Я посмотрела на Ладку усталыми глазами, взяла из ее рук крем для загара и покачала головой:

— Ну, наконец-то ты замолчала. Тебя же остановить просто невозможно. Мне даже приятно послушать, как ты молчишь. Я тебя еще в самом начале твоего монолога перебить хотела, да разве такую тараторку перебьешь. Я хотела тебе сказать, что я с Вадимом на Красное море не еду. Никуда я с ним не еду. Ты ж сама прекрасно понимаешь, куда он поедет без своей жинки. Без своей жинки он никуда. И вообще, знаешь, Лад, я про Вадима больше слышать ничего не хочу. Его в моей жизни больше нет, и никогда не будет.

— Как это? — опешила от моих слов Лада.

— Так это. Все. Понимаешь, все?!

— Что все-то?

— С Вадимом все!!! — неожиданно для самой себя я перешла на крик.

— Как все?

— Так.

— Вы с ним поругались, что ли?

— Нет. — Я замотала головой и тяжело задышала. — Я с ним не ругалась. Сколько можно?! За двенадцать-то лет. За такой срок человек ведь может от чего-то устать. Вот и я устала. Мы ведь с ним почти никогда не ругались. Из-за чего? Нам ведь и делить-то нечего. У нас все слишком монотонно было. Спокойно, без всяких там всплесков, эмоций. Так что я с ним не поругалась. Я с ним порвала, — закончила я совсем ледяным голосом, без всяких эмоций. — Я с ним порвала. Все. Его в моей жизни нет.

— Это правда? — В Ладкиных глазах читалось подозрение. Наверно, она решила, что я просто задумала ее немного позлить и поводить за нос, вот и ломаю комедию.

— А разве похоже на то, что я сейчас шучу?

— Да нет, просто двенадцать лет лямку тянула и ни на что не жаловалась. Иногда, конечно, звонила мне и сетовала на свою судьбу, только на этом все и заканчивалось. Ты всегда говорила мне, что Вадим тебе вовсе не помеха, что ты ждешь не дождешься, чтобы тебе что-нибудь нормальное встретилось, а Вадим, мол, так, на перебивку. Я еще тебе поражалась: хорошая перебивка, аж на двенадцать лет затянулась... Только тебя разве переубедишь, что не встретишь ты нового мужика, пока не расстанешься со старым. Ты вбила себе в голову, что эта твоя проблема когда-нибудь разрешится. Только я с самого начала в этом сомневалась, потому что на самом деле образовался банальный треугольник, где каждый друг за друга держится и никто ни с кем не может расстаться. Ничего тут хорошего нет, а тянуться так может до самой старости. Я вот иногда на тебя смотрела и думала, что тебя все устраивает, потому что, если бы тебя что-то не устраивало, ты бы бросила все к чертовой матери, и дело с концом.

— Лада, ты, наверно, меня не поняла. Вадима больше нет. Понимаешь, его больше нет!

— Как нет? Он что, умер, что ли?

— Его в моей жизни больше нет! Поняла?!

— Поняла, что тут непонятного. Я сразу поняла, что у тебя временный бзик. Наверно, на тебя так твой визит к психологу подействовал, да и выпила ты капитально. Я только одно не

поняла...

— Что именно?

— Я не поняла, с кем именно ты едешь на Красное море?

— С одним мужчиной, я с ним только сегодня познакомилась в кафе. Он приедет за мной к двенадцати ночи. Хочешь, можешь остаться и на него посмотреть.

— Когда ты с ним познакомилась?

— Сегодня.

— Сегодня?

— Так, — выдохнула я, начиная терять терпение. — Повторяю для бестолковых. Сегодня я познакомилась с мужчиной, он предложил мне съездить с ним на Красное море, и я согласилась.

— Только познакомилась — и на целый месяц?

— Да, на целый месяц.

— А почему не на всю жизнь?

— Потому что на всю жизнь путевки не продают. Поняв, что Лада не оставит меня в покое и будет долго донимать своими расспросами, я села прямо на пол, рядом с открытым чемоданом, и подробно рассказала ей обо всем, что произошло со мной сегодня. Когда я закончила свой рассказ, Ладка свела брови на переносице и сказала всего одно-единственное слово:

— Ужасно...

— Что, ужасно? — не врубилась я.

— Все ужасно, — вздохнула Ладка и закинула ногу за ногу.

— Что все?

— А то, что ты пустила незнакомого человека в дом и отдала ему свой загранпаспорт.

— И что теперь?

— Я вот тоже думаю, что теперь... В конце концов все мы в жизни ошибаемся. Пойдешь в милицию, напишешь заявление, что потеряла паспорт, и получишь новый.

— Зачем?

— Как зачем? Не можешь же ты жить без загранпаспорта. А то когда-нибудь соберешься за границу поехать, а ехать будет не с чем.

Я растерянно развела руками и, заметно изменившись в лице, тихо спросила:

— Ладка, ты что несешь-то? Ты хочешь сказать, что меня ограбили?

— А до тебя до самой, это что, не доходит, что ли? — как ни в чем не бывало спросила моя

подруга.

— Да как ты могла такое подумать? Там мужик приличный, при деньгах. На кой черт ему нужен мой загранпаспорт?! Что он с ним делать-то будет? Тем более тебе русским языком объяснила, что он не сам в мою квартиру заходил, а его водитель.

— Да он, наверно, такой же водитель, как я директор банка.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что никакой это был не водитель, а его напарник. Все понятно. Преступный сговор называется. Машка, ты какого черта чемодан собираешь? Тебе нельзя по психологам ходить. Уж больно они плохо на тебя действуют. Ты после таких визитов напиваешься и бдительность теряешь. Неужто ты не поняла, что у тебя просто паспорт свистнули?! Мужик твой крутой работает по паспортам. Они сейчас все на вид крутые, пальцы веером, деньги швыряют направо и налево, а как присмотришься, то понимаешь, что все это понты. Они просто вот по таким наивным дурочкам, как ты, работают и деньги отмывают.

На моем лице появилась нервная улыбка, и я засмеялась истеричным смехом. Когда, наконец, я смогла остановиться и вытереть внезапно нахлынувшие слезы, я посмотрела на озадаченную Ладку и не смогла вымолвить даже и слова.

— Я не пойму, то ли ты плачешь, то ли ты смеешься, но крыша у тебя поехала, ежу понятно. Ты это... Машка, ты прекрати чемодан собирать, а то у тебя потом такая истерика начнется, что мне придется психовозку вызывать. Да Бог с ним, с этим загранпаспортом. Новый получишь... И телефонами вы конечно же не обменялись?

— Нет.

— Неудивительно.

Я тяжело вздохнула и, не обращая внимания на Ладку, принялась собирать чемодан дальше. Ладка достал из кармана сигарету и придвинула к себе пепельницу.

— У тебя курить-то хоть можно?

— Кури. Зачем ты спрашиваешь, ты же всегда у меня курила?

— Просто в последнее время у тебя столько изменений...

— Мои изменения тебя совершенно не касаются. Никаким боком.

— А ты и в самом деле веришь, что он за тобой приедет?

— Верю.

— А откуда такая уверенность?

— Не знаю. Предчувствие какое-то, что ли... По мужику сразу видно, что он из себя представляет.

— Надо же, а я и не знала, что ты у нас такая зрячая. А мне казалось, что в наше время мужика черта с два раскусишь. Если бы все были такие зрячие, то сейчас бы обманутых женщин и вовсе не было. Да чтобы я привела себе в дом совершенно незнакомого мужика с

улицы и вот так за здорово живешь отдала ему свой загранпаспорт! Это же просто уму непостижимо. Поговорить час в кафе и тащить к себе в дом...

— Иногда в нашей жизни бывают и исключения, а сегодня как раз и произошло настоящее исключение из правил. Я тебе говорю, что Анатолий по паспортам не работает.

— Да откуда ты можешь знать?! — буквально взорвалась Ладка.

— Не похож на кидалу.

— Не похож, говоришь?!

— Не похож, — кивнула я.

— А на кого же он, по-твоему, похож?

— На нормального, вполне приятного человека. Ему было хреново на душе, и он, точно так же, как и я, пытался снять стресс алкоголем. С ним женщина рассталась, которую он очень любит.

— А чего это она с ним рассталась?

— Она замужем, ну и решила, что семья намного дороже. Тем более у нее ребенок. Она решила, что ребенку нужен родной отец.

— Ну дела. Это что ж, у нее два мужика сразу было?

— Было.

— Замечательно. Везет же некоторым. Каждый крутится как умеет. У одних густо, а у других пусто. И что, этот Анатолий моментально забыл про свою единственную любовь и вот так вот сразу переключился на тебя?

— Ни про кого он не забыл. Он очень сильно страдает. Ну не пропадать же билетам... Возможно, я ему просто приглянулась, а возможно, я просто оказалась в нужное время в нужном месте. Тем более мы встретились, когда у каждого из нас был не самый лучший момент в жизни. Мы оба были в ступоре, и оба не хотели жить.

— Встретились два одиночества...

— Хотя бы и так.

Ладка молчала, испуганно следила за моими движениями, а я собирала чемодан и старалась не встречаться с ней взглядом. Когда чемодан был собран, я надела обтягивающие джинсы и кофту с многочисленными рюшами и подошла к зеркалу. Ладка покачала головой и осмотрела меня оценивающим взглядом:

— Машуль, ты чего так вырядилась?

— Как?

— Кофта из классического стиля, а брюки из спортивного: Прямо безвкусица какая-то.

— А ты считаешь, что стили нельзя смешивать?

- Нет. Если ты надела классику, то пусть это будет чистая классика, а если это спортивный стиль, так пусть он будет подлинно спортивным.
- А я люблю все мешать. Пусть у меня будет не так, как у всех.
- А ты и сама не такая, как все. — Ладка смяла пустую пачку из-под сигарет и положила ее в пепельницу.
- Машуль, а если он и в самом деле приедет...
- Конечно, приедет.
- И ты полетишь с ним на Красное море?
- Конечно, а иначе, по-твоему, я зачем собираю чемодан?
- Но ведь ты человека совсем не знаешь!
- У меня будет время его узнать. Я позвонила психологу, и она сказала мне, что это просто идеальный вариант для того, чтобы выйти из стресса.
- Дура твоя психолог. Просто дура! Дура, каких свет не видывал. Ты только представь, куда ты с ним едешь!
- В Египет.
- В том-то и дело, что в Египет! Ладно бы в какую-нибудь европейскую страну, а то в Египет. И не куда-нибудь в отель, а на какую-то виллу, где и людей-то не будет. А если он маньяк?! Расчленил тебя к чертовой матери, и никто концов не найдет. Хорошо, если ты сразу умрешь, а если мучиться будешь? Может, он садист какой. Пристегнет тебя наручниками и будет насиловать по сто раз на дню в извращенной форме, пока сама не загнешься. И при этом ни есть, ни пить не будет давать. А на помощь звать бесполезно. Кому ты нужна в этой арабской стране?! А если он сутенер?! Если он вербует наших девушек в арабские страны?! Продаст тебя в какой-нибудь публичный дом, где ты и месяца не протянешь?! А если...
- Хватит! Если так обо всех людях думать, то...— Я замолчала и нервно захлопала глазами.
- То что?!
- То я вообще не знаю, до чего тогда можно додуматься.
- Не обо всех, а о тех, которых ты и близко не знаешь. И вообще, береженого Бог бережет, слыхала? Страховка везде, как воздух, нужна.
- Господи, какая страховка?
- Я вытерла выступивший на лбу пот и посмотрела на часы.
- Уже одиннадцать. Он будет здесь через час.
- Может, все-таки не поедешь? Зачем рисковать, жизнь-то ведь как-никак одна?
- Я уже все для себя решила.

— Очень жаль...

— Что жаль?

— Что ты все для себя решила.

Как только воцарилось молчание, я села на корточки и с трудом закрыла доверху набитый разным шмотьем чемодан. Положив на него сверху огромную кружевную панаму, я быстро переделалась и навела последние штрихи своего неброского макияжа. Ладка сидела напротив меня, курила сигарету за сигаретой и не сводила с меня глаз.

— Маш...

— Что?

— Ты телефон мобильный не выключай.

— У меня сейчас вообще мобильного нет. Я карточку выкинула. Сейчас в аэропорту новую куплю.

— А как же роуминг?

— Попытаюсь подключить.

— А если не подключишь?

— Тогда позвоню с телефона Анатолия.

— С чьего телефона?

— Анатолия.

— А это кто такой?

— Ты что, забыла? Этот тот мужчина, с которым я еду на Красное море.

— Понятно. Значит, ты мне не позвонишь.

— Позвоню. Я возьму у него телефон и обязательно тебе позвоню. Я тебе обещаю.

— А ты хоть номер его знаешь?

— Сейчас спрошу.

— Понятно.

— Да что тебе понятно-то?!

— Все понятно.

— Ни черта тебе не понятно! — окончательно взорвалась я. — Можно подумать, что если бы тебе приличный на вид мужик предложил совершенно бесплатно пожить целый месяц в шикарной вилле на Красном море, то ты бы отказалась?! Отказалась бы?!

— Конечно, отказалась бы.

— Не ври! Просто тебе никто не предлагает, поэтому ты и артачишься!

— Я не артачусь, а рассуждаю трезво! А у тебя сейчас в голове непонятно что творится. Уж лучше бы ты с Вадимом поехала, я бы хоть за тебя спокойна была. Он хоть какой-никакой хреновый, а свой... У меня бы тогда душа не болела.

От этих слов у меня закружилась голова, и я поняла, что побледнела, и притом очень сильно. Ладе удалось задеть меня за живое, и от этого мне стало просто невыносимо паршиво.

— А Вадим мне не свой и никогда им не был. Он для его жены свой. Это я первые несколько лет думала, что он мой, а потом, когда он постоянно, ежедневно врал, врал и врал, я поняла, что он чужой. Он просто чужой муж. А я ему нужна была только для секса. Я ж его брак с женой не разрушала, наоборот, только укрепляла. Ты ж сама говоришь, что мне впору орден за героизм вешать. Так вот, Ладка, если бы Вадим предложил мне с ним куда поехать, я бы черта с два поехала. Мне эти шифры надоели и уж знаешь где сидят?! В одном месте. Я лучше с первым встречным поеду. У меня еще есть чуток времени, еще есть небольшой запас, чтобы все начать сначала. У меня еще есть время устроить свою личную жизнь. Тем более он холостой. Ты только представь, он холостой! Господи, какое же это счастье, когда мужик холостой. Так что, Ладка, можешь говорить что хочешь, но я все равно поеду. Я для себя это решила, и никто не сможет меня в этом переубедить. Никто.

— Ну так езжай, коли решила. — Ладка явно растерялась. — Езжай. Только...

— Что только?

— Только будь осторожна. Прямо в аэропорту отбери у этого Анатолия свой загранпаспорт и больше не давай ему ни за какие коврижки. Паспорт должен быть всегда у тебя. Еще денег возьми. Деньги от него спрячь. Пусть это будет твоя тайная заначка. У тебя всегда должны быть деньги на обратный билет, чтобы в случае чего ты могла сразу же вылететь. И еще...

— Что еще?

— Еще не мешало бы узнать, где находятся российские представители, консульство, что ли, чтобы в случае чего у них защиты попросить.

— Защиты?! От кого?!

— Ну от этого Анатолия.

— От Анатолия?!

— Если что, можно, конечно, в полицию обратиться, но там, в Египте, полицейские те еще. Ты к нему со своей бедой сунешься, а он тебе еще сто навешает, затащит в пустыню, изнасилует и бедуинам продаст.

— Лад, хватит. Я думаю, что до этого не дойдет. Не каменный век.

— Плохо думаешь, мозги не напрягаешь. В Египте всегда каменный век.

— Ты Египет прямо страной дикарей считаешь.

— Конечно, страной дикарей, а какой же еще. Там пески да грязные египтяне, которые смотрят на тебя животным взглядом и норовят залезть тебе под юбку. Там ни о какой

цивилизации даже и речи быть не может.

— И все же в наше время это страна туристической индустрии. Там курорт на курорте сидит и курортом погоняет.

— Курортов там полно, это верно. А как отъедешь от курорта, так никто тебя не найдет и костей не соберет. А ты вообще не на курорт, а на какую-то виллу едешь. Я слышала, что посольство России есть в Каире, а консульство в Александрии. Кстати, а ты куда едешь?

— Не знаю, — тихо ответила я, чем вызвала у своей подруги самый настоящий шок.

— Как это не знаешь?

— Так это, не знаю, и все.

— Но ведь ты же билеты видела. В билетах должно быть написано, куда именно ты летишь, в какой аэропорт, в какой город.

— Билеты я видела, да только в них я ничего не видела. Я даже внимание на этом как-то не заострила, тем более у меня все перед глазами плыло. Я же тогда уже дошла до нужной кондиции.

Тут в дверь позвонили, и мое сердце застучало, как паровой молот.

— Звонят...— Ладка посмотрела на меня с испугом в глазах.

— Звонят, — кивнула я головой и взглянула на часы. — Время-то только начала двенадцатого... Пойду посмотрю, кого принесло...

ГЛАВА 3

Как я и думала, это был Анатолий. Он вошел в мою квартиру так, словно был здесь уже тысячу раз, и ориентировался в ней с завидным энтузиазмом. Чмокнув меня в щеку, он прямым ходом прошел в комнату и приподняв мой битком набитый чемодан деловито сказал:

— Если у тебя чего-то нет, то ты не расстраивайся, по пути заедем в магазин и купим все, что тебе нужно. — Анатолий так естественно перешел на «ты», что мне даже не верилось, что еще несколько часов назад мы буквально «выкали» друг другу.

— Какой может быть магазин в двенадцать ночи? — оторопела я.

— Мы можем заехать в супермаркет, или в магазин беспошлинной торговли в аэропорту. Может, у тебя из косметики чего нет или из одежды?

— Есть у меня все, — по-прежнему не могла прийти я в себя. — А одежду ночью ни в одном супермаркете не продают.

— Тогда если что нужно, мы на месте подкупим. Там тоже магазинов полно.

— В Египте отродясь нормальных магазинов не было, — влезла в разговор Лада. — Там все товары из области фантастики. Разве только национальный костюм купить, чтобы танец живота танцевать.

— Надо будет, и костюм национальный купим, — ничуть не удивился сказанному Анатолий. — Я от их национальных танцев просто балдею. Думаю, что и Машенька не останется к ним равнодушной.

Ладка ухмыльнулась и нервно раздавила в пепельнице окурки.

— Чувствую я, Машулька, новая жизнь у тебя начинается. Будешь ты теперь в заморской стране танец живота танцевать и меня вспоминать добрым словом за то, что отговаривала тебя ехать туда, сама не знаю куда, и искать то, сама не знаю что.

Анатолий пропустил слова моей подруги мимо ушей и уверенно поднял чемодан с пола. Мне стало как-то неловко, и я принялась оправдываться.

— Это Лада, моя подруга. Как неудобно получилось, я даже не успела вас познакомить. Просто она очень сильно за меня беспокоится. Сейчас время такое страшное. Именно оно во всем виновато. Столько людей без вести пропадает, просто оторопь берет. А уж передача «Жди меня»... Как посмотришь, наревешься и сразу начинаешь своих близких ценить, — сказав последнее слово, я сильно поджала губы и натянуто улыбнулась.

Анатолий сдвинул брови на переносице и посмотрел на меня напряженным взглядом.

— Маша, я порядочный человек, и мне бы очень хотелось, чтобы ты мне поверила. Я не маньяк, не убийца, не насильник и не какой-нибудь торговец живым товаром, я просто человек, который предлагает тебе отдых на комфортабельной вилле у теплого моря.

Распрощавшись с по-прежнему настороженной Ладкой, я села в чужую машину, и она повезла меня в аэропорт, чтобы оттуда я улетела в чужую страну. По дороге Анатолий разговаривал с водителем, а я...

...Я закрыла глаза и подумала о том, как же быстро может измениться вся наша жизнь. Вадим, которому я отдала столько лет, наверно, ищет меня с собаками, ругается, что я опять запсиховала, и надеется, что скоро мне это надоест и все вернется на круги своя. А еще мне было страшно подумать о том, что со мной было бы, если бы я не пошла к психологу и не встретила бы потом с Анатолием. Тогда... Тогда все текло бы своим чередом и ничего не менялось. Совсем ничего... Почти через день ко мне приезжал бы Вадим, говорил бы мне, как он сильно меня любит, строил бы планы на будущее и... страстно меня любил. А затем он уезжал бы к жене, говоря, что скопилось много дел на работе, а я... А я уже давно привыкла к тому, что свою семью он называл работой... Конечно, я бы не сидела монашкой в своей квартире, а ходила бы с Ладкой по различным ночным клубам, барам и другим увеселительным заведениям, в надежде немного забыться и встретить партию намного честнее Вадима, но... Но любовь есть любовь, и даже в самой шумной компании я бы все равно думала о Вадиме и о том, что он сейчас делает... И все эти походы в бары и на дискотеки будут очень бессмысленны, потому что есть человек, к которому лежит мое сердце и тянется ноющая и до предела уставшая душа... Конечно, я довольно красивая, ухоженная, мужчины на улице сворачивают в мою сторону шеи, и я бы без труда могла найти себе кого-нибудь и получать определенное удовольствие от новой, еще не заезженной связи, но всякий раз, после очередной бурной ночи, я бы открывала глаза и испытывала ощущение пустоты... И все те же мамы нотации: почему я не устраиваю свою судьбу и не думаю о потомстве? Почему я бросаю свою жизнь под ноги женатому мужчине и совершенно не думаю о будущем? Когда я, наконец, выйду замуж и подарю матери долгожданного внука? И что мне необходимо оборвать затянувшуюся связь и понять, что устроить свою жизнь совсем не так сложно, как я думаю... Я буду стараться как можно реже общаться с собственной матерью, потому что дико устану от ее вечных нотаций и

захочу покоя и тишины. Я вдруг подумаю о том, что я не могу выйти замуж за кого ни попадя, только для того, чтобы доставить удовольствие матери и больше никогда не услышать это гнетущее словосочетание «старая дева». Черт побери, даже когда тебе за тридцать, очень тяжело уговорить себя выйти замуж без любви, очень тяжело... Можно, конечно, убедить себя в том, что ты любишь, но ведь это обман... А сколько может продлиться обман? При таком раскладе я могла бы взять себя в ежовые рукавицы, встретить ничем не примечательного мужчину, убедить себя в любви и верности и беспрепятственно выйти за него замуж. Я начала бы строить с ним воздушные замки, мечтать о том, как мы будем счастливы, как нарожаем кучу детей, как будем жить в мире и согласии и достойно, держась за руки, встретим старость. Первый год нашей совместной жизни мы будем часто заниматься сексом, второй реже, а на третий год сама мысль о сексе будет появляться у нас всего раз в месяц, да и то лишь потому, что супружеский долг требует. Мы не только станем редко заниматься сексом, мы станем даже редко разговаривать друг с другом... Наверно, так случится потому, что нам по большому счету будет просто не о чем говорить... Только о житейских мелочах: об оценках детей в школе, о том, что сегодня я позабыла вынести мусорное ведро, о том, что вновь повысились цены... Обо всем, что не затрагивает недолгими, скупыми разговорами обнаженные струны нашей души. Каждую ночь я думала бы о том, что наш брак висит на волоске, и, чтобы хоть как-то его сохранить, я бы беременела по новой. Когда, у нас родился бы еще один ребенок, на какое то время мы стали бы ближе к друг другу, но только на время... а затем все вернулось бы в прежнюю колею. Вечерами, после того как я уложила бы детей спать, я бы легла рядом со своим храпящим мужем, повернулась к нему мягким местом, смахнула слезы и вспомнила бы Вадима и... наши ночи, наполненные неземной страстью и точно такой же любовью, хотя бы с моей стороны... Я даже подумала бы о том, стоит ли эта семейная рутина тех ночей любви и правильно ли я сделала свой поспешный выбор. От вечной неудовлетворенности, ночных раздумий и горьких слез я начала бы толстеть и набирать вес с бешеной скоростью. Когда мне было бы особенно паршиво, я бы плелась к холодильнику и с завидным постоянством начала бы поглощать его содержимое. Бутерброды, пирожки, булочки, рулеты... В ход шло бы все, что только попадалось бы под руку. Правда, иногда, когда замучит одышка, я бы пробовала садиться на диету, но и это не пошло бы мне на пользу. Я бы чувствовала необъяснимую злость, раздражение и ненависть... За то, что моя жизнь уже проходит и проходит как-то не так... В ней нет любви, стремлений и каких-то ярких красок... Я даже представила мольберт, а там одна серость, перемешанная с убогостью... Там нет синего озера, разноцветной радуги и других красочных пейзажей... Все так обыденно и так неинтересно... О чем бишь я? Ах да, о диете. Так вот, когда я стала бы совсем толстой и окончательно утратила былую привлекательность, я бы попробовала сесть на диету и хоть как-то улучшить свой внешний вид. Но для того, чтобы сесть на диету, нужно иметь стимул, а какие тут стимулы... А затем у меня начнется депрессия. Депрессия ко всему, что меня окружает, и ко всему, что со мной происходит. Чтобы бороться с этой депрессией, я начала бы убеждать себя в том, что личная жизнь для женщины не главное, что смысл жизни женщины в ее детях... Нужно просто растить детей, радоваться их победам и с гордостью сносить собственное поражение в личной жизни, да и не только в личной. А еще... Еще не стоит пытаться, что-то переделать, потому что руки опускаются и душа опустошена... Все окружающие меня люди считали бы нас с мужем счастливой парой, потому, что мы столько лет живем вместе и имеем столько детей... Они бы даже не подозревали о моем одиночестве, о моей тоске и даже о моем тихом, никому не известном пьянстве... И не важно, что у меня с мужем почти нет секса, а если что-то и есть, то это уже вряд ли можно назвать сексом... Что мы почти не разговариваем, не делимся друг с другом своими проблемами... что мы просто существуем в стенах одной квартиры и одного жизненного пространства... что по ночам я все так же думаю о том, что моя жизнь могла бы сложиться как-то не так, совсем не так... что я просто потратила жизнь на человека, которого никогда не любила. А затем обычное безразличие превратилось бы в настоящую домашнюю ненависть. Я бы глотала слезы, когда стирала бы его носки, и с особым остервенением убирала

бы его многочисленные бутылки из-под пива... а затем смотрела бы в окно на проходящие по нашему двору счастливые пары и кусала губы до крови. И в каждой из таких пар я бы видела Вадима или хотя бы его так и незабытые черты... А однажды, за поглощением очередной плюшки, от доброжелателей я бы узнала о том, что уже давно у моего мужа есть любовница, эдакая запасная жена, какой я и сама была много лет назад. Моей первой реакцией был бы скандал, но, после того как я бы посмотрела в глаза своего мужа, я бы поняла, что он может уйти, а мне это совсем не нужно. Во мне не было бы уже прежней агрессии, гордости, достоинства, а моя самооценка равнялась бы нулю, а это значит, что я уже ничего бы не смогла, кроме как доживать свою скучную жизнь и ждать ее завершения. Мне бы захотелось припугнуть мужа самоубийством, но и этим бы я ничего не добилась, кроме жалости в его уже давно безразличных и холодных глазах. Своим самоубийством я бы открыла ему зеленую улицу для новой жизни, создала все условия для нового счастья и дала бы возможность совершенно спокойно приземлиться на созданный им запасной аэродром. К этому времени я была бы уже старая, толстая и трусливая, с огромными телесами и ничтожной силой воли. Я бы и представить себе не могла, как я останусь одна с таким количеством детей, ведь мне одной не поднять младших. И тогда... Тогда я бы не стала устраивать никаких скандалов, сцен ревности и упрекать мужа в том, что он своими руками разрушил наше семейное счастье, которого никогда не было и в помине, и мы об этом прекрасно знали. Я бы просто закрыла на это глаза, как тысячи женщин, как когда-то на это закрыла глаза жена Вадима. Я бы просто с этим смирилась и не тратила силы на борьбу с любовницей. Да и какой смысл тягаться с молодой, красивой, длинноногой, независимой и сексуальной... точно такой же, какой когда-то была и я, пока не вышла замуж, только потому, что замуж выходят все, и потому, что в глубине души своим поспешным браком я надеялась бы убить любовь всей своей жизни. Я просто постаралась принять жизнь такой, как она есть, и смирилась со своей участью. Уж я-то знала, что сам он никогда не уйдет из семьи, что на него давит груз прожитых лет и целый выводок детей, что он просто ждет, когда я не выдержу и укажу ему на дверь, но я выдержу, потому что у меня нет другого выхода, а если мне просто будет совсем невмоготу, то я просто пропущу рюмку-другую... И мне было бы совершенно наплевать на то, что мучился бы мой муж и мучилась бы его любовница, что спустя годы она поставила бы его перед выбором и устроила бы ему скандал, кричала бы, что она уже не верит его обещаниям, что ей нужно устраивать жизнь и создавать собственную семью. Я бы смотрела на переживания мужа, на то, как он быстро седеет, и делала вид, что ничего не случилось, даже после того, как он не ночевал дома и врал, что слишком много работы... Я бы радовалась своей тихой победе и знала, что придет время и запасная жена устанет ждать и выйдет замуж за первого встречного, полностью повторив мою судьбу и впоследствии став такой, как и я сейчас. А в тот день, когда мой муж пришел бы домой совершенно пьяным и орал бы, что я загубила всю его жизнь, я бы поняла, что это конец и что я окончательно победила. Я бы подошла к зеркалу, посмотрела на толстую тетку в нем, поправила давно невымытые волосы и, затянув потуже пояс заштопанного халата, улыбнулась своему отражению, которое уже давно забыло, что такое косметика. Я бы громко рассмеялась и поняла, что победила. Такая быстро стареющая, быстро набирающая вес и уже давно потерявшая привлекательность победила худую, длинноногую, молодую и до безумия красивую. И мне наплевать, как сложится ее дальнейшая судьба, потому что жена моего любимого человека не думала о моей судьбе, так почему я должна думать о ком-то другом, ведь обо мне никто не подумал... И так будет всегда, и эти треугольники будут существовать годы, пока те, кто поймет всю бесперспективность таких отношений, не захотят, наконец, заглушить годами гнетущую боль и устроить собственную судьбу. А я бы продолжала жить со своим окончательно постаревшим мужем, который бы по ночам вспоминал ту, что была любовью всей его жизни, и презирал себя за бездействие и собственную беспомощность. А я бы не обращала на него внимания и уплетала бутерброд за бутербродом, а иногда бы, пропустив рюмку-другую, требовала бы от своего мужа редкую порцию секса, которую бы он давал мне с какой-то долей брезгливости и пустотой в глазах. После таких редких удовольствий я бы иногда чувствовала

свою вину перед мужем или, наоборот, винила во всем его... Я бы успокаивала себя только тем, что я приношу в жертву свою жизнь своим детям и что всем моим действиям есть хоть какое-то оправдание. И все же я по-прежнему ненавидела бы ту жизнь, которой живу, в которой все стоит на месте и ничего не меняется. Я ненавидела бы своего мужа и ничего не могла бы с этим поделать, хотя, по идее, я должна быть ему благодарна за то, что он тогда не ушел и не оставил меня одну... Чем больше я бы его ненавидела, тем больше вспоминала бы о Вадиме, о мужчине, которого я когда-то любила до беспамьтства и на которого потратила столько лет жизни. Мой аппетит становился бы все сильнее, особенно когда я очень сильно нервничала и вспоминала ночи со своим возлюбленным, те ночи, когда я была желанной, и по многу раз воскрешала в памяти каждую минуту нашей многолетней страсти. Говорят же, что, прежде чем начать отношения с чужим мужем, надо быть готовой заплатить за эти отношения соответствующую цену. Вот я ее и заплатила. Иногда я бы винила себя за то, что слабо боролась за свои отношения и согласилась на роль любовницы, что нужно было действовать, что я просто ждала и так глупо доверила свою судьбу Вадиму. Я не хотела уводить его из семьи, я хотела, чтобы он ушел из нее сам, но даже когда я попыталась его увести, он начал пускаться в различные хитрости, изворачиваться и нагло врать. Наверно, я просто слишком долго бездействовала, слишком долго... Спустя долгие годы я подумала о том, что сейчас я бы отдала все на свете для того, чтобы сменить жизнь и статус замужней женщины, уважаемой нашим обществом, которое учит нас светлой морали, на статус бесправной, тайной любовницы, запасной жены, у которой нет никаких прав, которую презирают жены и утешают подруги. Иногда мне хотелось бы найти Вадима, увидеть его хоть одним глазком и посмотреть, как он встречает надвигающуюся старость. Иногда мне бы казалось, что он тоже меня ищет, но я тут же осознавала бы, как нелепа это мысль. И прекрасно бы понимала, что сейчас он бы вряд ли меня узнал, а даже если бы и узнал, то не испытал бы ничего, кроме ужаса и разочарования. И чем ближе бы подходила моя жизнь к своему финалу, тем все больше и больше я бы ненавидела своего мужа, да и саму себя, а впрочем, я бы ненавидела даже весь мир. Я бы ненавидела то, как прожила свою жизнь... массу других женщин, которые тоже прожили свою жизнь без любви, только потому, что так надо, что так того требуют эти дурацкие условности. Я бы ненавидела любовницу своего мужа, которая отказалась от своей любви и вышла замуж назло, превратившись из смелой, интересной, отчаянной девушки в обыкновенную серость, и поплыла по течению, стараясь убить в себе любовь. Моя ненависть вырвалась бы на волю, и я ненавидела бы уже даже любовь... За то, что за нее нужно бороться, за то, что сотни пар живут только ради сохранения семьи и при этом любят на стороне... За то, что на свете существует ложь, лицемерие, за то, что люди живут с одними, а любят других, за то, что люди отказываются от собственного счастья и закрывают глаза на свою дальнейшую жизнь... За то, что так глупо сложилась моя судьба, судьба моего мужа и еще совсем неизвестно, как сложится судьба моих детей... Я понимала, что я достойна лучшей участи, но я уже ничего не могла бы поделать... Ничего... Было бы слишком поздно что-то менять.

— Маша, ты меня слышишь???

Я очнулась только тогда, когда почувствовала, что кто-то довольно сильно трясет меня за плечи.

— Маша, тебе плохо? Маша?!

Я удивленно посмотрела на Анатолия и постаралась вернуться в реальность.

— Маша, тебе плохо? — Во взгляде Анатолия читался испуг. — Тебе плохо?

— С чего вы взяли?

— С того, что мы уже приехали в аэропорт. Вот уже битых пять минут я пытаюсь достучаться до твоего сознания. Ты сидишь, смотришь в одну точку и совершенно меня не слышишь. Ты даже вообще ни на что не реагируешь. Ты просто замкнулась в себе. И почему ты называешь меня на «вы»? Мы ведь с тобой уже перешли на ты.

— Прости, я еще не привыкла.

Я посмотрела на водителя, с интересом наблюдающего за мной в зеркало заднего вида, и отвела глаза в сторону.

— Маша, тебе плохо? — никак не мог успокоиться Анатолий, и впрямь не на шутку перепугавшийся.

— Нет, мне хорошо, — именно с этими словами я окончательно вернулась в реальность. — Я просто задумалась.

— Я первый раз вижу, чтобы человек мог так задуматься.

— Как?

— Так, чтобы полностью отключиться от внешнего мира. Я и не думал, что такое возможно.

Чтобы скоротать время до вылета, в аэропорту мы зашли в небольшой ресторанчик и заказали по чашечке кофе. Едва у нас приняли заказ, как по трансляции объявили о задержке нашего рейса, и мы поняли, что в этом ресторанчике нам придется сидеть не один час. Анатолий заказал несколько блюд и, глядя на мое напряженное лицо, попытался меня разговорить. Мой спутник смотрел на меня с любопытством и задал вопрос, который, по всей вероятности, его очень сильно интересовал и даже томил.

— Маша, а о чем ты думала в машине? Что тебя беспокоит?

— Я думала о том, почему люди любят одних, а живут с другими, — совершенно спокойно ответила я.

— Не знаю. Наверно, это происходит потому, что многие люди безвольны и боятся что-либо изменить.

— Даже ради любви?

— Даже ради любви.

— Надо же, а мне всегда казалось, что ради любви человек может свернуть горы.

— Может, но только не каждый. Все зависит от человека. Один может свернуть горы только в своих фантазиях, боясь воплотить их в реальность, а другой найдет в себе силы, чтобы коренным образом поменять свою жизнь.

Сделав несколько глотков кофе, я вновь встретилась взглядом со своим спутником и тихо спросила:

— Толя, а как лучше всего убить любовь?

— Завести себе новую.

— Как это? Любовь же не картошка.

— Чтобы убить в себе старое чувство, нужно испытать новое.

— А как же насчет того, что любовь должна быть одна и на всю жизнь? Разве в этой жизни нельзя полюбить дважды?

— Это всего лишь красивые слова. Нужно знать, что в этой жизни может быть все. Буквально все. Даже в самых строгих правилах всегда бывают исключения. И почему ты не согласна с тем, что новое чувство может быть намного сильнее старого?

— Но если с этим согласиться, то получается, что старое чувство никогда не было настоящей любовью, а было только ее иллюзией?

— Мы очень часто принимаем влюбленность за любовь и только спустя какое-то время обретаем настоящее чувство, в котором есть только двое и совсем нет места для лжи. Почему у тебя нет веры в то, что дальше будет намного лучше, чем было раньше? Почему ты вбила себе в голову то, что самое хорошее уже прошло, что впереди только воспоминания об этом хорошем? Почему?

— Не знаю. Я не могу принять ту мысль, что на влюбленность можно потратить долгие годы. Я не могу с этим смириться.

— Ты потратила долгие годы на влюбленность только потому, что не искала новых чувств, потому что была слепо предана своему идеалу и не пыталась создать что-то новое.

— Я пыталась, и чем больше я пыталась, тем больше и больше понимала всю бесполезность своих попыток. Наверно, любовь от влюбленности отличается тем, что если ты по-настоящему любишь, то больше уже никогда и никого не сможешь полюбить, а если ты все же полюбил, то прошлое чувство было просто влюбленностью.

Анатолий рассмеялся, наклонился в мою сторону и убрал упавшую на мое лицо прядь волос.

— Машенька, не загружай свою прелестную головку гнетущими мыслями. Все разрешится само собой. Нам обоим нужно свыкнуться с мыслью, что нас не любили. Нас только использовали, но никогда не любили... Никогда. Говорят же, что лучше, чтобы любили тебя, чем любить самому. Мудрый француз Ларошфуко говорил, что из двух любящих один любит, другой позволяет себя любить. Нам только позволяли... Только позволяли, и все... Ты едешь отдыхать и помни предписание своего психолога. Тебе необходимо завести курортный роман. Пусть не встретит любовь, а только курортный роман... Посмотри на меня. Я стараюсь прогнать из своего сердца все мысли и приготовить свою уставшую голову для достойного отдыха.

— Тебе проще, ты мужчина.

— И что? Ты хочешь сказать, что мужчины не умеют любить?

— Умеют, только любовь их полна эгоизма и жестокости. Они любят не женщину, они любят свою любовь.

— А мне кажется, что самая жестокая любовь исходит от женщин. Они слишком коварны и слишком эгоистичны. Они привыкли только брать все нахрапом, ничего не давая взамен. И ты знаешь, их любовь не только жестокая... Я даже не знаю, каким словом это можно назвать. Их

любовь хамская. Они никогда не любят. Они вот именно что позволяют себя любить. Да и то до поры до времени... Пока не поймут, что взяли от мужчины все, что им нужно.

— Но ведь это не так! — в сердцах воскликнула я. — Тебе просто не повезло! Если тебе не повезло с одной женщиной, то это не значит, что ты имеешь право так говорить обо всем женском поле!

— Тебе тоже не повезло! Если тебе не повезло с одним мужчиной, то это не значит, что ты имеешь право обвинять во всех смертных грехах весь мужской пол!

Мы переглянулись, одновременно рассмеялись и направились на регистрацию.

В самолете мы зашли в салон первого класса и расположились как можно удобнее. Анатолий взял мою руку в свою и положил ее к себе на колени. Я закрыла глаза и рассмеялась в душе. Кто бы мог подумать, как быстро может поменяться наша жизнь... Как быстро. В детстве и юности я и мечтать не могла о том, чтобы летать первым классом, а сейчас... Сейчас я чувствовала себя важной персоной, чинно восседала в большом кресле и смотрела на приветливо улыбающихся мне стюардесс. Я подумала о своей матери, которую я просто ошарашила сегодня своим звонком и откровенным враньем насчет того, что мне якобы дали бесплатную путевку на целый месяц на море за добросовестный многолетний труд на моей фирме... Что путевка горящая, что ее хотела купить одна сотрудница, но внезапно заболела, что на сборы у меня оставались считанные минуты... Я вспомнила перепуганную Ладку, ее потерянный взгляд, когда она провожала меня до машины, которая должна была отвезти меня в аэропорт, чтобы оттуда я улетела в чужую страну с совершенно чужим человеком... Я вспомнила последний звонок Вадиму из кабинета Ирины и его раздраженные слова, что, мол, я исповедуюсь о наших с ним отношениях совершенно посторонней женщине, которая называет себя врачом, лекарем человеческих душ, хотя не имеет на это ни малейшего права.

Но как только самолет взмыл над посадочной полосой, я отогнала прочь подобные мысли и подумала о том, что все это уже далеко... Господи, как же все это уже далеко...

ГЛАВА 4

Когда загорелась табличка «Пристегните ремни» и самолет пошел на посадку, я пробежалась пальцами по своим волосам, выкрашенным в модный оттенок цвета «гранат», длиною чуть ниже плеч, и шумно выдохнула при этом воздух, испытав вполне объяснимое возбуждение. Прильнув к иллюминатору, я ощутила какой-то внутренний страх, который не был связан с посадкой, а был связан с теми предстоящими событиями, что ожидали меня в этом месяце. Я и не сомневалась в том, что эти события будут безумными, точно так же, как и вся моя поездка с незнакомым человеком в далекую и незнакомую страну, про которую я очень много слышала, но никогда не была в ней ранее.

В аэропорту нас встретил араб, неплохо говорящий по-русски. Он тут же посадил нас в свою машину и повез на ту самую таинственную виллу. Подъехав к ней, я широко раскрыла глаза и захлопала своими длинными ресницами. Вилла превзошла все мои ожидания. Она поразила своим размахом и великолепием. Мне было даже страшно подумать о том, в какую копеечку влетело Анатолию это удовольствие. Зайдя в дом, Анатолий выпустил мою руку и окинул наши апартаменты довольным взглядом.

— Впечатляет. Совсем как на видео. Помнишь, я говорил, что в турфирме мне показывали видеоролик? Если я не ошибаюсь, то тут целых пятнадцать комнат.

— Сколько? — не поверила я своим ушам.

— Пятнадцать комнат, — как ни в чем не бывало повторил Анатолий.

— А зачем нам так много? — окончательно растерялась я. — Здесь же можно столько народа разместить. Прямо настоящий гостиничный комплекс.

— Народ пусть размещается в отелях, а пятнадцать комнат нам нужно для того, чтобы почувствовать себя людьми.

— Да, конечно. — Я сделала вид, что согласилась, но на самом деле испытала настоящий шок.

Я растерянно кивнула головой и прошла в просторную гостиную с мраморным полом, многочисленными картинами на стенах, красивым баром и оригинальной восточной мебелью. Оглядев роскошный интерьер, я посмотрела на двух девушек славянской внешности, которые вышли нам навстречу.

— Это две русские девушки, — объяснил нам наш гид. — Лена и Катя. Они работают здесь горничными по контракту. Обе следят за порядком на вилле и поддерживают чистоту. К ним вы можете обратиться с любым вопросом, и они с радостью исполнят все ваши просьбы. Они прекрасно танцуют восточные танцы. Они раньше работали аниматорами в одном из самых престижных отелей. Поэтому они могут не только следить за порядком на вилле, но и не давать вам скучать и развлекать своей анимацией. В доме имеются два бассейна: один крытый, другой открытый. Еще есть джакузи, бильярдная комната, несколько баров, кальянная, сауна и турецкая баня, тренажерный зал, зал сайкла и даже зал для занятий боксом.

Я повернулась в противоположную сторону и увидела четырех арабов, которые тоже прошли в гостиную и поприветствовали нас на своем языке.

— Это повар, его помощник и двое рабочих. Как вы уже догадались, повар и его помощник будут вас вкусно кормить, а рабочие будут поддерживать дом и сад в надлежащем виде. У виллы есть собственный выход к морю, там стоит сторожка араба-спасателя, он готов предоставить вам любое подводное снаряжение и обучить подводному плаванию. При въезде на виллу вы увидели двух арабов в форме полицейских, они охраняют виллу и следят за ее безопасностью. Итого, в вашем распоряжении ровно девять человек, которые сделают все возможное, чтобы ваш отдых на вилле был комфортным и доставил вам истинное удовольствие. И конечно же мы надеемся увидеть вас здесь еще раз. Меня зовут Махмед. Я буду приезжать к вам каждый день в одиннадцать часов утра, и вы можете обращаться ко мне по любому вопросу. Звоните мне в любое время суток. Мой мобильный включен постоянно. Если вам скучно, то я могу отвезти вас в город на дискотеку. Можете также сами съездить в соседний отель, он отсюда в двух километрах. Там достаточно развлечений, которые наверняка придутся вам по душе.

Как только Махмед уехал, я почувствовала, как покраснелись мои щеки, и заморожено проговорила:

— Бог мой, эту виллу обслуживают девять человек. Сколько же ты заплатил за этот месяц земного рая? Даже представить жутко...

— Я на отдыхе не экономлю, не так часто мне выпадает это удовольствие.

— Ты так загружен работой?

— Любой нормальный человек, зарабатывающий достойные деньги, всегда загружен работой.

Когда девушка по имени Лена узнала, что мы хотим разложить свои вещи по разным спальням, она с трудом сдержала свое удивление и со словами: «В доме целых пять спален», повела меня на самый верхний этаж.

— Если вы не против, то это и будет ваша спальня. — Девушка смотрела на меня с нескрываемым любопытством. Мне даже показалось, что она пыталась угадать, кем именно я прихожусь Анатолию, женой или любовницей. Я подумала, что девушка приняла меня за жену, по той простой причине, что если бы мы были любовниками, то уж наверно бы не спали отдельно, а наоборот, как только зашли в дом, закрылись бы в спальне на неопределенное время и, возможно, не выходили бы из нее несколько суток, изредка требуя еды и шампанского. Только муж и жена могут выбрать отдельные спальни, потому что они уже смертельно устали друг от друга, и в первую очередь друг от друга в постели.

— Спальня вашего супруга через стенку. Вам удобно, чтобы ваши спальни находились рядом?

— Удобно, — буркнула я и демонстративно раскрыла чемодан.

Как только понятливая девушка вышла из комнаты, я небрежно покидала вещи в шкаф. Затем быстро переоделась и спустилась на первый этаж. В доме играла легкая арабская музыка, каждый из его обитателей занимался своим делом. Не долго раздумывая, я вышла из дома и пошла по тропинке к морю. Когда до моря осталось ровно два шага, я дико обрадовалась, села на берегу и стала смотреть на волны. Господи, а ведь еще совсем недавно я и мечтать не могла, что прямо из зимы приеду в лето и что моя облегающая норковая шубка будет здесь совсем ни к чему. Море всегда действовало на меня умиротворяюще. Оно успокаивало меня, когда мне было плохо, и приносило еще большую радость, когда мне было хорошо. Оно вселяло в меня веру в завтрашний день и заставляло радоваться жизни, отбросив прочь все заботы и проблемы.

Я подумала об Анатолии, о нашей случайной встрече и о том, почему же я его встретила... За что? За какие заслуги я оказалась на этой шикарной вилле, где любой предмет заставляет чувствовать себя королевой? За двенадцать лет ожидания и одиночества? Неужели Бог меня пожалел и послал мне принца, который привез меня в настоящую сказку? Неужели сказки бывают наяву? Никогда я не получала от судьбы таких подарков, не привыкла так жить и не испытывала ничего подобного...

Один раз за все время наших встреч Вадим вывез меня на выходные в подмосковный пансионат. Мы сидели у бассейна, пили виски и... говорили о прошлом. Странно, я только теперь понимаю, почему мы говорили о прошлом. Наверно, потому, что у нас не было настоящего. Тогда мне казалось, что мы вместе с Вадимом понимаем друг друга с полуслова. Вадим всегда умел меня слушать. Наверно, именно поэтому я считала его прекрасным собеседником. Он умел слушать, а я умела говорить.

При мыслях о Вадиме я почувствовала себя крайне неловко. Я даже поругала себя за то, что любую ситуацию, которая со мной происходит, я примеряю к нему, хотя в глубине души прекрасно понимаю, что этого делать не стоит. Конечно, я люблю этого человека. Люблю долгие годы и не могу вычеркнуть из своего сердца за считанные минуты, но ведь я не только его люблю. Еще я его ненавижу. Я испытывала и любовь и ненависть одновременно, и мне требовалось огромное напряжение воли, чтобы держать свои чувства под контролем в широком спектре различных эмоций.

Я гнала подобные мысли прочь и убеждала себя в том, что Вадим — это вирус, поселившийся в моей крови, что этот вирус плохо воздействует на мой организм, подрывает мою иммунную систему и заставляет чувствовать себя больной и разбитой. И все же от этого вируса есть лекарство. Я его приняла, и оно уже начинает действовать. Результаты такого лечения будут видны в самое ближайшее время. Еще совсем недавно мне казалось, что этот вирус смертельный и что я обречена, но теперь... Теперь, глядя на эти восхитительные волны, я понимаю, что я не обречена, я готова к выздоровлению, даже если оно будет тяжелым и долгим.

Эти волны действовали на меня, как ледяной душ. Я заметно взбодрилась и почувствовала в себе новые силы.

— Девушка, здесь не занято?

Я подняла голову и улыбнулась. Рядом со мной стоял Анатолий. Из одежды на нем были только плавки, на шее болталось полотенце. В руках он держал бутылку шампанского и пару фужеров.

— Девушка, так здесь место свободно?

— Свободно. — Я рассмеялась и жестом пригласила Анатолия сесть рядом со мной.

— Не помешаю?

— Нет. Мне будет очень приятно, если ты составишь мне компанию.

— А я тебя повсюду ищу. Мне Лена сказала, куда ты пошла. Почему меня с собой не взяла?

Я виновато пожала плечами и потупила взгляд в сторону.

— Я подумала, что ты разбираешь свои вещи.

— Зачем мне их разбирать? На это есть горничные. Надеюсь, что я тебе действительно не помешал. Через пару часов нас ждет роскошный ужин... Лучше, чем даже в самом дорогом ресторане. Повар сказал, что мы еще никогда не ели и даже не видели столько морских деликатесов. Я весь в ожидании. Сегодня у нас будет настоящий пир. Как ты смотришь на то, чтобы до пиршества выпить шампанского?

— Положительно, — игриво ответила я.

— И я положительно. Организму не мешает взбодриться, тем более сейчас у нас происходит акклиматизация.

— Акклиматизация?

— Ты что-нибудь чувствуешь?

— В смысле? — не поняла я вопрос.

— Ты чувствуешь какие-нибудь изменения в организме?

Я прислушалась к своему организму и отрицательно покачала головой.

— Пока нет.

— Так давай выпьем за то, чтобы мы с тобой вообще не почувствовали никакой акклиматизации. Это у меня организм постоянно шалит. Я когда из зимы в лето еду, у меня температура подскакивает, то что-то типа лихорадки начинается. Трясет даже под одеялом.

— Ты так плохо переносишь смену погоды?

— Плохо. Правда, сейчас я чувствую себя нормально. Может, на этот раз меня все же пронесет.

— Будем надеяться на лучшее.

— Конечно, будем, тем более что я прилетел сюда с такой женщиной.

Расположившись рядом со мной на песке, Анатолий помахал рукой арабу, сидевшему у катера, и разлил шампанское по фужерам.

— Это наш спасатель.

— И катер тоже наш? — спросила я, хотя заранее знала ответ. Ведь все, что находится на территории этой виллы, в полном распоряжении тех, кто ее арендовал, — на весь оплаченный срок.

— И катер, и многое другое. Все, на что только может упасть твой взгляд. И даже если он упадет на что-то, что нам не принадлежит, мы и это приобретем. Я тебя уверяю. Для меня нет никаких преград.

Когда шампанское было допито, Анатолий взял меня за руку и посмотрел на меня какими-то похотливыми глазами. Глазами, которыми он до этого никогда на меня не смотрел.

— Маша, я хочу секса.

— Что? — буквально оторопела я.

— Я говорю, что я хочу секса. Ты что, не знаешь, что такое секс?

— Знаю. Но я как-то к этому еще не готова.

— А разве к этому необходимо готовиться? Это желание возникает внезапно и по большому счету от нас не зависит. Мы же с тобой взрослые люди. Зачем ходить вокруг да около? Мы же с тобой прекрасно понимаем, чем мужчина и женщина могут заняться на пляже...

— Но...

— Никаких но. Я хочу прямо здесь и сейчас.

Я выпрямилась, пытаюсь сохранить ускользающее достоинство.

— Во-первых, мы слишком мало знаем друг друга. Во-вторых, ты бы мог назвать это как-нибудь поделикатнее. Что значит «я хочу секса»?! Я же не проститутка какая-то. Я женщина, которая согласилась поехать с тобой в путешествие только для того, чтобы составить тебе компанию, и это совсем не означает, что теперь ты можешь меня иметь сколько хочешь, когда захочешь, где захочешь и как захочешь. Нет, в принципе я не против, но все же можно было сделать все красиво — дождаться вечера или хотя бы на худой конец сказать не «я хочу секса», а «я хочу тебя». Ведь сам по себе секс — это не просто какое-то механическое воздействие, это

гармоничные отношения между людьми.

— Маша, я хочу секса, — повторил Анатолий и посмотрел на меня все теми же похотливыми глазами. — Я хочу секса прямо сейчас и на этом пляже. Если ты стесняешься спасателя, то не думай о нем. Он уйдет сразу, как только мы начнем. В конце концов ему платят за то, чтобы он выполнял свою работу, но не за то, чтобы он любовался причудами своих хозяев. Любые наши действия на этой вилле будут восприниматься нормально. Ведь хозяйева мы, а они только прислуга. Ну давай. Будь смелее. Покажи мне хороший секс. Удиви меня чем-нибудь.

— Я порядочная женщина, а не дешевая проститутка. — Я почувствовала, как запылали мои щеки.

— Никто и не спорит. Я бы никогда в жизни не привез на такую крутую виллу дешевую проститутку. Я пригласил сюда именно порядочную женщину. Но ведь и порядочные женщины занимаются сексом. Порядочным женщинам тоже не чуждо ничто человеческое. Когда ты сюда ехала, разве ты не догадывалась, что между нами это будет?

— Догадывалась, но я не думала, что это будет так неромантично.

— Мы с тобой уже не в том возрасте, чтобы думать о какой-то романтике.

Рассудком я понимала, что я должна рассердиться, накричать на этого наглеца, который думает, что вместе с виллой он купил и меня, заявить ему, что такой расклад меня не устраивает, что мы так не договаривались и что именно по этой причине завтра первым же рейсом я возвращаюсь в Москву, но я почему-то молчала, сидела как вкопанная и не могла произнести ни единого слова. В глубине души я понимала, что совсем не хочу возвращаться в Москву, откуда я только что уехала, вернее, даже не уехала, а просто сбежала. А сбежала я потому, что этот город напоминал мне о Вадиме...

В этот момент Анатолий наклонился ко мне как можно ближе и взял меня за руку. Я попыталась убрать его руку, но она была слишком настойчива, и он не дал мне возможности это сделать. Внутренне сжавшись, я отвела глаза в другую сторону и нервно проговорила:

— Тебе не кажется, что ты слишком шустрый?

— Нет. Только не вздумай говорить, что ты не хочешь того же, чего хочу и я.

— А чего хочешь ты?

— Нашего с тобой физического контакта.

— Господи, разве можно склонять женщину к близости такими сухими выражениями?

— Я что-то не так говорю?

— Да, не так. Ты должен сказать, что ты хочешь близости, но не контакта. И вообще, про это не говорят. Женщину просто к этому склоняют, как-то красиво подводят, чтобы не дай Бог ее не обидеть. И не говори, что в нашем возрасте это все не важно. Это важно в любом возрасте. Даже когда тебе семьдесят.

— А мне казалось, что когда тебе семьдесят, то тебе вообще ничего не надо. Ты прости меня, если я что-то не так делаю. Если я что-то не так делаю, то я делаю это только оттого, что по-другому просто не умею.

— Это плохо.

— Может быть, но я умею делать и хорошо. Когда Анатолий поцеловал мочку моего уха, я ощутила, как по телу пробежали мурашки, и вот тут-то я и смирилась с тем, что сопротивляться я больше не в силах. В конце концов с Вадимом все кончено, и я не обязана хранить ему верность. Да и вообще, о какой верности может идти речь, если мы говорим о женатом мужчине. У меня словно произошло раздвоение личности. Одна моя часть, та самая, которая руководствовалась рассудком, требовала немедленно рассердиться и показать, что мое достоинство превыше всего. Если этот мужчина привык брать все от жизни нахрапом, то пусть он знает, что звезды никогда не падают сами в ладони, чтобы их получить, просто необходимо потрудиться. Другая моя часть, наоборот, толкала меня в объятия этого мужчины и призывала не обращать внимания на его сухие реплики. Видимо, он просто не очень хорошо воспитан и не умеет вести себя с женщинами. Наверно, Кира, вместо которой на виллу приехала я, устала от подобного обращения и решила разорвать все одним махом. Она осталась с мужем, у которого нет таких денег, но зато у него есть чувство такта и уважение к женщине. Он вежлив, добр, заботлив и терпелив. Быть может, именно в объятиях этого мужчины я бы смогла позабыть о Вадиме и попробовать научиться жить без него.

Я посмотрела на восхитительно сложенного мужчину и отметила про себя, что у него отличная фигура. На его теле играл каждый мускул. Он приподнял пальцами мой подбородок, а я почувствовала, что ко мне все ближе и ближе подкрадывается страсть, которую я уже с трудом сдерживаю. Затем его руки принялись гладить мою шею, волосы и мои плечи. Я закрыла глаза и начала вбирать в себя жар его тела. Когда его рука коснулась моей груди, я застонала и захотела его еще больше. Он впился в меня губами, а я захватила его язык. Я не хотела думать о том, что где-то там за нами наблюдает спасатель.

Анатолий сказал, что он уйдет сразу, как только все начнется. Как только все начнется...

Накатившая на меня страсть завладела моим сознанием, и я почувствовала себя изголодавшейся по воле тигрицей, которая вырвалась из своей клетки. Я застонала изо всех сил, рванулась к мужчине навстречу, застыла, стиснула зубы... и медленно выдохнула.

...Мы лежали на берегу и лениво стряхивали песок с наших тел. Как я и думала, никакого спасателя не было и в помине. Мои ноги еще дрожали, а мое дыхание все никак не могло восстановиться.

— Странно, ведь мы совсем не знаем друг друга. Случайное знакомство, перелет, роскошная вилла и секс на берегу моря. — Я приподняла голову и внимательно посмотрела в глаза Анатолию.

— А мне кажется, что мы знаем друг о друге не так уж и мало. Я, например, знаю, что ты очень красива, что у тебя гладкая и ухоженная кожа, что ты можешь пробудить желание у любого мужчины и доставить ему настоящее удовольствие. Я знаю про тебя, что ты не похожа на других женщин, что ты не такая, как все. Да и вообще, неужели для того, чтобы люди могли доставить друг другу приятное, нужно знать друг друга как облупленных? Это все предрассудки, от которых мы до сих пор не можем избавиться. Нужно жить проще.

— А ты всегда так живешь?

— Как?

— Ты всегда живешь проще?

— Я стараюсь так жить.

То, что произошло со мной несколько минут назад, противоречило всем моим прежним правилам и привычкам. Отправиться с незнакомцем в чужую страну, поселиться с ним на вилле и заняться с ним сексом по его первому требованию прямо на глазах у чинившего катер араба... Я и сама не верила в то, что сейчас на песке лежу я. Ведь всю свою сознательную жизнь я всегда жила как принято, как того требовали наши дурацкие условности и рамки нормального стандартного поведения. Я никогда не отдавалась после первого свидания, да и психологи советуют не торопить события и, по возможности, перенести секс на вторую встречу. Хотя в первый раз я встретила с Анатолием в баре, а теперь... теперь я встретила с ним во второй раз. Выходит, я довольно четко следую предписаниям психолога и не отхожу от инструкций.

Интересно, а правильно ли сейчас я сделала, что так быстро сдалась и согласилась на связь с мужчиной? А не поторопилась ли я уступить, да и был ли у меня какой-то другой выход?! Ведь если правильно провести любовную игру (так это, кажется, называется), то любая, даже мимолетная связь может стать прелюдией к довольно длительным отношениям. В такой ситуации я не могу это знать наверняка, потому что все произошло слишком быстро, намного быстрее, чем я рассчитывала.

— Не загружай голову. — Анатолий наклонился ко мне совсем близко, и я ощутила вкус его влажных губ. — Ты взрослая женщина, а в душе... В душе ты настоящая девчонка. Все отношения между мужчиной и женщиной начинаются по одной, четко намеченной схеме.

— И что же это за схема?

— В этих отношениях нет ограничений, обязательств, обещаний. И в этом тоже есть своя прелесть. Отношения, когда двоим в них просто хорошо вместе, но при этом они нисколько не претендуют друг на друга.

Мужчина взвесил на руках мои волосы и уткнулся в них носом.

— Знаешь, ты так вкусно пахнешь. Я никогда не встречал подобного запаха.

— Я сама или мои волосы?

— Ты, вместе со своими волосами.

— Тебе нравятся мои духи?

— Я не чувствую твои духи. Я чувствую тебя саму.

— И чем же я пахну?

— От тебя исходит запах секса.

— Секса?!

— Вот именно, секса. Я почувствовал этот запах сразу, как только зашел в бар, где тебя встретил. В моей жизни так пахла только одна женщина на заре моей туманной юности, и это был потрясающий запах. От тебя исходит потрясающий запах, да ты и сама потрясающая женщина. И не думай ни о чем. Все будет хорошо, я тебе обещаю. По крайней мере, курортный роман у тебя уже начался.

— Курортный роман?

— А что, не похоже? На курортах все происходит быстро.

— И все быстро заканчивается.

— Не скажи. Есть курортные романы, которые имеют продолжение. Я уже тебе говорил, что в этой жизни может быть все. Никогда не смотри на других и не живи по шаблону.

Я тяжело вздохнула и закрыла глаза. Горячие мужские руки, обнимавшие мою грудь, вселяли в меня уверенность, заставляли чувствовать себя желанной и убеждали меня в том, что я не одна. А это значит, что у меня впереди есть надежда. Надежда на то, что все сложится хорошо. Я приеду отдохнувшая и загорелая и смогу построить свою жизнь заново, вернее, даже не построить, а начать ее с нового, белого, чистого листа. Эх, надежды, надежды... Сколько раз я строила воздушные замки, и сколько раз я отворачивалась в сторону, зажмурив при этом глаза, чтобы не видеть, как эти воздушные замки рушились. Среди моих знакомых я не встречала счастливых пар, и даже если люди жили вместе долгие годы, они создавали видимость этого пресловутого счастья. Целая масса разбитых сердец и душевных ран... Целая масса... Я всегда верила, что мне обязательно улыбнется удача, но увя, я стала запасной женой и закрепила за собой этот не самый лучший статус на долгие и долгие годы. А может быть, судьба мне послала того самого идеального мужчину в виде Анатолия? Может быть... Все может быть...

Ужин поразил воображение и заставил бы упасть в обморок от восторга даже самого заядлого гурмана. От такого изобилия морепродуктов у меня просто разбежались глаза, и я совершенно растерялась, не зная, что предпочесть. Почувствовав мое замешательство, Анатолий принялся накладывать мне полную тарелку всего, что попадалось ему под руку, и приговаривать:

— Ты попробуй всего по чуть-чуть. Постарайся попробовать все. Это все очень вкусно.

— Бог мой, но зачем всего так много?

— Затем, что наш отдых должен проходить по полной программе. Уж если жить, то на самой роскошной вилле, а если есть, то от пуза.

В перерывах между едой Анатолий покурил гигантскую сигару и смотрел на меня взглядом, полным блаженства. А я... Я смотрела на стоящую на столе бутылку ирландского виски и чувствовала себя как-то неловко.

— Маша, ты по-прежнему напряжена... Тебя все еще что-то беспокоит?

Мужчина пододвинул ко мне подсвечник, чтобы как можно лучше разглядеть мое лицо.

— Тебя что-то волнует?

— Просто... Просто этот перелет из зимы в лето. Наверно, у меня началась акклиматизация.

— Сегодня ляжешь пораньше спать. Хорошенько выспишься, и я думаю, что завтра тебе станет полегче.

— А еще...

— Что еще?

— Еще тут так много роскоши. Так много, что просто кругом идет голова.

— К роскоши нужно привыкать и к ней нужно стремиться.

— От роскоши тяжело отвыкать.

— Я говорю, что к ней нужно стремиться. Пусть эта сказка запомнится нам обоим на долгие годы. Тем более это не последняя сказка в нашей с тобой жизни. Я ведь из тех, кто может оплачивать эту сказку регулярно. А затем... Затем, вообще, можно скопить денег, отойти от дел, свалить за границу, купить виллу, только не в арабской стране, конечно, и просто наслаждаться жизнью.

Фраза «это не последняя сказка в нашей с тобой жизни» привела меня в приятное замешательство и вселила уверенность.

— Ты сказал «в нашей с тобой жизни»...— Я пристально посмотрела мужчине в глаза.

— А почему бы и нет? Не стоит списывать меня со счетов. В этой жизни все может быть. Буквально все. Тебя что-то смущает? Я что-то сказал не так?

— Просто мне как-то не по себе от того, что ты хотел провести на этой вилле месяц с любимой женщиной, выяснить с ней отношения, подтолкнуть ее к какому-либо ответственному шагу, а тут привез сюда незнакомку. С любимой женщиной твоя поездка могла быть совсем другой.

— С твоим любимым мужчиной у тебя тоже была бы другая поездка.

— Мой любимый мужчина не смог бы арендовать такую виллу.

— Почему?

— Потому, что у него на это нет средств.

— А мне кажется, что для такой женщины, как ты, мужчина должен не только арендовать виллу, но и положить к ее ногам красивую жизнь. Ты себя не слишком ценишь. Обязательно повысь самооценку, и ты увидишь, как вокруг тебя поменяется целый мир. И вообще, мне совсем не нравится твой настрой и твои разговоры. Давай не будем думать о том, что было бы, если бы мы приехали в эту сказку с другими людьми. Главное, что мы здесь и нам хорошо вместе, а все остальное не имеет значения. Эти люди остались там, где они должны остаться. У них своя сказка, а у нас с тобой своя.

Анатолий многозначительно улыбнулся, а я улыбнулась ему в ответ. Поужинав, мы взяли за руки и, словно настоящие влюбленные, дошли до дверей моей спальни. Я открыла дверь нараспашку и в предвкушении чуда пригласила мужчину внутрь, но тот покачал головой.

— Нет. Ты ляжешь спать одна. Тебе просто необходимо выспаться.

— Но...

— Никаких «но». Сейчас ты ляжешь, потеплее укроешься и сразу уснешь.

— А ты?

— Я сделаю то же самое, но только в своей спальне.

— В своей спальне?

— В своей. — В голосе Анатолия звенел металл.

— Но мы можем сделать это вместе.

— Я же сказал тебе, никаких «но». Я не уверен, что смогу просто уснуть с женщиной, от которой исходит запах секса. Я далеко в этом не уверен. Я должен дать тебе выспаться.

— Но мы можем лечь спать немного позже... Толя, ты меня не хочешь? — Я задала вопрос и тут же устыдилась, потому что еще не было случая, чтобы мне приходилось его задать. А теперь... То, что происходит теперь, показалось мне унижительным.

— Не говори ерунды. Ты же видела, что я не смог сдержаться даже на пляже. Я потерял от тебя голову.

— Но мы могли бы повторить то, что было на пляже.

— Конечно, мы повторим это тысячу раз, но не сегодня. Сегодня ты должна выспаться. А завтра вечером будут бассейн, сауна, джакузи...

— Но..

— Спокойной ночи.

Анатолий наклонился и как-то по-отечески поцеловал меня в щеку.

— Я желаю тебе прекрасных снов. Я хочу, чтобы утром ты спустилась к завтраку посвежевшей и на твоём лице от усталости не осталось даже и следа.

Как только за Анатолием закрылась дверь, я подошла к окну и ощутила какое-то беспокойство. Странно, даже очень странно... Господи, как же все это странно... Если между мужчиной и женщиной возникает взаимная вспышка страсти, то они с удовольствием ложатся в одну кровать, наслаждаются друг другом и засыпают в объятиях. Хотя у любого правила бывают исключения. Этот мужчина богат, а у богатых, как известно, свои причуды. Возможно... Возможно, он просто привык спать один. В конце концов он за все платит, а кто платит, тот и заказывает музыку. А мне... Мне остается только танцевать под его музыку, потому что в этой сказке и на этом пиршестве я оказалась совершенно случайно.

Как только я легла на кровать, я постаралась полностью расслабиться, отключить свое сознание и как можно быстрее уснуть. Но у меня не получалось. Сон никак не шел. Слишком много переживаний, впечатлений и эмоций в последнее время. Устав бороться с собственным организмом, я вновь подошла к окну, посмотрев при этом на часы. С тех пор как я легла, прошло два часа. Ровно два часа я пыталась уснуть, но все мои попытки оказались тщетны. Еще раз посмотрев на море, я испытала необъяснимое желание искупаться и даже подумала о том, что холодная морская вода пойдет мне на пользу и после недолгого купания ко мне обязательно придет сон. Можно, конечно, постучаться к Анатолию и предложить ему составить мне компанию, но я не сомневалась в том, что он спит и что ему вряд ли понравится моя назойливость.

Переодевшись в купальник, я быстро завернулась в махровое полотенце и вышла в коридор. В коридоре было тихо. Значит, все обитатели дома уже спят. Спустившись по тускло освещенной лестнице, я вышла из дома и направилась к морю. На улице горели круглые фонарики, было тихо. Тихо и холодно. Оказывается, зимой в Египте ночи холодные. Господи, и почему же мне захотелось искупаться в такой холод? Бросив полотенце на землю, я зашла в холодное море и

поплыла. Почувствовав, что мой организм получил уже достаточную порцию адреналина — ночь, чужое, полное опасностей море, — я развернулась в сторону берега и поплыла обратно.

Когда до берега осталось немного, я почувствовала озноб и поплыла как можно быстрее. Как только я подняла голову, мне показалось, что на берегу стоит какой-то человек. Незнакомец был одет в длинный плащ и ковбойскую шляпу. Судя по высокому росту он не был арабом: арабы все больше коротышки, да и ковбойских шляп они не носят. Чем ближе я подплывала к берегу, тем дальше этот человек от него удалялся. А когда он скрылся за домиком спасателя, меня охватила настоящая паника.

Промерзшая, уставшая и жутко напуганная, я вышла на берег и издала пронзительный крик. На моем полотенце, которое я совсем недавно бросила на берегу, лежал спасатель, голова его была запрокинута, а глаза смотрели прямо на меня потухшим взглядом. И в этом взгляде не было жизни... Я не могла ошибиться, в этом взгляде совершенно не было жизни... В нем была смерть...

В груди спасателя торчала рукоятка ножа. Кто-то вонзил в его грудь нож по самую рукоятку. Кто-то вонзил нож...

ГЛАВА 5

Бросившись в дом, я добежала до лестницы и закричала что было сил:

— На помощь! На помощь! На помощь! Там спасателя убили! Быстрее на помощь! Скорее! Люди!!!

Я и сама не понимала, почему звала именно на помощь, ведь спасателю помощь уже явно не требовалась. Уж если кому из нас и требовалась помощь, то мне, и причем незамедлительная.

В доме по-прежнему было тихо, и никто не отреагировал на мой крик. Метнувшись вверх по лестнице к спальне Анатолия, я вдруг упала, до крови расшибла колено, но, не обращая внимания на дикую боль, которая буквально парализовала мою ногу, побежала дальше в надежде как можно быстрее хоть кого-нибудь разбудить.

— Толя! Толя! Беда! Толя!!!

Добежав до дверей спальни, где расположился Анатолий, я беспрепятственно распахнула дверь и встала как вкопанная. В спальне никого не было. Кровать не была даже расстелена, без единой складки. Значит, Толя еще не ложился. Значит, он где-то в другой комнате. Это повергло меня в еще большую панику. Я принялась бегать по всем комнатам, открывать двери в поисках хоть какой-нибудь живой души.

— Эй, где вы все? Где? Эй?! Есть кто живой?! Ну хоть кто-нибудь здесь есть живой?! Толя, ты где?! Толя?!

Пробежав два этажа, я спустилась на первый и громко зарыдала. В доме по-прежнему было тихо, и мне показалось, что дом пуст. При этой мысли у меня поплыло перед глазами и заныло там, где находится сердце. Открыв очередную дверь на первом этаже и в очередной раз не найдя в комнате никого, я почувствовала, что силы окончательно меня покидают и меня куда-то уносит. Схватившись за дверную ручку, я попыталась справиться с головокружением и ощутила, что мне просто не хватает воздуха. Быть может, у меня случился сердечный приступ? Или я для этого еще слишком молода?! А затем... Затем перед глазами окончательно поплыло,

а в ушах появился какой-то странный, незнакомый мне ранее звон.

Когда я открыла глаза, я увидела перед собой несколько расплывающихся лиц и почувствовала запах нашатыря. Буквально через несколько секунд эти лица начали выглядеть более отчетливо и у них появились уже знакомые очертания. Увидев сидящего рядом со мной перепуганного Анатолия, я облизала пересохшие губы и почувствовала страшную жажду.

— Пить. Я хочу пить.

Девушка по имени Лена приподняла мне голову и напоила меня водой.

— Ну вот и румянец появился, — ласково сказала она и потрепала меня по щекам. — Вы всех напугали. Лежали совершенно без чувств, а цвет лица был такой, что мы грешным делом подумали, что вы вряд ли живы.

— Что со мной было?

— Обморок.

— Обморок?

— Это был всего лишь обморок, но нам с трудом удалось привести вас в чувство.

Когда с помощью Анатолия мне все же удалось сесть, я поправила волосы, посмотрела на слегка напуганных арабов-слуг, дождалась, когда они уйдут, и перевела свой взгляд на Анатолия и сидевшую рядом с ним Лену.

— А где вы были? Я вас везде искала.

— Я спала в своей комнате, — слегка растерялась от моего вопроса девушка.

— Но я обегала весь дом.

— Моя комната на первом этаже. Вы до нее просто не добежали.

— Но я так громко кричала...

— Простите, но я почему-то ничего не слышала...

— А ты где был? — В моем голосе появились нотки, близкие к истерике.

— Я парился в сауне.

— Но ведь ты же сказал, что идешь спать.

— Я уложил спать тебя, но это еще не означает, что я лег спать сам.

— А почему только меня?

— Я уложил тебя спать, чтобы ты по-человечески выспалась.

— А сам пошел париться?

— Да, а почему бы мне не пойти?

— Я бы могла пойти с тобой...

— Я же сказал, что мне очень хотелось, чтобы ты выспалась. Я попарился, немного поплавал в крытом бассейне, зашел в дом и увидел тебя, лежащую у входа в гостиную. Что с тобой приключилось? Почему ты потеряла сознание? Почему ты не легла спать? Почему?

— Я бегала... Я звала на помощь... Я кричала... Но в доме никого не было. В доме было пусто! — От испытанного кошмара, несправедливости и беспомощности я почувствовала, как у меня на глаза накатились слезы.

Видимо, Лена подумала, что мои упреки обращены больше к ней, чем к Анатолию, и нервно принялась кусать ногти.

— Я спала. За Катей заехал парень, и она вместе с ним отправилась на ночную дискотеку. Она вернется только к утру, — принялась оправдываться девушка. — Мы никогда не оставляем дом без присмотра. Если мы с кем-то встречаемся, то только ночью, и то по очереди. Так что Катя уехала, а дежурной по дому осталась я. Уверяю вас, что дом никогда не остается без присмотра. По ночам здесь обязательно кто-то есть — или я, или Катя. Ваш муж сказал, что я могу идти спать, что сегодня я уже не нужна, что вы уже легли отдыхать. Другие люди из obsługi сидели в домике охранников, разговаривали и курили кальян. Вам, наверно, забыли сказать, что на каждом этаже есть кнопка, чтобы в случае необходимости вы могли кого-то вызвать. Когда ваш супруг вас тут обнаружил, он сразу нажал на кнопку — и все сбежались.

— А где эта чертова кнопка?

— Да вот, прямо над вами. Она есть на каждом этаже.

Я подняла голову, посмотрела на кнопку, напоминающую звонок, и обиженно спросила:

— Почему мне никто не сказал про эту кнопку?

— Простите. Это наша вина.

— Если бы я знала о существовании этой кнопки, я бы не разбила себе в кровь колено, да и не только колено, но и нос тоже.

— Простите...

— Да что случилось? — похоже, окончательно потерял терпение Анатолий. — Что произошло? Почему ты не спала, а бегала по дому? Что стряслось? Почему ты в купальнике?

— Я не могла уснуть. Я целых два часа не могла уснуть. Я очень старалась, но у меня ничего не получилось. — Я говорила сбивчиво и никак не могла унять дрожь в голосе. — Я закрывала глаза, настраивала себя на сон и никакого толку. У меня ничего не получалось. Ничего. Вот я и решила искупаться, думала, может, после этого мне удастся уснуть.

— Где? В бассейне?

— Нет. В море.

— В море?! — Анатолий заметно побледнел и посмотрел на меня безумными глазами. — Ты решила одна искупаться в ночном море?

— Решила.

— Да у тебя как с головой?

— Нормально, — обиженно буркнула я.

— Египет — это тебе не Турция. Тут вообще никто по ночам не купается. Ты не представляешь, сколько опасностей таит в себе ночное Красное море. Тут можно купаться днем, а ночью строго-настрого запрещено.

— Но почему?!

— Не знаю. Все говорят по-разному. Одни говорят, что ночью в море появляются какие-то ядовитые морские ежи, укусы которых смертельны, другие что-то еще. Короче, опасно все это. Понимаешь, опасно! Я думал, ты об этом знаешь, а ты на меня так смотришь, будто первый раз про это слышишь. Ни в одном отеле в Египте ночью купаться не пускают. А вдруг рыба какая на тебя бы набросилась?!

— Какая рыба?

— Акула, например.

— Акула?!

— Ну, не акула, а может, мурена или еще какое чудо-юдо. Тут всяких тварей полно.

— Что же, эти твари только по ночам кусают, а днем не трогают?

— Не знаю, но купаться по ночам тут строго запрещено.

Анатолий немного смягчился и взял меня за руку.

— Дуреха, как ты могла? Ведь с тобой могло случиться все, что угодно. Я привез тебя сюда и несу за тебя ответственность. Ты хоть это понимаешь?

— Я не сказала самое главное, — наконец вырвалось у меня. — Меня напугало совсем не это. Там спасателя убили. Убийца был одет в длинный кожаный плащ и ковбойскую шляпу.

— Что?!

— Я говорю, что там, на пляже, на моем полотенце лежит мертвый спасатель.

— А с чего ты взяла, что он мертвый? — Анатолий побледнел еще больше, а сидящая рядом с ним Лена, напротив, заметно покраснела.

— С того... — Я глотнула побольше воздуха и почувствовала, как у меня вновь поплыло перед глазами. — С того, что живые так не смотрят.

— Как?

— Так смотрят только мертвые.

— Мертвые вообще смотреть не могут, — осторожно заметил ошарашенный Анатолий.

— Мертвые ничего не видят, но это совсем не означает, что они не умеют смотреть, — возразила я. — Просто когда мертвые смотрят, в их глазах нет жизни. В них видна только

смерть. Он лежит там, на моем полотенце, и в его груди торчит рукоятка.

— Какая рукоятка? — Анатолий тяжело задышал, а в его глазах читалось недоверие.

— Рукоятка от ножа. Она очень большая, железная, вся резная, в каких-то узорах. Наверно, это даже не нож, а кинжал.

— Кинжал?!

— Ну, может быть, не кинжал, но очень на него похож.

Анатолий и Лена переглянулись и словно застыли на месте. Лена как-то нервно прокашлялась. В ее глазах был виден испуг.

— Чертовщина какая-то. На этой вилле никогда не было происшествий. Тут всегда спокойно, и на территории никогда не было посторонних, и уж тем более никто никого не убивал. Нужно срочно вызвать полицию, — первой пришла в себя девушка.

— Для начала надо увидеть все своими глазами, — возразил ей мой спутник.

Анатолий нажал на кнопку вызова прислуги и вместе с Леной и пришедшими арабами отправился на море. Как только я осталась одна, я встала, пересиливая боль в колене, и, прихрамывая, дошла до бара, чтобы налить себе виски. Налив полный бокал, я бросила в него дольку лимона и сделала несколько мелких глотков. Голова просто раскалывалась, и я чувствовала себя отвратительно. Впрочем, по-другому и не могло быть, ведь я пережила сильное потрясение. Облокотившись о барную стойку, я закрыла глаза и медленно потягивала виски. В конце концов самое страшное уже позади, уговаривала себя я. Кто-то убил этого араба-спасателя, но ведь не я же! Я просто оказалась случайным свидетелем этого убийства, только и всего. Я просто очень сильно напугалась, только напугалась, и все. Это испуг. Он пройдет. Он обязательно пройдет. И почему этого спасателя убили на моем полотенце? Разве не было другого места? И какого черта он на него лег? Какого черта? Вилла большая, и на ней есть сотня мест, где можно совершить убийство, но почему именно на моем полотенце? А в ночное море я больше никогда не полезу. Там морские ежи и еще много всего непонятного. Никогда...

Как только в дом вернулись Анатолий и Лена, я уже допивала свой бокал и чувствовала себя намного лучше. Подойдя ко мне поближе, Толя взял меня за плечи и заглянул мне в глаза.

— Ты как?

— Нормально.

— Тебе уже лучше?

— Лучше.

Толя посмотрел на уже почти пустой бокал виски и понимающе кивнул:

— Я вижу. Сейчас я уложу тебя баиньки. Ты хорошенько выспишься и завтра будешь как огурчик. От виски ты должна быстро уснуть. Оно очень хорошо расслабляет. И почему я тебе его сразу немного не налил перед тем, как уложил тебя спать. Тогда бы ты точно не пошла ни на какое море. А завтра...

— Что завтра?

— А завтра мы пойдем купаться с тобой вместе. Ты когда-нибудь занималась подводным плаванием?

— Нет.

— Ты не представляешь, как это здорово. Я тебя всему научу. Я покажу тебе удивительный подводный мир, и ты обязательно в него влюбишься. Ты и представить себе не можешь, как он красив, ведь ты наверняка видела его только на картинках.

Поставив пустой бокал на стол, я посмотрела на стоящую рядом Лену, которая почему-то испуганно поглядывала на меня и тут же отводила глаза в сторону, и с опаской спросила Толю:

— Толя, а полицию-то вызвали? Она уже едет? Я знаю, кто его убил. Он высокого роста, в длинном плаще и ковбойской шляпе. Он видел, что я далеко уплыла. Чем ближе я подплывала к берегу, тем дальше он уходил.

— Кто? — не понял меня Анатолий.

— Ковбой. Я тебе про него говорю. Я все видела.

— Какой ковбой?

— Тот, кто убил спасателя. Если полиции требуются показания, то я готова. Правда, я видела этого ковбоя издали, но ведь я его видела. Пока я пила виски, у меня было немного времени для того, чтобы-подумать, и я все обдумала. Я поняла, как именно все получилось.

— Что получилось? — Анатолий задал свой вопрос как-то подозрительно, но я не обратила на это внимание и тут же поспешила ответить:

— Убийство. Я поняла, как произошло убийство. Ты же сам сказал мне, что ночью на море нельзя купаться. Когда я пошла купаться, спасатель вышел из своего домика и увидел лежащее на берегу полотенце. Он не был уверен в том, что какой-то псих отправился купаться в ночном море, и, сев на берегу, на всякий случай принялся ждать, чтобы полностью отбросить прочь свои сомнения. Вдруг из воды кто-то выйдет? Именно поэтому он и сел на мое полотенце. Если бы он точно знал, что в море кто-то купается, то он бы бросился следом за мной и вытащил меня из воды, но он этого не сделал потому, что не был уверен. Он просто сел и ждал. И тут к нему подошел ковбой и воткнул ему в грудь нож по самую рукоятку. Когда ковбой увидел, что я плыву к берегу, он тут же удалился. Кстати, так что торчит в груди у спасателя, нож или кинжал?

Но Анатолий не ответил на мой вопрос и смотрел на меня все тем же подозрительным взглядом.

— Наверно, ты и сам не понял, что именно там торчит. Уж больно необычный нож. Редкий какой-то, что ли... Так где полиция-то?

— Полиция?

— Ну, да... — Только сейчас я обратила внимание на поведение Анатолия. Он вел себя так, словно не верил ни одному моему слову.

— А зачем полиция?

— Как зачем?

— Полиция не нужна, — совершенно спокойно ответила он.

— Почему?

— Потому, что в ней нет необходимости.

— Ты что, решил не заявлять в полицию? Но почему? Мы же здесь ни при чем. И кто его будет хоронить?

— Кого хоронить?

— Спасателя...

— Спасателя?!

— Спасателя.

— А зачем его хоронить?

— Что же, нам так и оставить труп на моем полотенце?

Ощувив, как моя спина покрылась холодным потом, я постаралась унять дрожь, завладевшую всем моим телом, и очень тихо спросила:

— Толя, я что-то не пойму. Ты мне не веришь, что ли? Ты же сейчас сам ходил к морю и все видел своими глазами... Ты думаешь, что у меня глюки начались? Что я сошла с ума?

— Там никого нет, — глухо сказал Анатолий.

— Что?

— Я говорю, что там никого нет.

— А где же мертвый спасатель?

— Когда мы пришли, он спал в своем домике. Только он был не мертвый, а живой.

— Как?!

Тут Лена протянула мне полотенце и нерешительно проговорила:

— Это ваше. Оно лежало на берегу. Там никого не было.

— Как не было?

— Честное слово, что там никого не было. Вам, наверно, все показалось.

— Что значит — мне показалось?

— Я вас уверяю, на полотенце никого не было. Оно лежало на берегу, а спасатель спал в своем домике. Нам пришлось срочно его разбудить.

— Нет!!! — Я почувствовала, что мои щеки загорелись алой краской, и тяжело задышала. — Я вам говорю, что это был спасатель. Спасатель!

— Может, это был кто другой, — стояла на своем девушка. Все арабы очень похожи.

— Это был спасатель!

— Но на вашем полотенце никого не было...

— Значит, ковбой его утащил!

Глаза Анатолия округлились, и он посмотрел на меня еще более подозрительным взглядом:

— Кто кого утащил?

— Ковбой спасателя.

— Куда?

— Не знаю. Он просто решил скрыть следы преступления. Он где-то спрятался, дождался, пока я убегу в дом, схватил спасателя и куда-то его утащил. Возможно, он просто его где-нибудь закопал, а может быть, куда-нибудь перевез и выкинул в море. Есть тысяча способов избавиться от трупа, особенно в такой стране, как эта. Тут кругом море, пески. Только и успевай трупы прятать. Возможностей больше чем предостаточно.

— Маша, ты сегодня сколько выпила? — Анатолий не дал мне договорить и прищурил глаза.

— Только шампанское с тобой на пляже.

— А виски?

— Виски я только сейчас выпила. Сто граммов для храбрости. Посмотрела бы я, сколько бы выпил ты, если бы пережил подобный шок. А в чем дело?

Ты думал, что я перебрала алкоголя и у меня началась белая горячка?!

— Не знаю. Быть может, тебя в море кто напугал? Быть может, у тебя просто стресс?

— Никто меня в море не пугал.

— Может, рыба какая?

— Нет! Нет! Нет! — закричала я так громко, что от собственного крика у меня зазвенело в ушах.

Толя как-то вопросительно пожал плечами, выкрикнул арабское имя, и вслед за этим в гостиную вошел... совершенно живой спасатель! На нем была вся та же куртка с нарисованным верблюдом и приглашением посетить Египет. Я не могла ошибиться. Еще несколько минут назад эта куртка была залита кровью, а там, где она прикрывала грудь, торчала рукоятка ножа. Араб поздоровался и расплылся в улыбке, обнажив свои малоприятные зубы. Я издала пронзительный крик и с грохотом повалилась на пол...

ГЛАВА 6

Я открыла глаза и постаралась понять, где я нахожусь. Роскошная спальня, сидящая рядом со мной девушка... Лицо девушки мне было очень знакомо. Только сейчас до моего сознания стало доходить, что я прилетела в чужую страну, на роскошную виллу, с мужчиной, которого едва знала. А затем... Затем страшные события вчерашнего вечера и пустота... Полнейшая пустота.

Я слегка приподняла голову и посмотрела на сидевшую рядом со мной, очень усталую девушку Лену.

— Как вы себя чувствуете? — немного оживилась она.

— Вроде бы ничего.

Увидев, что за окном светит солнышко, я очень удивилась и попыталась сесть.

— Уже утро?

— Уже обед.

— А сколько я проспала?

— Долго, со вчерашнего вечера.

— Почему?

— Не волнуйтесь. Ничего страшного, — устало улыбнулась девушка. — Просто вчера вы опять упали в обморок. Ваш муж перепугался и вызвал «неотложку». Вы начали бредить.

— Я начала бредить?

— Ну, да. Вы говорили про какого-то ковбоя, про нож, про спасателя. Как только приехал врач, он сделал вам внутривенный укол и вы тут же уснули. Врач сказал, что у вас просто стресс.

— Стресс?

— Ну да. Видимо, долгое время вы жили в нервном напряжении, а теперь немного расслабились, скинули с себя психологический груз, и вот результат. Ваш муж очень сильно за вас переживал. Он попросил меня посидеть у вашей кровати целую ночь.

— И вы сидели целую ночь?

— Сидела. Вы спали неплохо, только немного бредили. Сейчас я позову вашего мужа. Он сказал, чтобы я позвала его сразу, как только вы проснетесь. У вас очень внимательный муж, и он очень сильно за вас переживает.

— А где он?

— Сейчас я его позову.

Лена зевнула, закрыла ладонью рот и вышла из комнаты. Вскоре в спальню вошел Анатолий с букетом незнакомых розовых цветов. Положив букет на кровать, он сел рядом и поцеловал мне руку.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь.

— Что это за цветы? — Я взяла букет и с нескрываемым удовольствием вдохнула его аромат.

— Да Бог его знает, — пожал плечами Толя. — Какие-то местные.

— А как они называются?

— Да я и не спрашивал. Тут недалеко несколько кустов растет. Вот мне и пришлось немного их пообщипать. Хотелось тебе приятное сделать. Прямо как школьник. Я в последний раз цветы рвал только в школе. Для одноклассницы весь куст сирени оборвал. За это от завуча хорошую взбучку получил.

Я улыбнулась, еще раз понюхала букет и положила его к себе на колени.

— Интересно, как же они все-таки называются?

— Если хочешь, мы обязательно это узнаем. А пока мы их будем называть просто. Цветы египетской национальности.

— А почему не кавказской?

— Потому, что египетской, а проще арабской. Анатолий посерьезнел и провел по моей щеке шершавой ладонью.

— Маша, ну ты отошла?

— От чего? — В моем голосе послышалось нервное напряжение.

— От своих вчерашних видений.

— Ты считаешь, что это были видения?

— Конечно. Больше ничего быть не могло.

— А правда, что ты вчера вызывал «скорую»?

— Правда.

— Мне, что — было так плохо?

— Ну... нехорошо..

Я закрыла глаза и с ужасом вспомнила все, что произошло вчера вечером. Мне стало совсем паршиво, но я поняла, что больше не имею ни малейшего права раскисать и обязана держать себя в руках. Взяв Анатолия за руку, я крепко ее сжала и почувствовала, как екнуло мое сердце. — Знаешь, Толя, со мной такое в первый раз.

— Какое такое? — не понял меня Анатолий.

— Такое, что я чувствую себя дурой.

— Почему?

— Потому что я говорю, а мне никто не верит. Ты не представляешь, как мне паршиво.

Отпустив Толину руку, я резко встала с кровати и принялась нервно ходить по комнате. Затем

остановилась, посмотрела Толе прямо в глаза и произнесла небольшую речь, стараясь выделить каждое слово и ни в коем случае не потерять самообладание.

— Толя, посмотри на меня внимательно. Я нормальная, здоровая женщина, которая никогда не лишалась рассудка. Вчера я была точно такая же. Единственное, что я не могла уснуть. Меня мучила бессонница. Вчера я не напивалась и не сходила с ума. То, что я вчера видела, произошло на самом деле. Понимаешь, на самом деле?! Я не понимаю, почему спасатель остался живой. Не понимаю. Может, он объяснил, кто напал на него с ножом? Может, его нужно хорошенько потормозить, припереть к стенке, чтобы он сказал правду?! Может, он что-то скрывает?!

— Когда мы пришли к нему в домик, он крепко спал, — совершенно спокойно ответил Толя, пододвинул к себе пепельницу и закурил.

— Неужели я ошиблась? Быть может, на моем полотенце лежал другой араб?

— На территорию виллы посторонних не пускают.

— А ковбой?

— И ковбоев в том числе. И вообще, с чего ты взяла, что это спасатель? Арабы все на одно лицо.

— Не скажи. Кто-кто, а арабы не на одно лицо. Тот человек был одет в куртку, на которой был нарисован верблюд и написано: «Приглашаем посетить Египет».

— Таких курток полно.

— Эта куртка была ядовито-желтого цвета.

— В таких куртках ходит обслуга этой виллы.

— Вот видишь. И еще я запомнила этого спасателя, когда он у нас на глазах чинил катер. У него лицо такое запоминающееся.

— Ну как у араба может быть запоминающееся лицо?

— Очень просто.

— Объясни.

— Глаза слишком выпуклые, как у суслика. Он и похож на суслика. Словно он чего-то боится и ему угрожает опасность. Я его запомнила на пляже. Я еще ни у кого не видела таких глаз. Да и черепная коробка у него какая-то странная.

— Что?!

— Я говорю, что строение черепа у него очень странное.

— И когда ты успела разглядеть его череп?

— А что его разглядывать-то? Таких черепов единицы. Очень странная черепная коробка, как у инопланетянина.

— Почему?

— Она вытянутая какая-то...

— Маша, может, ты права и череп у него действительно марсианский, но когда мы пошли посмотреть обещанный труп, то спасатель спал себе сном праведника в своем домике. Нам пришлось его изрядно потормозить, чтобы он проснулся. Я не знаю, что с тобой происходит... То ковбой, то спасатель-инопланетянин. Может, ты в детстве ужастиков насмотрелась?

— Я терпеть не могу ужастиков.

— Не похоже. У тебя слишком богатая фантазия и больное воображение.

Беспомощно разведя руками, я села на краешек кровати и склонила голову.

— Тогда какое может быть объяснение тому, что вчера произошло?

Толя взял меня за руку и осторожно произнес:

— Врач сказал, что это последствия стресса.

— Какой врач?

— Тот, который к тебе приезжал.

— Египетский?

— Да, араб. Русских врачей тут, к сожалению, нет.

— Да что он может знать, египетский врач? Какая у них может быть медицина?

— Не скажи, тут есть неплохие специалисты.

— Да откуда им взяться?

— И все же. Я говорю, что это последствия стресса. Ты была слишком напряжена, а затем, когда организм расслабился, у тебя появились видения. Так бывает, и нередко. Видимо, ты слишком себя накручивала, слишком много думала, слишком много переживала. Ты понимаешь, что это видения?

— Видения?

— Вот именно.

— Видения бывают только у душевнобольных людей, — покачала я головой.

— Видения бывают и у здоровых.

— А может быть, меня кто-то разыграл? — Я понимала всю нелепость своего вопроса, но не могла его не задать.

— Кто?

— Ну не знаю.

— Вообще-то ты знаешь, что этим тут заниматься некому. Я думаю, тебе не нужно ничего объяснять, ты и сама понимаешь, что это глупость.

Толя повернул мою голову к себе и одарил меня дружелюбным и даже каким-то теплым взглядом.

— Маша, это были всего лишь видения, и ты должна с этим смириться. Ты должна это понять, и тогда ты будешь чувствовать себя немного лучше. В этом нет ничего постыдного. Я теперь понимаю, почему ты ходила к психологу. Тебе и в самом деле нужна его помощь. Это козел тебя довел.

— Какой козел?

— Тот, на которого ты потратила двенадцать лет жизни. На кого ты угробила свою молодость.

— А он-то здесь при чем?

— При том, что все, что с тобой происходит, происходит только из-за него. Он тебе психику нарушил. Попадись он мне, я бы его собственными руками задушил. Сотворил такое с прекрасной девушкой. Козел недоделанный!

Внезапно Толя тяжело задышал, затушил сигарету и притянул меня к себе.

— Со временем ты выздоровеешь. Если потребуется, то в Москве я поведу тебя к самым лучшим врачам. Ты можешь во всем положиться на меня. Теперь в этой жизни тебе ничего не страшно, потому что у тебя есть я. Я буду тебе помогать. Я обещаю, что я буду тебе помогать. Я решил это для себя еще вчера, когда ты лежала такая незащищенная, бледная, сине-желтая, почти не дышала, без сознания, а врач делал тебе укол. Мне захотелось быть с тобой рядом. Мне захотелось, чтобы ты была здорова и всегда была счастлива. Может быть, ты сейчас не испытываешь ко мне особых чувств, но я уверен, что они обязательно придут, и я положу к твоим ногам целый мир. Вернее нет, я не положу к твоим ногам целый мир — я брошу его к твоим ногам! Я многое могу для тебя сделать. Вот увидишь, многое! Я буду стараться, и ты избавишься от своих видений.

От услышанного на мои глаза навернулись слезы. Мне показалось, что если этот мужчина будет со мной рядом, то его чувства станут для меня безопасным островком в бурном потоке нашей жизни. Иметь рядом с собой такого мужчину — все равно что укрыться от жизненных бурь за каменной стеной. И пусть ему никогда не добаться до моей души, потому что никогда нельзя открывать мужчине свою душу, это может иметь самые плачевные последствия. Мужчине должно быть достаточно тела, потому что мужчина может лишь обладать, но никогда не сможет владеть. Конечно, со временем даже самая безудержная страсть к телу может утихнуть, и тогда можно отдать мужчине какую-то часть своей души, но ни в коем случае нельзя отдавать ему всю душу. Ему можно отдать то, что зовется любовью, а любовь — это и есть часть нашей души, и притом самая лучшая ее часть. Так вот, пусть я никогда не смогу открыть ему свою душу, но я смогу подарить ему ее часть. Пусть...

— Толя, ты говоришь правду?

— Да.

— Ты всегда будешь рядом?

— Я постараюсь, чтобы это произошло. Я постараюсь.

Анатолий поцеловал меня в щеку, затем в лоб и погладил мои волосы. Как только Толя поднял руку и погладил меня по спине, я позабыла про все, что произошло со мной вчера ночью, и думала только о том, что он сказал мне сегодня. Если я правильно поняла, то Анатолий предложил мне длительные отношения, а ведь я правильно поняла. Когда он стал покрывать меня поцелуями, я закрыла глаза, полностью подчинилась его власти и легла на кровать.

— Маша, может, тебе еще нельзя? Может, ты еще слишком слаба?

— Мне можно. Мне все можно., — Я притянула мужчину к себе и слегка вскрикнула от наслаждения.

— Быть может, ты слаба? Быть может, ты плохо себя чувствуешь?

— Я прекрасно себя чувствую, и во мне столько силы... Ты даже не представляешь, сколько во мне силы!

— Покажи! — Мужчина поднял голову и рассмеялся.

— Показываю! Смотри внимательно и запоминай!

Я накинулась на Толю, словно голодная волчица, и принялась покрывать его тело страстными поцелуями...

...Мы обедали прямо на берегу моря, и этот обед превзошел все мои ожидания. Удивительной красоты шатер, обеденный стол с множеством самых изысканных блюд и... мужчина, который с каждой минутой становился мне все ближе и все понятнее. К моему удивлению, спасателя на пляже не было. Скорее всего, Анатолий опасался за мое состояние и велел сидеть ему в домике, чтобы не пугать и не раздражать меня своим присутствием.

Мне казалось, что я попала в настоящую сказку, где добрый принц спас меня от злодея и увез в далекую заморскую страну, чтобы там мы жили с ним счастливо и умерли в один день. Я не хотела думать о том, что было вчера, и больше не могла никому доказывать свою правоту, потому что чем больше бы я ее доказывала, тем все больше убеждались бы все вокруг в том, что у меня крыша поехала. Это останется со мной, и в это все равно никто не поверит. А я... Я не могу найти этому объяснения. По крайней мере сейчас, а потом... Потом мне предстоит над этим подумать. Я поняла, что эта вилла не так уж проста, как кажется на первый взгляд, и хранит в себе какую-то тайну. На ней все далеко не так безопасно, как может показаться... А это значит, что я должна быть осторожна. Я обязательно должна быть осторожна, и по возможности я должна буду вселять эту осторожность в других...

Этой ночью Анатолий хотел уложить меня спать одну, но я не позволила ему это сделать. После того как мы искупались на пляже, попарились в сауне, поужинали и поплавали в бассейне, он довел меня до дверей моей спальни и пожелал приятного сна. Это вывело меня из равновесия, я вцепилась в него мертвой хваткой и попросила его лечь спать вместе со мной.

— Толя, пожалуйста, не оставляй меня одну. — В моем голосе было столько жалости и неподдельной горечи, что он тут же смутился. — Пожалуйста.

— Маша, ну почему одну? Я буду в соседней спальне. Ты пойми, я не могу спать с кем-то. Я не усну. Это привычка. Я не могу менять свои привычки, даже если они и странные.

— Но ведь теперь у тебя есть я!

— Я знаю, но я привык спать один.

Положение было безвыходное. Не придумав ничего лучшего, я схватила Анатолия за руку и буквально силой потащила его в свою спальню.

— Толя! Я тебя умоляю. Я не могу спать одна.

— Но почему?

— Потому, что я боюсь.

— Кого?

Мне хотелось сказать «ковбоя», но я не стала этого делать и сказала то, что хотел услышать мужчина:

— Я боюсь своих видений. Они могут прийти опять. Они могут вернуться.

— Все будет хорошо.

— Без тебя не может быть хорошо.

— Я не могу спать не один.

— Нет. Толя, пожалуйста.

Мое жалостливое лицо и глаза, полные слез, подействовали на мужчину должным образом, и он сдался. В эту ночь я лежала у него на плече и прислушивалась к биению его сердца. Мне не было страшно. Мне было хорошо и спокойно. Я чувствовала себя умиротворенно, а самое главное, я не чувствовала себя одиноко. Ночью, когда Анатолий уснул, хотя и уверял меня в том, что он не может спать не один, я слегка приподнялась, обратила внимание на то, что, когда он спит, он очень смешной, провела ладонью по его лицу и... серьезно поговорила сама с собой. Я поругала себя за собственную слабость и за то, что, сама того не желая, возлагаю на эту встречу слишком много надежд. Слишком много. Ведь я всегда руководствовалась принципом, что женщина может получить от мужчины если не все, то многое при том условии, что в любой ситуации она всегда сохранит голову на плечах. Сколько раз я давала себе зарок: никогда никакой сентиментальности, никаких мечтаний и терзаний, никакой душераздирающей привязанности, и тогда... Тогда не будет никакой боли. За свои искренние, светлые и чистые чувства я уже достаточно наказана, и, по-моему, даже больше чем наказана. Самое большое наказание для женщины — это одиночество. Нет ничего хуже. Еще совсем недавно мне казалось, что я способна излечиться от иллюзий, но иллюзии приходят опять и опять. Я не должна верить обещаниям первого встречного мужчины, я не должна к нему сильно привязываться, не должна... Я обязана посмотреть на него другими глазами и избавиться от непонятной тоски. В конце концов это просто курортный роман. Это всего лишь курортный роман, а курортные романы имеют удивительную способность заканчиваться вместе с отпуском или тогда, когда ты меньше всего этого ждешь.

Мой жизненный опыт научил меня многому. Долгие годы мне придется вспоминать Вадима, с которым двенадцать лет у меня была сильная, умопомрачительная любовь, но в этой любви не было чистоты, а именно чистота ценится больше всего в любви и должна обязательно присутствовать в отношениях между мужчиной и женщиной. Во всей этой истории в дураках осталась именно я, и притом с мучительной, незаживающей раной в сердце.

Я еще раз провела ладонью по лицу сладко спящего Толи и в который раз задала себе один и тот же вопрос: как получилось, что практически незнакомый мужчина за столь короткий срок стал мне необъяснимо близок и почему меня так сильно стало к нему тянуть?! Ведь я уже давно не испытывала подобных чувств. Я конечно же не хранила Вадиму глупую верность и иногда встречалась с другими мужчинами, но в отношениях с этими мужчинами мне всегда хватало каких-то слов, улыбок, легких прикосновений, флирта, быть может, и близости. И все. Самое главное, что во всех этих отношениях мне совершенно не хотелось будущего. А теперь... Теперь мне его необъяснимо хотелось. Просто необъяснимо. Мне необузданно нравился этот мужчина, а быть может, я даже была-в него влюблена. Я еще и сама не поняла, что же это за чувство. Мне нравилось все, что он делает. Все, что он говорит, и даже то, как он мыслит... Мне нравились его сильные руки, его большие, чувственные губы... Мне нравилось в нем все, что только женщине может нравиться в мужчине. Мне хотелось быть с ним рядом, ощущать его горячее тело, а самое главное, я чувствовала себя с ним безопасности.

Все же он слишком быстро пробудил мое сердце.

Тихонько встав со своей кровати, я подошла к столику и налила себе кружку холодного красного чая. Я и сама не могла понять, почему мне опять не спится, ведь я не одна, ведь рядом со мной человек, который далеко мне не безразличен. Ведь он подставил мне свое плечо, чтобы я спокойно на нем спала и видела самые добрые, самые цветные и самые спокойные сны. А мне по-прежнему не спится. И в этом, наверно, виновато ночное море и то, какие опасности оно может нам принести.

Взяв кружку холодного красного чая, я подошла к окну, и у меня бешено застучало в висках. Внизу, прямо перед моим окном, стоял тот же самый ковбой. Лица его мне не было видно, хотя он и задрал голову вверх: ковбойская шляпа была надвинута на глаза. Я пронзительно закричала, выронила кружку, которая тут же с грохотом разбилась, и в тот момент, когда в руках у ковбоя заблестел нож, бросилась от окна прочь.

Я не знаю, как я не упала. Я пошатнулась, но не упала. Сонный, перепуганный Анатолий, подскочил с постели и тут же обнял меня за плечи.

— Маша, что случилось? Что?

— Там ковбой, — глотая слезы, сказала я.

— Какой ковбой?

— Тот самый, который убил спасателя, — сказав последнюю фразу, я прикусила язык и поняла, что теперь-то мне уж точно никто не поверит, ведь я собственными глазами видела «убитого» спасателя целым и невредимым.

Анатолий встряхнул меня за плечи и постарался привести в чувство.

— Бог мой, у тебя опять видения. Когда приедем, надо будет показать тебя психиатру. По идее, отдых обязательно должен тебя излечить. Может, тебе попить какие-то транквилизаторы? Я завтра попробую найти снотворное. Что делать, тебе придется его попить, у нас нет другого выхода. Почему ты не спишь? Почему ты бродишь по комнате?

— Не знаю. Мне просто захотелось попить красного чая. Я не знаю, почему он вернулся. Зачем он пришел?!

— Да кто пришел-то?

— Ковбой.

— Какой ковбой?!

— Который убил спасателя! Он пришел потому, что я единственная свидетельница преступления, которое он совершил. А свидетелей принято убирать!

— Да в Египте отродясь не было ковбоев!

— Я не знаю, откуда этот взялся, но тем не менее он взялся. Если не веришь, то подойди к окну. Он стоит там вместе со своим ножом. Подойди к окну!!!

Анатолий бросился к окну и даже открыл его нараспашку.

— Здесь никого нет! Пойди сюда и убедись, что здесь никого нет! — закричал он на весь дом.

— Я боюсь...— замотала я головой и смахнула слезы.

— Но я же рядом!

Я вновь отчаянно замотала головой. Тогда, видимо, у Анатолия окончательно сдали нервы, и он силой подтащил меня к окну и заставил посмотреть на море. За окном и в самом деле никого не было.

— Вот, видишь, никого нет! Вот, видишь... Ну, где твой ковбой?! Где?! Ковбой, ты где?! Ковбой, ау?! Ау! Мы хотим тебя видеть! Где твоя шляпа?! Где твой плащ?! Где твои ковбойские сапоги?!

— Немедленно закрой окно! — закричала я и забилась в истерике.

— Да там никого нет! Ты же видишь сама, что там никого нет!

— Закрой окно!

— Почему ты боишься, если там никого нет?!

— Пожалуйста.

— Но почему?! Я же тебе доказал, что там никого нет!

— Ты его совсем не знаешь. У него большой нож. Анатолий закрыл окно и посмотрел на меня усталым взглядом.

— Маша, у кого большой нож?

— У ковбоя.

— У какого ковбоя?

— У того, кто убил спасателя, а теперь хочет убить меня.

— Ты хоть понимаешь, что ты несешь бред?!

— Понимаю.

— Тогда зачем ты его несешь?

— Потому что я боюсь.

— Но я же рядом.

— Толя, а дом заперт?

— Заперт. Рядом с домом есть служба безопасности.

— А дом хорошо заперт? — не услышала его я.

— Хорошо. Послушай, давай спать. Мне завтра нужно встать пораньше.

— Почему?

— В девять за мной приедет наш гид Махмед. Мне нужно съездить с ним по делам в город.

— Зачем?

— Затем, что у меня могут быть свои дела, в которых женщинам нет места, — раздраженно сказал Анатолий и лег на кровать.

— А я?

— А ты можешь спать до обеда.

— А ты когда приедешь?

— К обеду или чуть позже.

— А меня с собой взять нельзя?

— Нет, нельзя.

— Почему?

— Потому, что я никогда не беру женщин, когда еду по своим делам. Есть дела, которые касаются только мужчин.

Как только я легла рядом с Толей, я вытерла слезы, уткнулась ему в плечо и тихо спросила:

— Толя, ты считаешь, что я сумасшедшая?

— Каждый из нас немного сумасшедший. Ты в одном, а я в другом. А если серьезно, то ты не сумасшедшая. У тебя просто нервы не в порядке. Это лечится. А того козла, из-за которого это с тобой случилось, я бы своими руками задушил. Ну ничего, завтра позвоню в Москву, переговорю с врачом, посоветуюсь, какие лучше препараты тебе принимать, и завтра к обеду их привезу. Я думаю, что это будет какое-нибудь сильнодействующее снотворное.

Как только Толя вытер мои слезы, я тяжело вздохнула и произнесла уже более спокойно:

— Никогда в жизни со мной не происходило ничего подобного. Я понимаю, что в это трудно поверить, прямо чертовщина какая-то. Может, я и в самом деле сошла с ума. Словно судьба играет со мной злые шутки. Познакомилась с мужчиной, которого столько ждала, а судьба, наверно, посчитала, что ты для меня слишком хорош и принялась выкидывать подобные

коленца.

— Ты сказала, что ты долго меня ждала?

— Да.

— А ты уверена, что ты ждала именно меня?

— Вполне.

— Тогда не переживай. Все будет хорошо, поверь мне. Я уверен, что у нас с тобой все получится.

— Ты действительно уверен, что у тебя все получится с чокнутой?

— А кто чокнутая-то?

— Я, конечно. Я уверена, что ты так считаешь.

— Конечно, получится. Ты самая восхитительная из всех чокнутых, которые встречались в моей жизни. По тебе дурдом плачет, но я уже не могу без тебя.

— И тебя не пугает то, что по мне дурдом плачет? — задав этот вопрос, я даже смогла улыбнуться.

— Нет. Я обязательно постараюсь тебя вылечить. Прижавшись к горячему телу Анатолия, я вновь почувствовала себя в безопасности и, поняв, что лучше прикинуться чокнутой, чем доказывать свою правоту, крепко уснула.

ГЛАВА 7

Я проснулась намного раньше Анатолия и постаралась не думать о том, что произошло вчера ночью. Мне было приятно от того, что я уснула в его объятиях и всю ночь могла слушать умиротворенный стук его сердца. Я посмотрела на лицо Анатолия и отметила, что оно на редкость спокойное. Слова, которые он сказал вчера, приятно волновали меня и одновременно тревожили. Мой спутник сказал, что он положит к моим ногам весь мир, но сможет ли он это сделать? Никто и никогда не дает никаких гарантий на будущее, и есть ли у меня будущее с этим мужчиной, никому не известно... При мыслях о будущем у меня вздрагивало сердце, и я сама не понимала, может ли быть будущее с человеком, которого, в сущности, ты совсем не знаешь. Почему я так сильно к нему привязалась? Я и сама не могла ответить на этот вопрос. Быть может, в нем были качества, которыми должен обладать настоящий мужчина, и этих качеств оказалось достаточно для того, чтобы завладеть одиноким сердцем женщины. А может, мои возникшие чувства помогут мне понять, что, к счастью, я не из тех женщин, которые, однажды обжегшись в любви, проклинают всю сильную половину человечества до конца своей жизни.

Анатолий открыл глаза и посмотрел на меня влюбленным взглядом.

— А ты почему не спишь? — удивился он.

— Не знаю. Я переживаю, что ты опоздаешь.

— Я завел будильник. Сейчас восемь. Наш гид заедет за мной через час.

— А куда вы поедете?

— Маша, можно я не буду отвечать на этот вопрос? Это касается только меня и не имеет к тебе ни малейшего отношения.

— А я и не думала, что в этой стране у тебя могут быть свои дела. — В моем голосе прозвучала обида.

— Могут. У человека, который умеет зарабатывать деньги, дела могут быть в любой стране, хоть на краю света. Не злись. Я приеду сразу, как только освобожусь. Ты можешь поспать до обеда. Я вообще не понимаю, почему ты так рано проснулась. Я надеюсь, сегодня ночью тебя не мучили кошмары?

— Нет. — Я отвела глаза в сторону и постаралась не думать о тех кошмарах, которые преследовали меня в последнее время.

— Вот и замечательно. Я сегодня позвоню в Москву, поговорю со знакомыми врачами и привезу тебе нужные лекарства. Я уверен, что к концу нашего с тобой месяца ты забудешь, что такое видения.

Когда Анатолий встал и принялся одеваться, я встала следом за ним и, когда он полностью оделся, подошла к нему вплотную и тихо произнесла:

— Толя, спасибо тебе.

— За что? — удивился он.

— За заботу, — пропела я, лучезарно улыбнулась и накинула на себя шелковый халат, который удивительно облегал мою фигуру и подчеркивал ее достоинства.

— А ты чем будешь заниматься?

— Я... Я буду смотреть телевизор и ждать тебя.

— Тут два русских канала. И еще...

— Что еще?

— Постарайся не думать о плохом и не вспоминать о своих видениях. Ты мне обещаешь?

— Обещаю, — кивнула я головой и поцеловала Анатолия в щеку. — Не буду вспоминать.

— Вот и правильно. Я уверен, что скоро от твоих видений не останется даже следа, ведь у тебя большая сила воли. Даже когда мы встретились с тобой в баре в первый раз, я сразу понял, что ты сильная женщина. Очень сильная.

— Ты знаешь, иногда мне кажется, что сильных женщин вообще не бывает. По-моему, они просто притворяются сильными, просто хотят такими казаться, а на самом деле они очень слабы. Такие женщины никогда, никому и ни за какие деньги не признаются в том, что они одиноки. Они называют себя свободными, молча страдая от одиночества, никому не показывая свою слабость.

— Возможно, ты и права, но это не про тебя.

— Почему?

— Потому что ты не стараешься казаться сильной. Ты действительно сильная.

Я пристально наблюдала за тем, как мой спутник собирался на встречу с гидом, и мысленно молила Бога о том, чтобы Анатолий не оставлял меня одну, передумал и взял меня с собой. Но Бог меня не услышал.

За завтраком Анатолий на скорую руку выпил чашечку кофе и уехал по каким-то своим мужским делам. Оставшись за обеденным столом одна, я посмотрела на улыбающуюся мне Лену, которая убирала посуду, и дружелюбно спросила:

— Лена, а сегодня море теплое?

— Теплое. Катя утром уже искупалась. Сегодня вообще погода теплая. Можно даже сказать, удивительно теплая.

— Жалко, что мой муж по делам уехал. Кстати, а вы не знаете, какие тут могут быть чисто мужские дела?

— Нет, — немного растерялась Лена. — Ваш муж уехал с Махмедом, вашим гидом.

— А куда? — принялась я пытаться девушку.

— В город.

— А зачем?

— Этого я не могу знать. Это вам виднее.

— Наверно, вы правы. Только он не хочет со мной делиться.

Девушка подлила мне кофе и села рядом.

— Знаете, Маша, мне кажется, что если мужчина что-то не хочет вам говорить, то лучше оставить его в покое.

— Почему?

— Не знаю. Мужчины не любят, когда женщины лезут в их мужские дела. Они говорят нам только то, что считают достаточным для женщины. Моя мама учила меня никогда не противоречить мужчине.

— Ваша мать учила вас жить в угоду мужчине?

— Что-то типа того, — опустила глаза девушка.

— А вы замужем?

— Нет. Разведена. Не сложилось.

— Понимаю. Сейчас у многих не складывается. И все же какие у моего мужа могут быть дела в другой стране? Ума не приложу. Нам, женщинам, всегда хочется проводить с нашими мужчинами как можно больше времени, хотя бы на отдыхе.

— Маша, вы лучше скажите, как ваше здоровье? — Лена постаралась перевести наш разговор на другую тему.

— Нормально.

Всем своим видом я показала то, что не хочу об этом говорить, и тут же посмотрела в окно.

— Вы в прошлый раз нас всех так напугали, — проигнорировала девушка мой намек.

— Эта ваша вилла меня так напугала... Так напугала... Кстати, вы уверены, что у вас здесь всегда все тихо, все спокойно?

— Уверена. На вилле никогда не было никаких происшествий.

— Странно. Очень даже странно.

— Полгода назад тут отдыхал один видный политик со своей семьей. Сами понимаете, что тут могут позволить себе отдохнуть только очень хорошо обеспеченные люди. Поэтому ни о каких происшествиях тут не может быть и речи. Маша, если вы хотите, мы сейчас можем пойти к бассейну и позаниматься водной гимнастикой.

— Водной гимнастикой?

— Если не хотите, то мы можем на траве поучить с вами восточные танцы. Я дам вам национальный костюм.

— Пожалуй, было бы лучше, если бы мы с вами поплавали немного в море. Лена, вы можете составить мне компанию?

— Конечно. Я сейчас помогу Кате убрать посуду. Встретимся через двадцать минут на пляже.

— Договорились.

Я не стала ждать, пока истекут положенные двадцать минут, и, быстро переодевшись в купальник, пошла на пляж раньше Лены. Сегодня погода и в самом деле была просто чудесная. Приятный ветерок обдувал мои плечи и игриво щекотал мне спину. Бросив у берега полотенце, я посмотрела на спасателя, который возился с катером и не обращал на меня внимания.

Не долго думая, я уперла руки в бока и направилась к нему неуверенным шагом. Спасатель поднял голову, улыбнулся и... посмотрел мне в глаза. Я вздрогнула и до боли сжала кулаки. Это были те же глаза, что я видела тогда ночью, и теперь в этих глазах была жизнь. Спасатель встал, протянул мне руку, вежливо поздоровался и на хорошем английском и предложил мне прогулку на катере на коралловые острова. Я наотрез отказалась и попросила его расстегнуть рубашку для того, чтобы посмотреть на его грудь. Естественно, моя просьба очень сильно удивила араба, но он все же принялся расстегивать свою рубашку, подозрительно поглядывая в мою сторону. Когда он показал мне свою впалую грудь и я увидела, что на ней нет ничего, даже отдаленно напоминающего рану, я чуть было не разревелась и спросила араба, нет ли у него брата-близнеца или какого-нибудь двойника. Араб покачал головой и с плохо скрытой издевкой сказал мне, что во всем Египте будет довольно трудно найти человека, похожего на него. Слишком уж необычные у него глаза и строение черепа. Он признался, что в детстве ему из-за этого приходилось нелегко, сверстники все время дразнили его, называли уродом. Сейчас, конечно, травить его перестали, но у него до сих пор нет девушки, потому что девушки

его очень боятся и бегут от него, как от чумы.

По мере того как араб делился со мной своими горестями, я чувствовала, как у меня внутри все закипает, и... вспоминала ту ночь. Затем я схватила араба за его дохлые плечи и заорала по-русски:

— Послушай, дрянь черножопая, но ведь я видела тебя той ночью! Я тебя видела! Я видела тебя мертвым! Ты тоже считаешь, что я дура, что у меня какие-то ненормальные видения! Вы все считаете меня сумасшедшей и надо мной смеетесь! Но я не сумасшедшая, я видела тебя мертвым! Я это видела! Дрянь черножопая, объясни мне, что это было! Объясни мне!!!

Перепуганный араб вырвался и стал медленно пятиться назад, объясняя мне что-то на своем языке.

— Массальяма, — махал он руками и еще быстрее пятился назад.

Я выучила несколько арабских слов и знала, что «массальяма» это по-нашему «до свидания». Значит, араб со мной прощался. Он говорил, что ему пора уходить.

Чем быстрее араб пятился к своему домику, тем быстрее я шла на него и чувствовала, как меня просто распирает от злости.

— Я тебе сейчас такую массальяму покажу, что ты надолго запомнишь! Ни хрена никакой массальямы не будет, пока ты мне не объяснишь, что было той ночью!!! Почему ты сначала умираешь, а затем оживаешь?! Ты что, из меня дуру лепишь?! Не позволю!!!

В тот момент, когда я схватила араба за грудки и прижала к стене его дома, ко мне подбежала Лена и встала на защиту вусмерть перепуганного спасателя.

— Маша, что вы делаете?! Прекратите немедленно! Он же заявит на вас в полицию!

— Ну и пусть! Я сама на него заявлю! Я этого черножопого выведу на чистую воду! Он у меня все вспомнит, и ту ночь тоже!!!

Поняв, что взывать к моему рассудку бесполезно, Лена схватила меня за плечи и все же смогла оттащить от спасателя. Перепуганный араб забежал в свой дом и закрыл дверь с обратной стороны на замок. Ударив несколько раз по двери дома ногой, я развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла в направлении берега.

— Ничего! Я еще до него доберусь, — говорила я сама себе, не обращая внимания на идущую следом за мной Лену. — Я заставлю его говорить. Я не позволю из меня дуру лепить. Не позволю!!!

— Маша, вы не правы. Так нельзя. Сайд не сделал вам ничего плохого.

— Ах, его зовут Сайд. Теперь буду знать. Хорошо, что проинформировала. Теперь я знаю, как зовут этого гада.

— Сайд хороший человек.

— Конечно, Сайд хороший человек, а Маша дура!

Дойдя до берега, я села на свое полотенце и поджала под себя ноги. Как только Лена села рядом, я смахнула выступившие слезы и принялась смотреть на удивительно спокойное море.

— Маша, вы в чужой стране, а такое вытворяете, — осторожно начала Лена, которая была сама напугана ничуть не меньше, чем этот Сайд.

— Мне плевать.

— У вас могут быть неприятности с полицией.

— Мне плевать.

— Я просто обязана рассказать об этом вашему мужу. Он должен с вами поговорить, чтобы больше такого не случилось.

— Рассказывай.

— Но, Маша, так нельзя. Поймите, вы же набросились на ни в чем не повинного человека.

— Я никогда не набрасываюсь на ни в чем не повинных людей. Он прекрасно знает, за что я на него набросилась.

— Уверяю вас, к той ночи Сайд не имеет отношения. Я пойду с ним поговорю. Сейчас, прямо из своего дома, он может с мобильного позвонить в полицию. Тогда у вас будут проблемы. Я попытаюсь все уладить.

— Мне все равно.

Девушка укоризненно покачала головой и отправилась в домик спасателя. Я легла на полотенце и принялась смотреть на чужое египетское небо. Мне стало дурно от того, что происходило со мной в последнее время, и от того, что вся свистопляска завертелась на фоне только что начавшейся любви.

В этом доме все думают, что я сумасшедшая... Мне никто не верит... Никто... И возможно, они правильно делают. Потому что, если бы подобное произошло с кем-то другим, я бы тоже ни за что не поверила. В такое просто невозможно поверить. Невозможно... А в принципе, мне нет дела до остальных обитателей этого дома. Мне есть дело только до Анатолия. Мои страхи и выходки могут окончательно вывести его из себя. Он подумает, что душевнобольная женщина ему ни к чему, и только что зародившаяся любовь тут же умрет. И почему этого проклятого ковбоя вижу только я одна? Почему его не видит никто другой? Почему???

Мне и самой хотелось верить, что все это неправда, но я не могла. А не могла я потому, что видела все это своими собственными глазами. Я очень хорошо это видела.

Лена вышла из домика спасателя и села рядом со мной.

— Ну что? Он там не умер от страха?

— Нет. Я уговорила его не звонить в полицию, а дожидаться вашего мужа.

— Моего мужа? Зачем?

— Затем, что Сайд получил моральный ущерб, а если бы я не подросла вовремя, то получил бы и физический. Я сказала, что ваш муж компенсирует ему этот ущерб деньгами. Считайте, что вам повезло. Сайд согласился. — Девушка отчеканила каждое слово, словно она не говорила, а давала телеграмму.

— Можно подумать, он мог не согласиться.

— Он мог пойти на принцип.

— Не думаю. В этой стране, как и в любой другой, все решают деньги.

— Не всегда. Бывают случаи, когда люди идут на принцип, и тогда даже деньги уже ничего не решают.

— Ерунда. Когда в ход идут деньги, просто не может быть никаких принципов, — сказав последнее слово, я посмотрела девушке прямо в глаза и еле слышно спросила: — Лена, скажи, я сумасшедшая?

— Врач сказал, что у вас какие-то осложнения после стресса.

— После какого стресса?

— Видимо, вы испытали какой-то стресс и при этом долго жили в постоянном нервном напряжении. А теперь вы приехали отдыхать, расслабились, и вот результат. Видимо, ваш организм перестроился, и у вас начались видения.

— Значит, вы думаете, что у меня видения?

— Такой диагноз поставил врач.

— Диагноз, говорите... что ж, может, и в самом деле у меня съехала крыша? Все-таки двенадцать лет нервного напряжения. Организм истощен до предела. Может, я и впрямь «поехала» головой? Раньше ведь у меня ничего подобного не было...

Лена молчала. Видимо, она не знала, что нужно сказать, чтобы меня успокоить.

— Ладно, Лена, давай не будем о плохом. Давай лучше поплаваем. Кстати, а этот Сайд будет теперь пожизненно сидеть в своей будке?

— Я попросила его не выходить из своего дома, пока вы на море, чтобы вас лишний раз не раздражать.

— Вот это ты правильно сделала! Вот это верно! Если бы ты еще ковбою сказала, чтобы он тоже по ночам не шастал и меня не раздражал, тогда было бы просто все о'кей.

— Я не знаю никакого ковбоя, — грустно сказала девушка и скинула с себя полотенце.

Надев маски, мы вошли в море и купались около получаса. Когда мы вышли из воды, держа в руках несколько великолепных кораллов, мы увидели стоящую на берегу Катю, которая, по всей вероятности, ждала нашего возвращения. Катя выглядела по меньшей мере очень даже странно и волновалась так сильно, будто за те полчаса, что нас не было на берегу, здесь произошло настоящее землетрясение. Бросая в мою сторону перепуганные взгляды, она тяжело дышала и смотрела на меня так, словно не верила, что перед ней именно я, а не кто-то другой.

— Маша, я даже не знаю, как вам это сказать... — начала она запинаясь.

— Говори как есть.

— Дело в том... — Девушка вновь остановилась, так и не решившись мне сообщить какую-то страшную весть.

— Ну в чем дело? — начала терять терпение я. — Ты его видела? Ты тоже его видела?

— Кого? — не поняла меня девушка.

— Ковбоя!

— Какого ковбоя?

— Того самого, которого видела я.

— Нет. Я его не видела.

— Тогда ясно. — Я сразу потеряла интерес к Катиным новостям.

— Я о другом. Там женщина приехала.

— Какая женщина?

— Из России.

— Какая еще женщина из России?

— Она сказала, что она любимая женщина Анатолия, почти как жена...

— Что?!

— Я ей объясняю, что Анатолий приехал отдыхать вместе с женой, а она говорит, что это бред, что она и есть его жена и что, может, если он кого и взял про запас, но это совершенно не имеет значения.

— А как зовут эту женщину? — Мне показалось, что еще немного — и я в очередной раз хлопнусь в обморок.

— Ее зовут Кира.

— Кира?!

— Она представилась Кирой.

— О Бог мой! — Я почувствовала, как у меня затряслись руки, и посмотрела на Катю бессмысленным взглядом. — А когда она приехала?

— Только что. Мы не могли не пустить ее в дом. Она очень настаивала. Арендатор этой виллы ваш муж, поэтому только ему решать, сколько человек будут здесь жить этот месяц.

— Вы ее пустили?

— Мы не могли не пустить эту самозванку. Она была слишком настойчива. Давайтеждемся вашего мужа. Пусть он сам с ней переговорит и решит, что с ней делать. Я позволила ей подождать его в гостиной. Мне не хотелось вас расстраивать. Быть может, вы сами переговорите с этой самозванкой?

— Она не самозванка. — Я ощутила, что на моих глазах появились слезы, и не смогла их сдержать. Хотя я прекрасно понимала, что в этой ситуации никто не должен видеть моих слез, а я просто не имею права их показать. — Она не самозванка, — повторила я и улыбнулась сквозь выступившие слезы.

— А кто она? — недоуменно посмотрели на меня девушки.

— Она любимая женщина Анатолия. Женщина, на которой он мечтает жениться.

— А вы тогда кто?

— А я... А я никто. Я конь в пальто, — истерично засмеялась я и тихонько всхлипнула.

— А мы думали, это ваш муж...

— Индюк тоже думал, да в суп попал. Можно подумать, на вашу виллу только жены с мужьями приезжают. Можно подумать, вы и знать не знаете, чистые вы мои, что у мужика по две, а то и по три женщины бывает. Одна для семьи, а другая для секса и души. Сейчас же это сплошь и рядом. Сейчас, наоборот, отношения, где только двое, еще поискать надо. Нет их, этих отношений! А если и есть, то их в Красную книгу заносить надо, потому что на нашей земле их остались единицы и они вымирают словно мамонты. Произошло истребление нормальных отношений, где есть двое. Настоящее истребление. Причем природа сама их истребляет.

— Маша, да на нашу виллу редко жены с мужьями приезжают, — как всегда осторожно, начала Лена. — Обычно все мужики с любовницами едут. Жен редко кто возит. Мужики их отдельно, вместе с детьми, на отдых отправляют. Мы подумали, что вы муж и жена только потому, что вы решили спать в разных комнатах. Обычно так только люди, уставшие от супружества, делают, чтобы хоть таким образом отдохнуть друг от друга. Для нас все это не в диковинку. Даже на праздники все с любовницами приезжают. Вроде бы мужик должен праздники с семьей встречать, так нет, он на отдых любовницу прет. Даже на Новый год с любовницей приезжают. Непонятно, что только семье говорят.

— А что тут непонятного, — поддержала разговор Катя. — Пока любовница в бассейне плавает, он берет свой мобильник и жене звонит. С Новым годом поздравляет. Детей к телефону просит и вешает им всем лапшу на уши, мол, будь он неладен, этот бизнес, даже на Новый год пришлось уехать в срочную командировку, но я сделаю все возможное, чтобы вернуться, как можно быстрее и посидеть в кругу своей любимой семьи. Он спрашивает, что привести своей любимой жене в подарок, чем порадовать дорогих детей. К нам такие каждый месяц на виллу приезжают, и не важно, какой национальности пара, русская, немецкая или норвежская. Суть одна. Все не семьями едут, а со своими любимыми женщинами, так они их называют.

— Мне все это очень хорошо знакомо, — задумчиво сказала я и устало посмотрела на девушек. — Я через все это прошла. Я Анатолию не жена и не любовница. Я и сама не знаю, кто я такая. Похоже, что я ему никто. Просто случайная знакомая.

— Ну что вы, — постаралась успокоить меня Лена. — Случайных знакомых на такие виллы не возят.

— Возят, — категорично ответила я. — Говорят, что в этой жизни ничего не бывает случайно. Вранье это все. В этой жизни люди случайно встречаются, случайно влюбляются, случайно женятся или случайно расстаются.

— Но ведь поехал-то он с вами, а не с ней.

- В том-то и дело, что он должен был поехать именно с ней, а со мной он поехал случайно.
- Вы не расстраивайтесь.
- У меня уже нет сил, чтобы расстраиваться. Никаких сил...
- Вы держитесь.
- А я и не падаю.
- Мы уверены, что все будет хорошо.
- Насчет «будет» не знаю, но, что было хорошо, я согласна.
- А мы уверены, что все будет хорошо, — сочувственно убеждали меня девушки.
- Где она?
- Кто?
- Любимая женщина Анатолия.
- Она в гостинной.
- Замечательно. Принесите нам кофе. Шокированные моей откровенностью, девушки пошли в дом, а я подошла к бассейну и сунула в него голову. Чувствовала я себя так, что впору утопиться, благо возможность имелась шикарная, но как раз топиться-то мне сейчас было никак нельзя. Утопиться — это значит потерпеть поражение. А я просто устала проигрывать. Бог мой, вы бы только знали, как я устала проигрывать...

Значит, и в самом деле я какая-то особенная, ну просто очень особенная. У нормальных людей все, как у нормальных людей, а у меня все, как у черт-те кого. Ну не везет мне на мужиков, хоть убей, не везет. Все так красиво и многообещающе начинается... С таким грандиозным размахом, с такой широтой русской души — и как все мерзко заканчивается. А я-то дура уже губу раскатала. Подумала, что встретила холостого, красивого, богатого, что его мне судьба подарила за все мои мытарства, что теперь у меня в жизни все сложится хорошо, что мы будем жить душа в душу, что я буду делать все возможное для того, чтобы этот союз приносил только хорошее и только самое чистое. Думала, ребенка рожу, ведь возраст уже поджимает и свое берет. Я думала, что мы обязательно будем счастливы — на долгие, долгие годы. Видно, никогда мне не прожить долгую и счастливую жизнь с мужчиной. Видно, Господь никогда не даст мне счастья в браке, потому что брак не предназначен для таких идиоток, как я.

Когда я подошла к дому, мне показалось, что мои ноги приклеились к полу. Во мне пробудилась ненависть к женщине, с которой мне сейчас предстояло встретиться. Ненависть к тому, что у нее есть муж, ребенок и ей этого мало. Ненависть к тому, что у меня этого нет, а она последнее отбирает. Ненависть к тому, что она не приехала раньше, что она приехала тогда, когда у меня уже проснулись чувства, когда мы что-то начали строить, и она приехала, чтобы все это разрушить...

Конечно, можно с ней не встречаться. Можно уехать в аэропорт, взять билет и просто бежать, потому что я помню глаза Анатолия в баре, я помню, как он страдал и как он напился. Это были глаза человека, который любит. Это были глаза именно такого человека. У наших с ним чувств еще слишком короткий срок. Слишком короткий. Мне не взять верх, потому что все

слишком зыбко, потому что все только началось. Можно бежать, а можно остаться для того, чтобы бороться, даже тогда, когда у тебя практически нет шансов.

И все же я не притворяюсь сильной. Я такая есть, и у меня обязательно хватит сил для того, чтобы доиграть эту сцену до победного конца. Главное, чтобы встретиться с этой Кирой и не провалиться сквозь землю. Я должна смотреть ей прямо в глаза и ни в коем случае не отводить эти самые глаза в сторону. И я должна это сделать, даже если это будет выше моих сил. Я должна это выдержать, потому что она приехала в самый неподходящий момент. Она приехала в тот момент, когда один человек только начал узнавать другого. А для того, чтобы узнать другого, нужно время, а она нам его не дает. Ведь меня и Анатолия тоже кое-что связывает. Нас многое объединяет, в том числе даже общий подход к жизни. И мы могли бы узнать друг друга получше, становясь друг другу все ближе и ближе. Я почувствовала, что слезы мешают смотреть мне вперед и из последних сил взяла себя в руки. Быть может, Анатолий и есть тот человек, который сумел бы меня понять и принять без всяких оговорок.

В конце концов он нашел меня, а я нашла его, и как только я его нашла, где-то там, позади, остались моя боль, моя злоба и мое разочарование... Ведь с тех пор как я узнала Анатолия, многое изменилось. Я уже и не мечтала о встрече с мужчиной, который мог изменить всю мою жизнь, но после визита к психологу я поняла, что это возможно. Я вышла на улицу и поняла, что мир полон мужчин вообще, и холостых мужчин в частности.

Зайдя в дом, я бросила полотенце на пол, поправила купальник и походкой от бедра прошла в гостиную. Театрально закинув ногу за ногу, я посмотрела на сидевшую в гостиной женщину и со всей возможной приветливостью произнесла:

— Здравствуйте, Кира.

ГЛАВА 8

Женщина подняла голову и посмотрела на меня любопытным взглядом. Она была хороша собой, а в ее глазах не была даже и тени растерянности.

— Здравствуйте, — совершенно спокойно ответила женщина и натянуто улыбнулась. — Простите, с кем имею честь?

— Я Маша.

— Очень приятно, Маша, но кто вы такая?

Я почувствовала, что мое сердце забилось в бешеном ритме, и поняла, что если уж я сказала «а», то надо говорить и «б».

— Простите, я не сказала вам сразу. Я Маша, любимая женщина Анатолия.

— Что?! — Кира встала со своего места и недоуменно вскинула брови. — Что вы сказали?

— Я сказала, что я любимая женщина Анатолия. Я приехала сюда для того, чтобы побыть с любимым человеком наедине и подумать о нашем будущем. Простите, а зачем приехали сюда вы?

— Я???

— Вы.

— Так вот значит что. — Заметно побледневшая Кира ухмыльнулась и села на свое место. — Теперь я понимаю, почему девушки, которые впустили меня в дом, сказали мне, что Анатолий приехал сюда с женой. По всей вероятности, они имели в виду вас.

— Вас правильно информировали. И все же вы не ответили на мой вопрос: зачем сюда приехали вы?

— — Затем, что я люблю Анатолия, а Анатолий любит меня.

Ответ женщины прозвучал словно пощечина.

— Мы перед поездкой немного поскандалили, но с кем не бывает. Мы вместе уже целых три года, и этот скандал у нас далеко не первый. Сами знаете, что милые бранятся — только тешатся. Я приехала сюда для того, чтобы восстановить наши отношения. Мы с Анатолием были на фирме и выбирали эту виллу вместе. Смотрели видеоролик, мечтали, как будем здесь счастливы. Просто вышло недоразумение. Совсем небольшое. Я приехала все исправить. Все эти годы Анатолий финансово мне помогал, поэтому у меня есть деньги. Я приехала на фирму, хорошо заплатила, и меня тут же повезли в аэропорт и посадили в самолет. Вот я и улетела.

— А разве представители фирмы не сказали вам, что билет на ваше имя буквально за считанные часы был переделан на другого человека?

— Сказали, — ответила женщина, изо всех сил пытаясь справиться с переполнявшим ее волнением.

— И что?

— Ничего.

— Как ничего?! — Я беспомощно уронила руки вдоль тела и почувствовала, что начинаю терять терпение.

— А что я, по-вашему, должна была делать? Не лететь?! Я живу с Анатолием ровно три года и знаю, что он меня очень сильно любит и что, кроме меня, у него никого нет.

— А я?

— А вы, по всей вероятности, его случайное увлечение. Я полагаю вам известно, что Анатолий любит меня. И не думайте, что меня мог остановить билет, переправленный на другое имя. Я прекрасно понимаю, что он сделал это мне назло. Он просто хотел таким способом задуть свою боль. Поймите меня, я люблю Анатолия и меня уже ничто не может остановить.

В глубине души я прекрасно понимала, что я терплю поражение, но никак не могла с этим смириться. Мне хотелось подойти к этой женщине, выдержке которой можно было только позавидовать, вцепиться в ее холодное лицо и расцарапать его до крови. Окончательно отчаявшись, я предприняла последнюю попытку, хотя не была уверена в ее результате.

— Простите, а ваш супруг знает, куда и зачем вы полетели?

— Мой супруг?!

— Да, ваш супруг. Вы дали ему знать? Женщина ухмыльнулась и нервно застучала пальцами по

крышке стола.

— Пусть вас это не тревожит. Мой супруг знает многое, в том числе и то, что ему лучше было бы не знать. Он во всем со мной соглашается. Тем более что скоро я стану женой Анатолия. Я смотрю, вы многое про меня знаете.

— Конечно, потому что Анатолий со мной честен и он рассказал мне все. У нас нет друг от друга секретов, — не моргнув глазом соврала я, держась за любую сказанную фразу как утопающий за соломинку.

— У вас нет друг от друга секретов?!

— Нет.

— Видимо, он разоткровенничался с вами на пьяную голову. Он всегда топит свою боль в вине. Я говорю вам, что я приехала сюда потому, что я люблю Анатолия и я уверена, что он ждал моего приезда. Он его очень ждал, потому что он любит меня. В глубине души он верил, что я одумаюсь, сделаю свой выбор в его пользу и обязательно приеду.

— Тогда зачем же он взял меня?

— С вашей помощью он хотел хоть немного забыться, и я уверена, что вы помогли ему это сделать...

— Но ведь я живой человек.

— Я вас понимаю, и вы поймите меня тоже. Просто в наших отношениях что-то разладилось, но это не означает, что мы разлюбили друг друга.

— Так почему же вы не поехали с ним раньше? Почему дотянули до последнего?! Почему?! Почему вы позволили ему уехать с другой женщиной? Почему вы довели все до того, что здесь появилась я?!

Я чувствовала себя так, словно меня окатили ледяной водой. Я съежилась, метнула на женщину испепеляющий взгляд и поняла, что еще одно слово — и я удавлю ее голыми руками. Она не боится смотреть мне в глаза и готова одним махом разрушить то, что я только начала строить. Видимо, Кира внутренне почувствовала мой настрой и постаралась немного сгладить ситуацию.

— Маша, да вы не переживайте особо. Я ничего не имею против вас. Вы можете жить на этой вилле положенный месяц. Отдыхать, загорать, купаться, ездить в город. Вас же никто не выгоняет и не заставляет ехать обратно в Россию. Вилла большая, тут места всем хватит.

— А вы считаете, что вы имеете право это решать?!

— А почему бы и нет. Я думаю, что Анатолий будет тоже не против, если вы останетесь. Я в этом просто уверена. Что ж поделаешь, если все так сложилось.

— А мне кажется, что вы не имеете даже морального права решать этот вопрос самостоятельно, — немного успокоившись, отчеканила я каждое слово. — Мы с Анатолием приехали сюда не как друзья и не как два человека, собравшихся провести время на одном курорте. Мы приехали сюда вместе, потому что мы друг другу не чужие. И вы зря думаете, что сейчас Анатолий будет прыгать от радости и бросится в ваши объятия. Я уверена, что он

разозлится, потому что вы нарушили наш отдых и помешали нашему тихому счастью. — Чем больше я говорила, тем больше и больше закипала, словно чайник, и чувствовала, как сильно меня бросает в жар. — Анатолий скажет вам, что вас здесь не ждали, что отныне между вами нет ничего общего. А я не знаю, смогу ли я позволить вам остаться на этой вилле целый месяц, чтобы вы смогли купаться, загорать и ездить в город. Этого я вам обещать не могу. Я не люблю, когда кто-то просто по-хамски, без разрешения врывается в мою жизнь и пытается нарушить ее тихий, размеренный ритм. Мы наслаждались отдыхом, засыпали в объятиях друг друга, а вы приехали сюда, чтобы превратить наш сказочный отдых в ночной кошмар. Вы помешали нашей страсти, нашей родившейся любви и нашему необузданному сексу. Поэтому я не хочу, чтобы Анатолий разрешил вам остаться на вилле. Я буду категорически против. Нечего вам здесь делать. Дома вас ждут муж и ребенок. Лучше поезжайте домой, дождитесь лета и выезжайте со своей семьей на вашу «фазенду» в шесть соток. Будете в огороде ковыряться и банки на зиму закручивать.

Переведя взгляд на легкую шубку, которая лежала рядом с женщиной, я облегченно вздохнула и издевательски улыбнулась.

— Хорошо, что вы еще не успели толком переодеться и разложить свои вещи — пришлось бы потом все заново собирать. Кстати, улететь отсюда вы можете таким же манером, как прилетели. Вы же сказали мне, что все эти годы Анатолий поддерживал вас материально. Значит, у вас должны быть какие-то деньги.

— Да как... Да вы... — опешила Кира от моей наглости. — Да как вы смеет говорить со мной в таком тоне?!

— Смею. Еще как смею! Анатолий обещал бросить к моим ногам весь мир. Он это обещал, и он обязательно выполнит свое обещание!

— Вы ... если Толя и готов бросить весь мир к ногам, то только к моим. Поверьте мне, только с этим условием его жизнь имеет смысл.

Не долго раздумывая, я выскочила из гостиной, но, выглянув во двор, резко остановилась. У дома стояла машина нашего гида. Значит, Анатолий и Махмед только что вернулись. Поняв, что я должна опередить Киру и встретиться с Анатолием первая, я бросилась в коридор, но, услышав мужские голоса уже в коридоре, тут же притормозила.

— Спасибо, Махмед. А я и не думал, что мы сможем с тобой так нормально обо всем договориться. Мне казалось, что в Египте на каждом углу продается только одна наркота, но, чтобы тут продавалось оружие... Да, век живи, век учишься.

— Если оно еще тебе понадобится, всегда обращай ко мне. У меня надежные каналы, — слышался голос Махмеда. — Ну, скажи, тебе понравился ствол, который ты приобрел?

— Ствол-то хороший, только цена кусается. У нас в России эта штука стоила бы намного дешевле.

— Возможно, только ты бы никогда не провез эту штуку сюда из России.

— Не скажи. Просто у меня абсолютно не было времени этим заняться. Некоторые летчики перевозят оружие, за приличные деньги конечно. Но их надо знать, за такое не всякий возьмется. Сам понимаешь, кому охота лет десять видеть небо в клеточку. А искать тех, кто занимается такими делами, у меня просто не было времени. Но ты не подумай, мне не жалко денег. Я прекрасно понимаю, что я купил этот ствол не на московском черном рынке, а в

арабской стране.

Поняв, о чем идет речь и что этот разговор не для посторонних ушей, я спряталась за дверь и принялась ждать, пока он закончится.

Они говорят про оружие, стучало у меня в висках. Я не могу ошибиться. Они и в самом деле говорят про оружие. Но зачем Анатолию оружие? Какая такая в нем нужда здесь, в Египте? Какой с него прок? Тем более если Толя его купил, то он вряд ли перевезет его в Россию. Это невозможно. Я думаю, что у нас в России его можно купить намного легче, чем здесь. Значит, он не собирается его перевозить. Значит, оно понадобилось ему здесь. Но зачем? Для каких целей? Быть может, он хочет защитить меня от ковбоя? Возможно, Толя не сказал мне всей правды и встретился с ним сам? А иначе что ему вдруг приспичило обзавестись «стволом»? Быть может, он понимает, что это были не видения после стресса, что это была реальность, а потому он обязан меня защитить.

— Ой да, совсем забыл тебе сказать, мне сегодня звонили из Москвы, — услышался голос Махмеда. — Сюда вылетела какая-то женщина.

— Какая женщина?

— Понятия не имею. Я предложил ее встретить, но она отказалась. Я так закрутился с этим оружием, что совсем про нее забыл. Она вылетела как-то экстренно, никого не предупредив. На фирме ей дали адрес этого дома. Она сказала, что возьмет в аэропорту такси и доедет сама.

— Куда? — не понял Махмеда Анатолий.

— На эту виллу.

— Сюда?

— Да.

— А как она сюда может приехать, если эту виллу арендовал я? Мне подселение на фиг не нужно. Такого в договоре нет. Я заплатил за то, что я здесь один и вилла только в моем распоряжении.

— Но эта женщина должна была лететь вместе с тобой. Она не смогла, и ты поменял билеты. Мне так сказали на фирме. Еще сказали, что она неважно себя чувствует и очень сильно нервничает.

— Что?

— Иначе бы ее никто сюда не отправил. Все сверили и подтвердили. По бумагам она должна была лететь вместе с тобой. Она передумала и вылетела, чтобы поселиться вместе с тобой на этой вилле.

— Кира сюда вылетела?!

— Правильно, ее зовут Кира.

— Но...

— Я и сам не понял, почему они ее сюда отправили. У вас там люди какие-то непонятливые, хоть бы подумали о том, как ты с двумя бабами-то будешь. У нас многоженства-то уже нет. Оно

только в диких деревнях осталось.

— Так она уже здесь?

— Не знаю. Быть может, две твои бабы уже друг другу волосы повыдирали.

— Ладно, Махмуд, до завтра.

— До завтра. Смотри, «ствол» спрячь надежно и про нашу с тобой сделку никому не говори.

— Обижаешь.

— Это я на всякий случай сказал.

Толя прошел мимо двери, держа в руках темный пакет, а я так и не смогла из-за нее выйти, а может, просто не успела. Я стояла как вкопанная и боялась пошевелиться. Я понимала, что я не могу идти следом за ним и смотреть на их трогательную встречу.

На глаза вновь накатались слезы, и эти глаза больше не смотрели в прошлое. Теперь они смотрели в будущее. Во мне тут же погасла былая чувственность, душа стала как-то беззвучна. Я больше не хотела думать о счастье, потому что просто перестала верить в его существование. Мечты не сбылись, и если я еще сильна духом, то я должна суметь их забыть. А я должна быть сильной, потому, что... Потому что я опять осталась одна. Я должна забыть и вычеркнуть из памяти то, что в мое одинокое сердце опять постучались любовь и нежность, и то, что я вновь потерпела поражение. Я проиграла в этой страшной игре под названием «жизнь», где играют настоящими человеческими судьбами. Со мной опять остались холод и молчание, а в моей душе образовалась черная яма. И я опять ничего не могу изменить в своей судьбе. Совсем ничего. И я вновь начинаю терять веру в себя.

Сжав кулаки, я вышла из-за двери, подошла к лестнице и поднялась в свою спальню. Закрыв глаза, я упала на кровать и попыталась сказать себе, что нужно немного подождать. Боль пройдет. Боль обязательно пройдет. Она не может быть вечной. Боль пройдет, и тогда будет легче. В конце концов я здорова. У меня есть руки, ноги и голова. У меня нет увечий и уродств. У меня нет никаких ран, разве что только душевные. Но душевных никто не видит, потому что я не позволю никому заглянуть в мою душу, а если кто в нее и заглянет, то ничего не увидит, потому что я умею все это маскировать. То, что есть в моей душе, это только мое, и я не собираюсь ни с кем делиться. У меня есть красота, я охотно показываю ее другим людям и щедро делюсь своим светом, который она излучает. Сейчас мне больно, но я уверена, что это обязательно забудется. Потому что со временем забывается любая боль, и даже если она не забывается, то она притупляется и все равно становится легче. Жизнь сильнее этой боли. Она намного сильнее, а СИЛЬНЫЕ НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЮТСЯ НАЗАД, ПОТОМУ ЧТО ОНИ ИДУТ ТОЛЬКО ВПЕРЕД... СИЛЬНЫЕ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ЗНАЧИТ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ НАЗАД, ОНИ БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ ГЛЯДЯТ ТОЛЬКО ВДАЛЬ И ВИДЯТ НАМЕЧЕННЫЕ ЦЕЛИ... ТОЛЬКО СИЛЬНЫЕ БЕЗ КОЛЕБАНИЙ ИДУТ ВПЕРЕД И ДОСТИГАЮТ ТОГО, ЧТО ИМ НУЖНО.

Для того чтобы облегчить раздирающую меня боль, я заплакала, и в этих рыданиях вырвалось все мое отчаяние, все мои горестные мысли о том, что годы идут, а счастья все нет и нет, что нет того, кто назвал бы меня своей женой, в ком была бы вся моя жизнь, с кем бы я могла просыпаться и глядеть в его лицо, пока он спит, ждать, когда он проснется, и обвивать его шею руками. Нет того, перед кем бы у меня не было никакого стыда, потому что я была бы женой, а какой стыд может быть между теми, кто по-настоящему близок. Нет того, с кем бы я была по-настоящему любезна, мила, заботлива и добра. Нет того, кому я бы могла положить голову на

грудь и почувствовать себя кошечкой, которую чешут за ухом. Нет того, в чьих глазах читалось бы желание близости и кому я бы не могла противостоять и мечтала бы о бурной ночи.

Годы идут, а его все нет. Его нигде нет, и так жаль тех лет, которые я провожу без него, теряя эти годы на бесконечные поиски. А ведь я еще молода, хороша собой и могла быть чьими-то помыслами, чьими-то желаниями и чьими-то мечтами.

Когда у меня уже иссякли слезы, я встала с кровати и еще раз подумала о том, что СИЛЬНЫЕ НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЮТСЯ НАЗАД и им ни к чему это делать. Затем подошла к зеркалу, поправила волосы, посмотрела на свое зареванное лицо и поняла, что я должна взять себя в руки и немедленно прекратить оплакивать свою жизнь. Потому что я сильная. Одному Господу Богу известно, какая я сильная. Любая женщина — существо сильное, несмотря на все ее слабости. И я никогда не дам себя в обиду, смогу за себя постоять и уж тем более не рассыплюсь. И этому научила меня моя жизнь. И я умею, если надо, ставить людей на место.

Улыбнувшись своему зареванному отражению, я подумала о том, что больше не хочу видеть жизнь в черном свете и катиться в бездонную пропасть своих эмоций. Мой внутренний голос сказал мне, что вся эта история отнюдь не пропасть. Нужно просто стиснуть зубы и продолжить жить дальше.

Бросившись к шкафу, я принялась беспорядочно кидать свои вещи в чемодан и собираться в дорогу. За этим занятием меня застал Анатолий.

ГЛАВА 9

— Ты куда собралась?

Я бросила застегивать чемодан и посмотрела вошедшему Анатолию прямо в глаза.

— Домой, — совершенно спокойно ответила я, подавляя в себе желание упасть на пол и забиться в истерике. — Позаботься о том, чтобы меня посадили в самолет. В конце концов ты привез меня на эту виллу, ты и помоги мне отсюда выбраться.

— Ты решила уехать?

— Понятное дело, что не остаться. В отличие от твоей Киры у меня есть гордость и чувство собственного достоинства.

— А ты оставайся с той, которую любишь.

— Как-то не по-людски все получилось.

— Все нормально. Я к этому уже привыкла. То, что произошло, меня не слишком удивило. По большому счету я уже давно не доверяю мужчинам. Ни им, ни отношениям, которые они предлагают. — Внутренний голос призывал меня держать себя в руках и не терять чувство собственного достоинства.

— Маша, ты должна взять себя в руки, — словно родитель, попытался образумить меня Анатолий.

— Я и держу себя в руках. Я же не сказала ничего плохого ни тебе, не твоей будущей жене. И не кричу, что моя жизнь кончена. У меня есть красота, здоровье и прекрасная работа. А

разбитое сердце... Я уже привыкла к мысли о том, что оно разбито. Слишком часто его разбивают.

— Не уезжай. — Толя подошел ко мне вплотную и притянул меня к себе.

— Что? — Мне показалось, что мой слух начал меня обманывать.

— Я прошу тебя остаться.

— Но Кира? — буквально оторопела я.

— Пусть Кира пока останется тоже. Она плохо себя чувствует. Акклиматизация все-таки.

— Ты хочешь, чтобы мы на вилле остались вдвоем?

— Маша, я прошу тебя, чтобы ты не уезжала, а осталась на вилле.

— Но я не могу. Одна из нас обязательно должна уехать. Ты что, решил создать шведскую семью?! Наверно, ты посмотрелся кассет о групповом сексе. Извини, милый, но это не для меня.

— Остайся. Я очень тебя прошу. Это не имеет никакого отношения к групповому сексу. Это имеет отношение к тому, что мне будет без тебя плохо. Понимаешь, Кира меня уже предала, и это было самое большое предательство в моей жизни. Я не знаю, зачем она приехала, и я не уверен в том, что она действительно уйдет от мужа. Возможно, ее приезд — это просто очередной каприз, и не более того. Понимаешь, в этой жизни я многого достиг. У меня есть деньги, положение в обществе, я заслужил к себе хорошее отношение и не приемлю, когда за моей спиной что-то делают не мои компаньоны, а близкие мне люди. Есть вещи, которых не прощают.

— А мне казалось, что любовь всепрощающа и что в ней нужно уметь прощать все. Кто не умеет прощать, тот не умеет любить.

— Есть вещи, которых не прощают даже в любви. Это предательство, а особенно не физическое, а моральное. Три года Кира уходит от мужа. Ровно три года. Это достаточный срок для того, чтобы перестать ей верить. Если она думала, что от радости я брошусь ей на шею, то этого не произошло, точно так же, как она не бросилась мне на шею, когда я пришел к ее мужу. Можно играть чувствами каких-нибудь юнцов, но только не чувствами зрелого мужчины. Ты понимаешь, о чем я?

Я почувствовала, как на глаза накатались слезы, и еле слышно спросила:

— Ты хочешь остаться со мной?

— Я хочу использовать шанс быть с тобой.

— А как же Кира?

— Пусть Кира побудет несколько дней на вилле, а затем она уедет домой к тому, кого предпочла мне.

— Ты это твердо решил?

— Я думаю, что по-другому просто не может быть. Я улыбнулась и бросилась к Анатолию на

шею.

— Ну смотри, Казанова, если ты передумаешь, то пеняй на себя. Тогда моей ноги даже близко не будет на вилле. Если судьба дала тебе шанс, то постарайся его использовать на полную катушку. И еще. Постарайся, пожалуйста, сделать все так, чтобы я не чувствовала себя душой.

Этим вечером мы ужинали вдвоем и болтали о чем угодно, стараясь лишь ни словом не упоминать о Кире. Когда ужин подходил уже к концу, я не выдержала и задала вопрос, который не давал мне покоя.

— А где Кира?

— Она спит. Она очень плохо себя чувствует.

— Она так плохо переносит акклиматизацию?

— Она и сама этого не знала.

Когда стемнело, мы вышли из дома, сели на берегу моря и, взявшись за руки, принялись смотреть вдаль.

— Ума не приложу, как тебя угораздило купаться одной в ночном море. Не думал, что ты способна на подобные подвиги.

— Просто мне был очень одиноко. Анатолий обнял меня и поцеловал мои волосы.

— Знаешь, даже не верится, что еще совсем недавно я совершенно тебя не знал и ты была для меня никем. Все как-то быстро случилось, но теперь ты поселилась в моей душе, и даже сегодня, когда приехала Кира, я уже не стоял на распутье. Я знал, что я не могу тебя отпустить.

— И ведь мы так странно встретились. Мы встретились, когда оба были на грани. Когда я тебя увидела в первый раз, моя душа была очень слаба. У меня было такое странное ощущение, будто я долгие годы шла по острым ступеням и вдруг, в один прекрасный миг, я поняла, что я не могу идти дальше, я упала и разбилась. И мне казалось, что это конец и жить уже незачем.

— Ты знаешь, мы чувствовали одно и то же. Когда мы встретились, мне тоже казалось, что моя жизнь кончена. А теперь... У нас у обоих она только начинается. И все же ты сумасшедшая.

— Почему?

— Потому, что я вот смотрю на ночное море и чем больше я на него смотрю, тем больше понимаю, какие опасности оно в себе таит. Неужели тебе не было страшно?

— Мне было страшно, а теперь нет, потому что ты именно тот человек, который сможет меня защитить. Толя, а зачем тебе оружие?

Анатолий слегка отстранился и посмотрел на меня непонимающими глазами.

— Ты о чем?

— Я просто спросила, зачем тебе оружие.

— Какое оружие?

— Которое ты купил сегодня у Махмеда.

— Откуда ты знаешь?

— Извини, я невольно подслушала.

— А ты разве не знаешь, что подслушивать нехорошо?

— Толя, я подслушала случайно. Я хотела встретиться с тобой раньше, чем Кира, и, увидев машину гида, бросилась к коридору. Но затем услышала слово «оружие» и резко остановилась. Я поняла, что твой разговор касается только двоих и в нем нет места третьему. Я сказала тебе правду и хочу теперь услышать правду от тебя. Я поняла, что ты встречался с Махмедом для того, чтобы купить оружие. Я хочу знать, для каких целей оно понадобилось тебе в этом доме.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

— Я никогда не была любопытной, просто я случайно подслушала твой разговор.

Анатолий резко встал и протянул руку, чтобы помочь мне подняться. Затем взял меня за плечи и произнес серьезным голосом целую тираду, в которой даже слышались какие-то малоприятные, угрожающие нотки.

— Маша, я не люблю когда женщина лезет туда, куда ей совсем не нужно лезть. Я уже тебе объяснял и не поленюсь объяснить еще раз, что существуют чисто мужские дела и не надо спрашивать меня о том, о чем я не хочу тебе говорить. Давай с тобой договоримся: ты никогда не слышала тот разговор и ни о чем меня не спрашивала.

— Хорошо. — Я почувствовала, как на моей спине выступил холодный пот.

— Я думаю, что ты больше не станешь себя так вести и будешь слушать и знать только то, что тебе можно. И не смотри на меня такими испуганными глазами.

— Я тебя не боюсь, — быстро проговорила я и отвела глаза в сторону.

— Поверь мне, я купил этот пистолет не для того, чтобы убивать людей. Я не убийца. Я купил его совсем для другой цели. А может, и цели-то никакой нет. Может, я купил его просто потому, что мне этого захотелось. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю. Я понимаю, что я ничего не слышала, ничего не видела и ничего у тебя не спрашивала.

— Вот и правильно. И не нужно меня бояться. Я надеюсь, ты уже успела понять, что я не убийца и не насильник. Если я купил какую-то вещь, то, значит, она мне нужна, и только мне одному знать, зачем я это сделал, и только я один должен распоряжаться этой вещью по своему усмотрению.

До дверей моей спальни мы дошли молча. Толя о чем-то думал, а я уже тысячу раз пожалела о том, что задала ему вопрос, который не должна была ему задавать. Я хотела услышать ответ, но вместо ответа столкнулась с какой-то потаенной угрозой, раздражением и внутренним разочарованием. Открыв дверь своей спальни, я подняла свои грустные глаза и тихо сказала:

— Извини.

— Все нормально, просто я не люблю подобных вещей.

— Подобных вещей больше не будет. — Я выдавила из себя улыбку и произнесла уже более мягким голосом:— А я знаю, зачем тебе пистолет.

— Зачем? — моментально изменился в лице Анатолий, а в его глазах вновь появилась суровость.

— Для того, чтобы меня защитить.

Толя ничего не ответил и смотрел на меня пристальным, пронизывающим взглядом.

— Ты купил пистолет для того, чтобы убить ковбоя. Я знаю, что ты тоже его видел. Когда я услышала про пистолет, я сразу поняла, для кого он предназначен. Просто ты не хочешь напоминать мне о его существовании и хочешь, чтобы я по-прежнему верила, что это видения, но я знаю точно, что ты купил его именно для этих целей. Ты хочешь за ним поохотиться? Ты хочешь разобраться с тем, что произошло? Ты его видел?

Анатолий немного расслабился, а я поняла, что попала в самую точку. И все же он поднес палец к моим губам и показал мне, что мы больше не будем продолжать эту тему.

— Ты ничего не видела, ничего не слышала и никогда не задавала мне этот вопрос. Мы ведь с тобой договорились.

— Хорошо, извини.

Постояв с полминуты, я слегка покраснела, взяла Толю за руку и потащила за собой в спальню.

— Я надеюсь, мы сегодня ночуем вместе?

— Нет. Сейчас ты выпьешь снотворного и хорошенько выспишься.

Анатолий прошел в комнату, налил мне стакан воды, достал из кармана пачку таблеток и, выдавив на ладонь ровно две таблетки, протянул их мне.

— Это очень хорошее снотворное, оно замечательно действует на нервную систему. Ты будешь спать как убитая, без всяких видений.

— Кто дал тебе эти таблетки?

— Я звонил своим знакомым врачам в Москву, и они в один голос посоветовали именно это средство.

Покрутив незнакомую пачку в руках, я бросила ее на журнальный столик и, взяв с ладони Анатолия пару таблеток, положила их в рот и тут же запила водой. Затем потащила Толю к кровати, но он решительно отказался.

— Маша, я пока не буду спать. Мне нужно побыть одному.

— Почему?

— Потому, что человеку иногда надо побыть одному, и в этом ему никто не должен препятствовать.

— Ты пойдешь к Кире?

— Нет. Я же тебе сказал, что хочу побыть один. Я хочу в одиночестве попить виски, сделать несколько звонков и о многом подумать.

— А когда ты захочешь спать?

— Когда я захочу спать, я обязательно приду к тебе. Анатолий принялся бережно меня раздевать и, словно маленького ребенка, взял на руки и отнес на кровать. Укрыв меня легким пледом, он жадно меня поцеловал и пожелал мне спокойной ночи.

— Сейчас ты сама увидишь, как быстро уснешь. Это очень хорошее лекарство, и ты почувствуешь себя намного легче.

Меня и в самом деле стало моментально клонить в сон. Глаза начали медленно закрываться помимо моей воли, а в голове пробудилось всего одно-единственное желание: спать.

— Толя, будь осторожен...

— Ты о чем? — сквозь сон услышала я вопрос Анатолия.

— Будь осторожен. Я знаю, что ты пошел охотиться на ковбоя. Будь осторожен, потому что ему нужен не ты, а я. В прошлый раз он подходил к окну моей спальни.

— Спокойной ночи. Желаю тебе приятных снов.

— Спокойной ночи. Будь осторожен, — в который раз повторила я и провалилась в глубокий сон.

Около трех часов ночи меня что-то разбудило. Я подняла голову, потерла сонные глаза и услышала прямо за моей дверью чьи-то шаги. Пытаясь не обращать на это внимание, я натянула на голову одеяло и попыталась уснуть, но шаги за моей дверью не давали мне спать, и у меня никак не получалось полностью отключиться. Я и сама не понимала, что именно это было, то ли шаги, а то ли какие-то шорохи. Ощущение было такое, словно по моей двери кто то царапал когтями. Я предположила, что в доме живет какой-нибудь кот, и он решил почесать когти о мою дверь. Но ни котов, ни каких других животных я здесь не видела.

Я лежала, накрывшись одеялом, прислушивалась к каждому звуку за моей дверью, чувствовала, как сильно и учащенно стучит мое сердце, и понимала, что сон ко мне уже не вернется. А еще мной завладело необъяснимое чувство страха, которое словно взяло меня в тиски и не давало пошевелиться.

Выйдя из минутного оцепенения, я села, сунула ноги в тапочки и, накинув халат, на ватных ногах подошла к двери. Подойдя к двери, я прислушалась. За дверью тут же стало тихо. Это напрягло меня еще больше, и от навалившегося на меня страха мне стало буквально нечем дышать. Предательски задрожали ноги. Набрав в грудь побольше воздуха, я резко открыла дверь и вышла в плохо освещенный коридор. Странно, но в коридоре было по-прежнему тихо.

— Эй, кто здесь? — чуть слышно спросила я и нервно сжала свои кулаки. — Кто здесь? — повторила я свой вопрос, но и после этого мне никто не ответил.

Мне захотелось зайти в спальню Анатолия и рассказать ему о своих страхах, но... я боялась застать в спальне Киру. От этой мысли у меня моментально пересохло во рту, и я почувствовала себя еще более паршиво. Не долго думая, я распахнула дверь спальни Анатолия и увидела, что там никого нет. Ощувив, как на моей спине выступил ледяной пот, я распахнула

дверь в спальню Киры, но и там никого не было.

— Ах, вот как. Вы ушли вместе, — произнесла я сквозь слезы и побежала по лестнице вниз.

Чувство страха отступило на задний план, а на душе стало чудовищно пусто. В голове пронеслись все слова, которые сказал мне Анатолий для того, чтобы оставить меня в этом доме, и от этого мне стало еще больнее. Эта страшная жизнь и страшные отношения между мужчиной и женщиной... Выходит, что эта страшная жизнь просто смеется над всем высоким и светлым. А самое ужасное здесь то, что я просто бессильна бороться с этой страшной жизнью. Просто бессильна... Ледяное дыхание повеяло в мое лицо, а сердце сжалось, как в каком-то кошмаре.

Мне хотелось застать их обоих и посмотреть в лживые глаза Анатолия, который еще совсем недавно уверял меня в том, что с Кирой все кончено. Я не знала где они могут быть — в бассейне, в сауне, в джакузи, на море, но я знала, что я просто обязана их найти и посмотреть, какие у них сейчас отношения. Я была просто обязана это увидеть, потому что в который раз меня выставили круглой идиоткой и откровенно надо мной посмеялись. Толя уложил меня спать, дал сильнодействующее снотворное, чтобы я спала как можно крепче, и пошел к Кире. Они оба надо мной посмеялись и конечно же резвятся в бассейне или занимаются сексом прямо в джакузи.

К моему удивлению, ни в бассейне, ни в сауне, ни в джакузи никого не было. Вилла была пуста. Значит, они ушли на море. Конечно, другого просто не может быть. Они ушли на море и занимаются там тем же, чем недавно занимались с Анатолием мы.

Выйдя из дома, я направилась к морю, но, сделав несколько шагов, резко остановилась. На море не было ни Киры, ни Анатолия. Я дошла до самого берега быстрым шагом и огляделась. На море не было ни души и все же... Все же я наступила на чье-то полотенце и тут же посмотрела в зловещую ночную морскую даль. Неужели кто-то ушел купаться? Неужели? Анатолий никогда не пойдет ночью на море. Он уже высказал мне свое мнение на этот счет. Никто из обитателей дома никогда не пойдет ночью на море, все купаются только днем. Купаться в ночном море будет только новичок, который еще незнаком с местными законами и обычаями. Быть может, это Кира? Скорее всего. Она только приехала и не может представить, сколько опасностей таит в себе ночное Красное море. Через несколько секунд я уже не сомневалась в том, что это Кира, потому что, когда я сама только приехала, у меня в первую же ночь возникла мысль искупаться.

Посмотрев на полотенце, я подошла к берегу и громко крикнула:

— Кира!

Затем вновь всмотрелась в черное ночное море в надежде увидеть там очертания плывущей по волнам женщины, но по-прежнему никого не было видно.

— Кира! Кира!

Взяв белоснежное полотенце в руки, я подняла его вверх и принялась им махать.

— Кира! Кира! Кира!

В эту минуту я уже не думала ни о странном ковбое, гуляющем у ночного моря, ни о других страхах и опасениях, я думала только о том, что Кира слишком далеко заплыла и с ней что-то случилось. Поняв, что я совершенно бессмысленно бегаю по берегу и машу полотенцем, я

посмотрела на домик спасателя и увидев в его окнах свет, бросилась к нему, чтобы позвать араба на помощь. Добежав до домика, я принялась колотить в дверь и громко кричать:

— Эй, ты! Забыла, как там тебя зовут! Там женщина ушла купаться и пропала!!! Она утонула! Ты вообще следишь за тем, чтобы никто ночью в море не купался или нет?! За что тебе только деньги платят?!

Дверь домика не открывалась, а внутри по-прежнему было тихо. Схватившись за дверную ручку, я потянула ее на себя, и дверь распахнулась. Увиденная картина привела меня в самый настоящий ужас. На кровати лежал спасатель, а в груди у него торчала рукоятка ножа. Его рот был слегка приоткрыт, а глаза смотрели на меня безжизненным взглядом. В них была смерть. Лицо у него было еще ужаснее, чем в тот раз, когда я видела несчастного араба на своем полотенце. Оно было почти уродливое, мертвенно-белое, даже с каким-то синюшным оттенком. Губы на этом лице казались сиреневыми, точно такими, как показывают в фильмах про вампиров.

Как только из моей груди вырвался душераздирающий крик, я покачнулась, с трудом удержавшись на ногах, развернулась в обратную сторону и пулей вылетела из дома. И тут я увидела его. Прямо передо мной, надвинув широкополую шляпу на глаза, стоял ковбой!

— Бог мой! — заорала я так, что у меня зазвенело в ушах, и бросилась со всех ног в сторону виллы.

Я бежала, боясь оглянуться назад, но как только я смогла это сделать, то увидела, что ковбой гонится следом за мной.

— Нет! Нет! Нет! — вопила я сквозь рыдания и глотала собственные слезы. — Нет! Помогите! Кто-нибудь, помогите!!! Толя, где ты?! Толя!

Забежав в дом, я быстро хлопнула входной дверью, но тут же услышала, как она снова открылась. Я была в каком-то беспамятстве, но отчетливо понимала, что если ковбою удастся меня догнать, то мне не жить. Я совершенно забыла про кнопки, которые находились на каждом этаже дома, чтобы, случись что, можно было разбудить его обитателей. А затем я просто не смогла больше кричать, потому что у меня не осталось на это сил, и ужас, пожирающий меня изнутри, не давал мне больше выкрикнуть ни единого слова. Я могла только рыдать, вкладывая в эти рыдания желание жить и моля Господа Бога о том, чтобы весь этот адский кошмар поскорее закончился.

Я бросилась вверх по лестнице, и тут ковбой полоснул меня ножом по ноге. Жгучая, ни с чем не сравнимая боль разлилась по всему моему телу. И все же у меня еще нашлись силы заскочить в спальню Анатолия и закрыть дверь на совсем тоненькую, еле державшуюся защелку.

Встав рядом с дверью, я закрыла глаза и представила, что скоро меня может не быть. Меня может не быть, но жизнь по-прежнему будет идти своим чередом, вот только меня в этой жизни уже больше не будет. А главное, до меня просто никому не будет никакого дела. Ну жила такая... Ну умерла... Я даже представила себе, как обитатели этого дома найдут меня мертвой, как они тоскливо скажут, мол, надо же, совсем ведь еще молодая, что за возраст тридцать пять... Они будут говорить, какую страшную смерть я приняла — всю ножом исполосовали. Они будут говорить о том, что у меня прекрасные волосы и голубые, как небо, глаза, что я была очень симпатичной, разве только немного дерзкой... что при жизни я страдала непонятными видениями, а Толя... Толя скажет, что он убил бы того козла, который

меня до этого довел. А затем сюда прибудет полиция и проведет экспертизу. При этом девушки, работающие в доме, будут смахивать слезы и говорить то же самое: такая молодая, красивая, и за что ее, жить бы да жить, детей рожать да радоваться, на них глядя... Конечно, на этой земле мало кто заслуживает смерти, таких, наверно, считанные единицы.

Прислонившись спиной к двери, я застыла как вкопанная, посмотрела на сочившуюся из ноги кровь и, в тот момент, когда в дверь начали стучать, отскочила с нечеловеческими воплями. Подбежав к окну, я распахнула его, посмотрела вниз и затем перевела взгляд на все ту же дверь, которая могла открыться в любую минуту, потому что защелка уже держалась на честном слове. Хоть в моей голове уже давно и не было никаких мыслей, кроме желания жить, я невольно бросила взгляд на черный пакет, стоящий между тумбочкой и кроватью, и, не долго раздумывая, достала из него пистолет. Признаться честно, я никогда не держала в руках оружия, но имела представление о том, как из него стрелять. Взяв пистолет, я повертела его в руках и в тот момент, когда дверь с грохотом открылась, сняла его с предохранителя.

Из-за своих слез и рыданий я видела только очертания ворвавшегося ковбоя и не могла разглядеть его лица. Вытянув руку, я тут же нажала на курок и закричала что было сил. Ковбой издал глухой стон и рухнул на землю.

— Вот и все, — проговорила я сквозь рыдания. — Вот и все...

Не вынимая пистолета из рук, я подошла к ковбою, сняла с него шляпу, и тут... И тут ноги у меня подкосились, и я стала медленно оседать на пол. Ковбойская шляпа скрывала залитое кровью лицо Киры...

ГЛАВА 10

Когда я открыла глаза, то увидела рядом с собой перепуганного Анатолия и Лену. Лена помогла мне приподняться и поднесла к моим губам стакан воды.

— Господи, мы так долго не могли привести вас в чувство... Вы столько лежали в обмороке, что мы не знали, сможем ли вас откачать. Вы нас всех напугали.

Голова у меня раскалывалась, во рту все пересохло. Взявшись за свою несчастную голову, я посмотрела на бледного, нервно курившего трубку Анатолия и тихонько всхлипнула:

— Толя, я чудом осталась жива. Я могла умереть... Где Кира?

— Сзади тебя.

С трудом повернувшись назад, я посмотрела на убитую Киру. Из-за крови лица ее практически не было видно. За то время, пока я лежала без сознания, Кира довольно сильно переменилась, а от костюма ковбоя не осталось даже следа. Она лежала в шелковой ночной рубашке и домашних тапочках, словно только что вышла из своей спальни и не гоняла меня по всему дому. Почувствовав, что я уже могу удерживать равновесие, я поджала под себя ноги и огляделась вокруг. Нигде не валялось ни ковбойской шляпы, ни сапог, ни плаща. Не было ничего, что напоминало бы мне о том кошмаре, который мне довелось пережить совсем недавно. Набрав в грудь побольше воздуха, я отодвинула от себя лежащий на полу пистолет и тихо спросила:

— Кто ее передел?

— Кого?

— Киру.

— Зачем? — не поняли меня Лена и Анатолий.

— Я говорю, где ее ковбойский костюм?

Лена с Анатолием растерянно переглянулись, а затем все с той же растерянностью перевели взгляд на меня. Первым нарушил молчание Анатолий. Он пододвинул пистолет к себе, сунул его в черный пакет и убрал этот пакет от греха подальше.

— Маша, ты хоть понимаешь, что ты натворила? — спросил он меня замогильным голосом и посмотрел в сторону лежащей на полу Киры.

— Понимаю, но ведь я ни в чем не виновата.

— Как это ты ни в чем не виновата?! Ты убила женщину.

— Я?!

— Ты!

— Это была самооборона.

— При чем тут самооборона?

— При том, что она за мной гналась! Она хотела меня убить! Она порезала мне ногу! Она полоснула мне ножом по ноге!

— Кто, Кира?

Этот вопрос чуть было не довел меня до истерики. Я хрустнула пальцами и почувствовала, как по моим щекам потекли слезинки.

— Конечно, Кира, а то кто же еще! — В доказательство того, что я говорю правду, я продемонстрировала рану на ноге. — Вот, видите! У нее нож. Это она меня полоснула. Она!

— У нее нет ножа.

— Значит, он где-то выпал. — Я опять оглянулась на Киру и задала все тот же вопрос: — Кто ее переодел и зачем?

— А почему ее кто-то должен переодевать?

— И тем не менее ее кто-то переодел.

— Я ее не переодевала, — покачала головой девушка. — Когда я проснулась от криков, я тут же вскочила с кровати, быстро оделась и бросилась в коридор, чтобы посмотреть, что здесь случилось.

— И что ты увидела? — Я почувствовала, что мне становится тяжело дышать, и попыталась подняться.

— Я увидела Киру и вас. Кира была убита выстрелом в голову, а вы лежали без сознания.

— И все?

— И все.

— И ты не видела ни ковбойских сапог, ни шляпы, ни плаща?

— Нет, — покачала головой девушка. — Тут ничего не было.

— Следом за Леной сюда прибежал я. — Толя достал сигарету и нервно закурил. — Я увидел то же самое, что и она.

— Вы меня разыгрываете???

— Ты убила человека, какие тут могут быть розыгрыши? — Ледяной голос Анатолия заставил меня встать и уже в который раз посмотреть на лежащий на полу труп Киры. Только теперь в моем взгляде появилась ненависть.

— Прямо чертовщина какая-то... — Я сверкнула в сторону Анатолия и Лены заплаканными, заплывшими глазами и прошипела: — Я вам клянусь, что это была самооборона. Вы же прекрасно видите мою раненую ногу. Если бы я не убила Киру, то Кира бы убила меня. Вы все время говорили мне про какие-то видения, а на самом деле никаких видений не было. Я не сумасшедшая, что бы вы мне там ни говорили. Ковбоем была Кира! Она с самого начала хотела меня убить!

— Твои видения начались намного раньше того, как на виллу приехала Кира. — Анатолий посмотрел на меня так, как смотрят на душевнобольных.

С минуту я подумала над тем, что сказал мне Толя, и не смогла с ним не согласиться.

— В самом деле, просто мистика какая-то. Кира прилетела уже после того, как я впервые встретила с ковбоем. Да, да, она прилетела потом. Быть может, их два?

— Кого? — в один голос откликнулись Лена и Толя.

— Я говорю, быть может, на вилле ходят два ковбоя? Быть может, это вообще какая-то мистическая вилла?! Вилла с привидениями?! — Мой голос сорвался на визг. Поняв, что я не могу себя контролировать, я прижала ладонь к губам и закашлялась.

— Маша, ты убила ни в чем не повинную женщину, и я не знаю, что нам теперь делать. — Словно хлесткие пощечины, доносились до меня страшные слова Анатолия.

— Так уж и ни в чем не повинную... Как она может быть ни в чем не повинна, если это была самооборона?!

— То, что это самооборона, еще нужно будет доказать на суде. Все произошло без свидетелей. Мне очень жаль, что все так вышло. После того как тебя начали мучить кошмары, я понял, что у тебя очень сильно расстроена психика, но не думал, что настолько. Пойми же наконец: ты убила человека!

— Я... Убила человека?!

— Ты.

— Но ведь это она хотела меня убить!

— Но ведь убила ее ты.

— Если бы я не убила ее, то она убила бы меня.

— Я же тебе говорю, что это будет нужно доказать в суде.

— В каком суде?

Я подошла к распахнутому окну и заглянула вниз.

— В суде, который обязательно состоится.

— Ты хочешь вызвать полицию?

— А что я, по-твоему, должен делать?

Анатолий курил одну сигарету за другой и растерянно ходил по комнате, изредка с испугом посматривая на окровавленную Киру. Лена сидела рядом с ней и вытирала слезы. Не выдержав, Анатолий еще раз взглянул на Киру, затем схватил с кровати простыню и накрыл труп.

— Уж больно крови много. Ты ее прямо в голову. Мгновенная смерть. Хорошо, что не мучилась.

Я показала на раскрытое окно и, хватая губами воздух, словно рыба, выброшенная на берег, произнесла:

— Вот, видишь распахнутое окно? Видишь?

— И что?

— А то, что я хотела в него выброситься. Когда ковбой, вернее нет, когда Кира стала выламывать дверь, я хотела броситься вниз, а затем увидела этот пакет с пистолетом. Почему ты не хочешь понять, что я выжила по счастливой случайности? Почему? Тебе было бы легче, если бы я сиганула в окно? Хотя тут невысоко, но все равно я осталась бы калекой... Правда, нет гарантии, что ковбой, вернее нет, Кира меня бы не добила там, внизу. Разве я виновата, что осталась жива?! Да вы оба должны радоваться! Я выжила благодаря твоему пистолету. Спасибо тебе, Толя. Можно сказать, что ты подарил мне жизнь.

Анатолий изменился в лице и как-то нервно задергал скулами.

— Это был мой пистолет, и я принес его в этот дом для себя, но не для того, чтобы ты убивала из него Киру.

— Но ведь ты хотел убить из него ковбоя, а ковбой это и есть Кира. Какая разница, кто бы это сделал, ты или я! Мы же оба не знали, что это Кира наряжалась ковбоем. Если бы его убил ты, то ты бы тоже увидел, что это Кира.

— Кира приехала в этот дом уже после того, как у тебя начались видения, — еще раз повторил свою мысль Анатолий.

— Тогда я вообще ничего не понимаю.

— А я не понимаю, какого черта ты взяла чужое оружие?

— Чтобы себя защитить.

— Ты не имела на это права.

— А ты хотел бы увидеть меня мертвой? Скажи, ты бы этого хотел?

— Я хотел, чтобы ты спала. Я дал тебе снотворное. Я не хотел, чтобы ты бегала по дому и стреляла в людей.

— Я бегала по дому?!

— Ты.

— Да это за мной бегали по дому! За мной!!!

— Мало того, что ты себе заработала статью, если, конечно, ты не докажешь, что ты оборонялась, так ты заработала еще статью по мою душу! Теперь полиция будет копать, чей это пистолет, как он ко мне попал и почему он у меня хранился. А это, между прочим, срок.

— У меня не было другого выхода. — Я беспомощно опустила руки.

Видимо, Лена почувствовала себя лишней и, встав с пола, осторожно спросила:

— Может, я пойду? Если будет нужно, вы меня позовете.

— Ни с места, — с металлом в голосе скомандовал Толя и перегородил девушке выход. — Кто еще в доме? Где Катя?

— Катя в городе у своего парня. Она приедет только утром.

— Кто еще видел Киру убитой?

— Никто.

— Точно никто?

— Вы же сами видели, что больше сюда никто не приходил.

— А работники-арабы?

— Все уехали в город на ночную дискотеку. Охрана у себя в домике.

— А в большом доме?

— В большом доме никого нет.

— Значит, кроме нас троих, никто не видел Киру мертвой?

— Нет, — испуганно покачала головой девушка. — Я спала. Катя уехала к своему парню, а ребята-арабы на ночную дискотеку ушли, и повара тоже. В доме пусто.

— А я сидел у охранников из службы безопасности. Угощал их виски. Когда вернулся в дом, сразу пошел к себе в спальню, а в спальне увидел Лену, которая пыталась привести тебя в

чувство. Значит, о том, что здесь случилось, знают трое...

Анатолий резко остановился и окинул нас с Леной задумчивым взглядом.

— Нет, не трое. — Я говорила довольно глухо, но каждым своим словом ударяла сама себе по раскаленным нервам. — Есть еще четвертый.

— Кто он? — в один голос спросили меня Толя и Лена.

— Тот, кто передел Киру. Тот, кто снял с нее ковбойский плащ и сапоги, а также забрал ее простреленную шляпу. Тот, кто здесь немного попыхтел, пока я была без сознания.

— И кто же это? — Анатолий как-то заметно съежился, и мне показалось, что по его телу пробежали мурашки.

— Я не знаю, — нервно замотала я головой. — Я не знаю... Я не видела... Я была без сознания... Я не знаю, как мне доказать вам то, что, когда Кира за мной гналась, она была одета в ковбойские шмотки. Она порезала мне ногу... Хорошо, быть может, это не доказательство. Но она еще убила спасателя.

— Что?

— Я говорю, что она убила спасателя. Он лежит в своем домике с ножом в груди. Это тот же нож, который я видела в прошлый раз, похожий на кинжал. Там рукоятка такая красивая.

— Мне кажется, что мы это уже проходили. — Толя подошел ко мне поближе, взял меня за подбородок и притянул мое лицо к себе. — Знаешь, была б моя воля, я бы сам тебя убил...

— Давай.

— Не могу. Я не сумасшедший. Но ты даже не представляешь, как мне хочется тебя убить.

— За что?

— За то, что ты натворила.

Я почувствовала, как после этих слов, в ту же самую минуту, по моим щекам потекли слезы.

— Ты недоволен, что я сталась жива? Ты хотел, чтобы осталась жива Кира?

— Я хотел, чтобы ты ничего не натворила. Теперь ты понимаешь, насколько ты больна? Ты это понимаешь? Ну, скажи, ты хоть немного это понимаешь? Ты опасна. Ты очень сильно опасна. Это ж надо, до чего довел тебя тот козел... Тебя же в больницу нужно класть, в дурку. Хорошо, если суд признает самооборону, в чем я глубоко сомневаюсь, а если нет, то у тебя единственный выход — дурдом.

Я убрала руку Анатолия от своего лица и проговорила сквозь слезы:

— Ты говоришь так просто потому, что хочешь, чтобы на этом месте лежала не Кира, а я. Это случайное убийство, и все факты тут налицо. Я никого не убивала, я просто боролась за жизнь. Я хотела жить, только и всего. Я очень хотела жить. А в домике действительно лежит мертвый спасатель. Правда, после прошлого раза я не знаю, есть он там или нет. В прошлый раз я тоже видела его мертвым, а затем увидела живым. — В этот момент я со всей силы прикусила нижнюю губу, посмотрела на Киру, накрытую простыней, и произнесла:— Я надеюсь, Кира не

оживет.

— Нет, Кира не оживет, потому что она мертва.

— Спасатель тоже был мертв, а затем ожил.

— Кира не оживет...

— А то мы сейчас выйдем, а вернемся — она сидит, чай пьет как ни в чем не бывало. И все же вы на всякий случай посмотрите спасателя. Я видела его мертвым. Быть может, он еще не ожил.

Когда у Анатолия окончательно сдали нервы, он схватил меня за плечи и начал хорошенько трясти.

— Ты хоть понимаешь, что ты несешь бред?! То один ковбой, то второй, то один мертвый спасатель, то второй... Ты когда в последний раз в больнице проверялась? Ты хоть понимаешь, что ты убила женщину? Ты представляешь, что тебе за это будет? Это тюрьма! Тюрьма! И какого хрена ты стреляла из моего оружия?!

— Какая тюрьма? — Я всхлипнула и тыльной стороной ладони вытерла слезы. — Какая к черту тюрьма?

— Обыкновенная.

Посмотрев на часы, Толя встал у двери и мотнул головой в сторону выхода.

— Пойдем посмотрим на всякий случай домик спасателя.

Когда мы подошли к пляжу и я увидела валявшееся на песке полотенце, я тут же подняла его и сбивчиво заговорила:

— Вот это полотенце я видела на берегу, когда пошла к морю. Я подумала, что это Кира решила искупаться, ведь она и представления не имеет о том, что же такое ночное Красное море. Я перепугалась, что она утонула, что ее укусили какие-нибудь ядовитые ежи или съели ужасные рыбы... Я бегала по берегу, махала полотенцем и звала ее. А затем я увидела в сторожке спасателя свет, кстати, он там горит и сейчас. Я бросилась к нему в надежде накричать на него за то, что он плохо обрабатывает свой хлеб. Когда я открыла дверь его домика, то увидела, что он мертв.

— Это полотенце Киры. — Лена взяла из моих рук полотенце и внимательно его рассмотрела. — Это полотенце Киры, — повторила она уверенным голосом и отдала его мне.

— Откуда ты это знаешь? — спросил у нее Анатолий.

— Я сама ей его выдала, как только она приехала и прошла в спальню, чтобы распаковать свои вещи. Вот, видите, птицы нарисованы странные какие-то? Мы с ней тогда еще посмеялись, что такие птицы науке неизвестны, и она назвала их волшебными. Второго такого полотенца в доме нет. Это я гарантирую. Я знаю все белье как свои пять пальцев. Я его сама покупала.

— Даже если и так, это еще ни о чем не говорит, — пробурчал Анатолий себе под нос и открыл дверь сторожки.

Признаться честно, я не рассчитывала на то, что увижу спасателя мертвым, ведь в прошлый

раз он чудесным образом воскрес. К моему величайшему удивлению, спасатель был мертв. Когда Толя открыл дверь сторожки, то тут же отпрянул, а Лена издала пронзительный крик. Лишь я одна никак не отреагировала на кошмарное зрелище: слишком много страха за последнее время я испытала. Слишком много... Наверно, у меня уже просто не было сил бояться — ведь для того, чтобы бояться, тоже нужны силы.

— Бог мой, — прохрипел Анатолий и зашел в домик. — Кто его так?

— Кира, — заявила я, встав сзади. — Это Кира. — В глубине души у меня появилась хоть какая-то надежда на то, что мне поверят: ведь спасатель не ожил, а лежал именно в том положении, в каком я видела его ранее.

— Сайда убили! — Лена схватилась за голову и затряслась, как в лихорадке. — А ведь неплохой был парень, отзывчивый. У него жена в Каире. Ребенок маленький. Они как-то к нам в гости приезжали...

— У Киры тоже муж и ребенок, — с необъяснимой скорбью сказал Толя и, достав платок, вытер свое потное лицо.

— Я Киру совсем мало знала. Вернее совсем не знала, — тихонько всхлипнула Лена. — А с Саидом мы не один пуд соли вместе съели и не один год в этом доме проработали. Очень веселый, приятный араб, а главное, хороший друг.

Толя склонился над Саидом и хотел было вытащить нож, но затем передумал и не стал этого делать.

— Пусть этим полиция занимается. От того, что я вытащу нож, ему легче не станет. Он уже мертв. А нож какой интересный! Ручная работа. Рукоятка больно красивая, резная. Скорее это даже не нож, а кинжал. Я такого никогда и не видел. Красота. Этот нож нужно как раритет держать, а не человека им убивать. Сразу видно, что это какая-то антикварная вещь. — В этот момент Толя обернулся назад и посмотрел на меня такими суровыми глазами, что мне стало просто не по себе. — Маша, твоя работа?

— Что?

— Я говорю, Сайда ты прикончила? Тоже очередные видения?

Я стояла ни жива, ни мертва и не могла произнести даже и слова.

— Сначала к тебе пришло видение, что он лежит мертвый на берегу моря на твоём полотенце, а затем ты решила воплотить это видение в жизнь. Маш, скажи честно, это ты сделала? Ты хоть понимаешь своей головой, что ты убила араба на территории арабского государства? Ты хоть понимаешь, что тебе за это будет? Ты хоть отдаешь себе отчет в том, что произошло?

— Маша, это правда вы? — слегка взвизгнула Лена. — За что вы его так? Сайд очень хороший парень. У него семья в Каире. У него же шесть братьев, которые работают в Каире за сущие гроши. Он же был единственным кормильцем в семье. У него старенькие родители, а еще у него жена вторым беременна. Кто ж их теперь всех кормить будет? Кто? Я же после того, как вы на него накинудись, объясняла вам, что он не будет заявлять в полицию. Мы же договорились с вами, что все уладит ваш муж. Мы же обо всем с вами договорились. Разве можно ни в чем не повинного человека убивать? За что вы его убили? За то, что к вам приходят непонятные видения?! За то, что у вас разрушена психика?! Ох, горе... Ох, горе, горе... Ох, горе... — Лена всхлипывала и говорила сквозь слезы. — Разве можно таких туристов отправлять

на отдых? Разве можно? Я тысячу раз говорила, что уж если отправляют туриста на отдых, то пусть хотя бы поинтересуются, есть ли у него справка из психдиспансера. Раньше, говорят, без нее за границу не пускали. Чем они там в турфирмах думают? Отправляют кого ни попадя... Ни за что убить человека... Вообще ни за что... Ох, горе, горе... Ох, горе, горе...

У меня страшно тряслись колени, а в горле стоял комок. Неимоверными усилиями скрывая дрожь в голосе, я сжала кулаки и что было сил закричала:

— Заткнись, дура! Заткнись! Я не убивала! Я не убивала!!!

Лена тут же заткнулась и нервно захлопала глазами.

— Я не убивала, — уже спокойнее повторила я, стараясь придать своему голосу хоть немного уверенности. — Я вообще таким ножом пользоваться не умею. Если бы уж мне и надо было убить этого араба, то я бы его из пистолета пристрелила. Я бы никогда в жизни не смогла мужика ножом в грудь убить. Для этого сила нужна и сноровка. Я вообще бы никогда убить не смогла, с Кирой у меня просто не было другого выхода. А что касается этого араба... Да, я не испытывала к нему особой симпатии, и у меня было желание задушить его прямо на берегу моря, но я не хотела его убивать. Мне это ни к чему.

— Тогда кто его убил? — все тем же ледяным голосом спросил Толя.

— Кира.

— А откуда у Киры может быть такой нож?

— А откуда он может быть у меня? Ты лучше спроси, откуда у Киры может быть одежда ковбоя? Где-то же она ее взяла. Где?!

— Твои видения начались намного раньше, чем на виллу приехала Кира, — в который уж раз повторил Толя, теряя терпение.

— Значит, ковбоев двое.

— А может, трое или четверо?

— Думаю, что их двое.

— Знаешь, если сначала я думал, что от трупа Киры мы можем избавиться, то теперь я так не думаю. Хотя мертвой ее видели только трое, значит...

— О том, что Кира мертва, знают четверо, — резко перебила я Анатолия.

— И кто четвертый?

— Тот, кто ее передел и спрятал карнавальный костюм ковбоя. Там еще сапоги должны быть со шпорами и на огромных каблучищах. Именно из-за этих каблучков ковбой казался таким высоким.

— И кто же ее передел?

— Не знаю. Я была без сознания. Может, вы кого видели?

— Я никого не видела, — быстро проговорил Лена и с ужасом посмотрела на мертвого араба.

— А кто убил спасателя? — уже в который раз задавал один и тот же вопрос Анатолий.

— Я уже говорила, что Кира, — произнесла я каким-то странным и далеким голосом. Затем опустила руки по швам и закричала:— Ну что ты так на меня смотришь? Что?! Я не убивала этого араба, и у меня никогда не было такого ножа! Почему мне никто не верит?! Ну почему?! Я не психопатка! Я нормальная! Неужели ты это не понял, когда мы познакомились с тобой в баре?! Ты же видел, что я была без отклонений, что ж ты меня теперь за дуру выставляешь?! Это не я сумасшедшая, а твоя Кира! Это не у меня видения, а у нее! Понимаешь, у нее?! Это не я убийца, а она! Ты должен был защитить меня от этой придурочной, а ты этого не сделал! Неужели ты не веришь, что меня хотели убить?! Тогда, вообще, о каких отношениях между мной и тобой можно говорить?! Какие у нас с тобой могут отношения, если ты не веришь ни одному моему слову?! Ни одному! И ты еще обещал бросить к моим ногам весь мир. Да ты не только не бросишь к моим ногам весь мир, ты меня саму в гроб загонишь! Какого черта ты привез меня на эту виллу? Чтобы я испытала настоящий кошмар?! Ты думаешь, мне не хватает адреналина? Да у меня его переизбыток! Да ты меня сейчас на руках должен носить и радоваться тому, что я осталась жива, а ты меня топчешь! Да пошел ты к черту вместе со своим гребанным Египтом, Красным морем, виллой, которая больше похожа на кладбище для туристов, и всем остальным! Ты меня специально привез на это кладбище для туристов, чтобы меня похоронить?! Если бы я знала, что у меня будет такой веселенький отпуск, я бы никогда в жизни сюда не прилетела! Никогда! И черт меня дернул с тобой поехать... У меня же все было нормально, а если бы у меня даже все было ненормально, то я бы сама справилась со своими проблемами. А может быть, ты просто хочешь посадить меня в тюрьму?! Так давай, вызывай полицию. Вызывай! Мне, если честно, на это наплевать. Я не виновна, и я смогу доказать, что я не виновна! Я это запросто докажу! Человек, который ни в чем не виновен, ничего не боится. Ему бояться нечего. В конце концов на этом трупе нет моих отпечатков пальцев. Уж если они на нем и есть, то Кирины. Установить это для экспертизы плевое дело.

В этот момент я остановилась, слегка отдышалась, посмотрела на растерянных Лену и Толю и заговорила уже более спокойным голосом:

— И вообще... Вы чего на меня вдвоем наехали? Вы что, стоворились, что ли? А может, у вас шуры-муры? Может, между вами чего и есть? Может, в тот момент, когда ковбой, вернее Кира, гонял меня по всему дому, вы занимались любовью? Поэтому ничего и не слышали. Что, так оно и было? Ребята, вы наверно решили меня засадить за решетку? Я вам наверно просто мешаю. Но я улечу. Вы не переживайте, я улечу. Я улечу первым же рейсом после того, как докажу свою невиновность. Ну что, голубки, вызывайте полицию. Потягаемся.

Я вышла из домика, посмотрела на ночное небо и вдохнула побольше свежего воздуха. Сделав пару шагов, я довольно резко остановилась и повернулась лицом к Толе и Лене, которые тут же вышли следом за мной.

— Маша, ты хоть понимаешь, что ты несешь бред? — На лице Анатолия отразилось смущение.

— Это вы на меня бочку катите.

Остановившись, я подумала, что если Анатолий вызовет полицию, то мне и в самом деле может не поздоровиться. Все факты против меня, и доказать свою невиновность мне будет нелегко. Костюм-то ковбойский как корова языком слизнула, так что, если я начну рассказывать про какого-то ковбоя, меня просто сочтут за сумасшедшую и упекут в дурдом. И доказать, что Сайда убила не я, мне тоже не удастся. У нас в России, если ты совершил хоть одно преступление, на тебя навешают еще десяток, чтобы раскрываемость повысить. Возможно, такие порядки не только в нашей стране, но и в арабских странах тоже. Если я убила Киру, то я

обязательно убила бы и Сайда. А если его убила Кира, то обвинят все равно меня: преступление выгоднее повесить на живого человека, с покойника какой спрос... Что тут у них по закону положено за убийство? Смертная казнь, пожизненное заключение? А может быть, меня депортируют в Россию? От этих мыслей мне стало совсем плохо, и у меня в очередной раз со все нарастающей силой закружилась голова.

— А вообще, ребята, давайте жить дружно. Я девушка еще не старая, а можно даже сказать, что молодая. Мне еще жить да жить. Давайте сделаем так: я исчезаю за считанные минуты. Хватаю чемодан, ловлю такси и вылетаю первым рейсом. Как только мой самолет взлетит и вы увидите его в небе, то сразу звоните в полицию. Ради Бога, дайте мне возможность уйти. Я надеюсь, что за мои четыре часа двадцать минут лёта мне удастся уйти от правосудия. За такой срок арабы еще не успеют связаться с российской милицией, и я смогу надежно спрятаться в Москве. Вы главное не говорите, что я улетела. Скажите, что я прячусь где-то здесь. Пусть они на меня тут охотятся.

Я посмотрела на часы и стала подсчитывать:

— Так. Пока они сюда приедут, это уже черт знает сколько времени пройдет. Пока они все увидят, все запишут, пока допетрят, что я единственная подозреваемая, пока начнут на меня охотиться, сидеть в кустах этой гребанной виллы и ждать моего появления... Ой, да у меня времени целый вагон и маленькая тележка. Прилечу в Москву, отсижусь на даче у друзей, а там буду думать...

Не дав сказать Анатолию даже слова, я вновь посмотрела на ночное небо и решительно направилась в дом.

— Маша, ты куда? — слышалось сзади.

— За чемоданом и на такси.

— Но ведь ночью в Египте такси не ходят.

— Ходят!

— И ты знаешь, что это опасно.

— А мне уже нечего бояться. После этого кладбища для отдыхающих я вообще ничего не боюсь.

— И все-таки такси сейчас не ходят.

— Плевать! Возьму чемодан и пойду в аэропорт пешком! — крикнула я и направилась в дом за чемоданом.

ГЛАВА 11

Поднявшись по лестнице, ведущей вверх, я прошла мимо спальни Анатолия и, как только зашла в свою комнату, принялась лихорадочно собирать вещи. Когда чемодан был полон, в комнату вошел Анатолий и сурово сказал всего два слова:

— Не глупи.

— Извини, но в тюрьму мне что-то не хочется.

— Не хочется, говоришь?

— Не хочется. Я, между прочим, для тюрьмы рожей не вышла. Мы же с тобой договорились: я уезжаю в Россию, а ты вызывай свою долбанную полицию. — В этот момент мое сердце ухнуло куда-то вниз, и я увидела, как Толино лицо исказилось в недоброй ухмылке.

— В тюрьму сажают не за рожу, а за поступки. Потому что за свои поступки надо отвечать. Значит, ты в аэропорт собралась?

— В аэропорт.

— Пешком?

— Пешком.

— С чемоданом?

— Своя ноша не тянет.

Как только я взяла чемодан в руки, Толя начал на меня наступать, безжалостно сокращая между нами пространство. Я пыталась отступить вместе с чемоданом, стараясь сохранить между нами хоть какую-то дистанцию, но Анатолий даже не думал останавливаться. Он наступал на меня до тех пор, пока я не очутилась около самой стены.

— В чем дело? — истерически взвизгнула я. — Ты непустишь меня в аэропорт? Ты хочешь сдать меня полиции?

Я молча смотрела на Анатолия, а сердце у меня в груди так и колотилось.

— Почему ты не отвечаешь на мой вопрос? — спросила я дрожащим от гнева голосом.

— Потому, что ты хочешь бежать и оставить меня с двумя трупами.

— Но ведь с тобой будет Лена.

— Эта Лена мне никто, ничто и звать никак.

— А мне показалось, что между вами что-то есть.

— В том-то и дело, что тебе показалось. Возможно, это глупая, бабская ревность.

— Ерунда. Я вообще ревновать не умею.

— А мне кажется, что наоборот.

— Так ты дашь мне пройти?

— Нет.

— Почему?

— Потому что даже если ты сейчас улетишь, то сюда в любом случае приедет полиция. Она свяжется с российской милицией, и ты в любом случае попадешь за решетку. Тебя ничего не спасет, даже твое бегство. Тебя все равно ждет тюрьма.

- Я отсижусь на даче у своих друзей.
- Но ты не можешь сидеть у них всю свою жизнь.
- Знаешь, Толя, давай с эти закончим, и я сама разберусь со своими проблемами.
- А ты уверена, что ты сможешь?
- Уверена. Я уже привыкла все делать сама. Понимаешь, привыкла?!
- А как же я?
- А ты при чем?
- Я бы хотел тебе помочь.
- Помочь?! Надо же, а я и не рассчитывала на твою помощь. Мне казалось, что ты не помогаешь душевнобольным женщинам. Ведь ты меня считаешь именно такой?
- Совсем не важно, кем я тебя считаю. Важно, что я хочу тебе помочь.
- Никогда бы не подумала, что ты можешь протянуть руку помощи.
- Я хочу тебе помочь. И тебе и себе тоже.
- Каким образом?

Толя посмотрел на часы и быстро проговорил:

- Знаешь, у нас уже нет времени рассуждать и выяснять отношения. Нужно действовать. Сейчас около пяти утра. Скоро с дискотеки придут арабы, и тогда будет поздно.
 - Будет поздно для чего?
 - Для того, чтобы действовать. Сейчас мы берем с тобой труп Киры и тащим его к морю.
 - Что?! — Я съежилась и посмотрела на Толю полными ужаса глазами.
 - Я же тебе говорю, что у нас нет времени взвешивать все «за» и «против». Надо действовать. Берем труп Киры и тащим его к морю.
 - Зачем?
 - Затем, чтобы скормить его рыбам.
- От этой фразы меня затрясло как в лихорадке, перед глазами все поплыло.
- Скормить рыбам?!
 - Ну, понятное дело, что не волкам. Тут, к сожалению, волки не водятся.
 - А что мы будем делать со спасателем?
 - То же, что и с Кирой. Дубль два.

— Дубль два?

— Да что ты стоишь?! У нас нет времени. Дотянули уже до последнего. Уже тянуть-то больше некуда. Сейчас арабы вернутся, и тогда все. Лена сказала, что они обычно к шести приезжают. У нас осталось около часа.

Толя заставил меня бросить чемодан, схватил за руку и потащил в свою спальню. Там он сорвал с кровати темное цветастое покрывало и принялся закутывать в него Киру.

— Надо, чтобы крови поменьше было, а то сейчас всю лестницу вымажем, весь дом. Всю лестницу. Хватай ее за ноги, а я за руки, и потащим волоком.

— Что? — откликнулась я, как в тумане.

— Я говорю, потащили ее! У нас времени нет.

— Куда?

— В лодку.

— В какую лодку?

Толя все больше и больше терял терпение, но все же находил в себе силы для того, чтобы отвечать на все мои вопросы.

— На берегу катер. Там нас ждет Лена. Она прекрасно им управляет.

— Что?

— Я говорю, что сейчас мы положим два трупа в катер, отплывем на приличное расстояние и скинем их в воду.

— Что?

— Я говорю, ноги хватай! Ты чего, совсем дура?! Я тебя из петли вытаскиваю, а ты мне вопросы задаешь!

— Из какой петли?

— Из обыкновенной. Это я так, образно говорю! Хватай ее за ноги!

— Что?

Тут Анатолий подошел ко мне как можно ближе и отвесил мне капитальную пощечину.

— Хватит чтокать! Дура!

Если бы Анатолий отвесил мне эту пощечину днем раньше, то я бы не осталась в долгу и выдала ему по полной программе, но сейчас... Но сейчас эта пощечина привела меня в чувство, заставила трезво взглянуть на вещи и понять, что я просто обязана взять себя в руки и начать действовать. Потрогав щеку, я тут же утвердительно закивала головой и схватила Киру, замотанную в покрывало, за ноги. Когда мы вытащили ее из дома и остановились, чтобы отдышаться, Толя достал сигарету и со словом «перекур» жадно затянулся.

- Толя, а как же Лена? — В моем голосе по-прежнему сквозили нотки, близкие к истерике.
- С Леной я решил вопрос.
- Каким образом?
- Финансовым, каким же еще.
- И она согласилась?
- Еще бы она не согласилась. Человек прилетел сюда для того, чтобы заработать денег. Он горбатится на этой вилле уже несколько лет. Я дам ей столько, что ей больше вообще никогда не придется горбатиться. По-моему, лучше и придумать нельзя. Ты со мной согласна?
- Согласна, — судорожно кивнула я головой.
- А если согласна, то хватай труп за ноги и потащили его к морю.

При мысли о том, что Толя назвал Киру трупом, мне стало как-то не по себе, но я все же схватила ее за ноги. Признаться честно, в этот момент вся моя злость и ненависть к этой женщине почему-то прошли. Я даже не думала о том, что она хотела меня убить. Я думала о том, что она мертва, что ее просто нет, что она уже не дышит, ничего не слышит, ни на что не реагирует, ничего не может сказать и даже не имеет представления о том, что мы тащим ее за ноги... Почему женщина в браке с головой окунается в роман на стороне? Понятно, что это происходит от того, что ей чего-то не хватает и она ищет это что-то на стороне. Да разве в браке может чего-то хватать? Разве может? Разве брак может быть идеальным? Нет, я никогда не верила и не поверю в идеальный брак, что бы мне ни говорили и какие бы примеры и доводы ни приводили. Идеального брака нет, его просто придумали. По крайней мере, это мое личное мнение, я никому его не навязываю, я просто думаю именно так. Чего же не хватало в браке Киры? Любви, денег, счастья, понимания, уверенности? Этот вопрос останется с ней, только она знала на него правильный ответ. Почему она предпочла мужа богатому любовнику и решила разорвать многолетнюю связь, а затем резко изменила свое решение и вылетела сюда, чтобы восстановить разорванные отношения? Зачем она оделась в костюм ковбоя и почему она настолько хладнокровно хотела меня убить? Ведь она шла на преступление, закрыв глаза на то, что у нее осталась семья. Скорее всего, когда она приехала на виллу, то услышала от Лены с Катей, что я шизофреничка с глюками. Услышав про гуляющего по берегу ковбоя, она решила им нарядиться и окончательно меня добить. Где она взяла костюм? Купила? Сомневаюсь, что в здешних однотипных магазинчиках можно купить что-нибудь подобное, там, кроме кальянов, национальных костюмов и различных зверюшек из камня, вообще ничего нет. Тем не менее она его где-то нашла. Возможно, она нашла его именно в тот момент, когда заявила, что плохо переносит акклиматизацию, и закрылась у себя в комнате. Притворившись больной, она поймала такси и уехала в город в поисках нужной вещи. Гуляющего по берегу ковбоя я видела задолго до того, как на виллу прилетела Кира. Получается, что, как только Кира про него услышала, она поняла, что это мое слабое место, и решила меня добить. Значит, придуманный Кирином образ не имеет к настоящему ковбою никакого отношения. Значит, настоящий ковбой по-прежнему на вилле и следит за каждым моим шагом. Он видит, как мы тащим труп к морю и как будем грузить его в катер. На что рассчитывала Кира, если бы смогла меня убить? Списать это преступление на ковбоя-призрака и выйти сухой из воды, заполучив при этом Анатолия? Все эти вопросы поглотит море вместе с ней, и я уже никогда не смогу найти правильный ответ. Кира получила по заслугам, а я... Я не хотела ее убивать. Я просто боролась за жизнь... Слишком много вопросов без ответов. Зачем Кира убила спасателя? Или его убил настоящий ковбой? Кто передел Киру, пока я была без сознания, и зачем?

— Маш, ты о чем думаешь?

— Что?

— Ты о чем думаешь? — донесся суровый голос Анатолия. — Ты в каких облаках витаешь? Ты тащишь или просто создаешь видимость?

— Тащу.

— А мне кажется, что ты просто создаешь видимость. Ты о чем думаешь?

— Да, так. Обо всем. Просто все как-то запуталось, а главное, я никак не могу этот клубок распутать.

— Не загружай голову.

— Толя, а тебе ее жалко?

— Кого?

— Киру.

— А ты как думаешь?

— Жалко, конечно, ты ведь ее любил.

— Маша, не бреди раны, и так тошно. Вон, Ленка нас уж в катере ждет.

Как только нам удалось перетащить Киру в катер, который стоял у причала, неподалеку от домика спасателя, Толя тут же закурил сигарету и вновь посмотрел на часы.

— По времени вроде укладываемся. Лена, сбегай в дом. Возьми тряпку и вытри везде, где кровь. Я Машу не стал об этом просить, а то она не в себе, может чего-нибудь не заметить, а нам никаких следов оставлять нельзя. Давай, посмотри все своими глазами и сделай так, чтобы все было чисто. А мы пока Сайда перенесем. Как вернешься, сразу отчаливаем.

Лена кивнула головой и бросилась в сторону дома.

— Лена! — крикнул ей вслед Анатолий.

Лена тут же остановилась и посмотрела в нашу сторону.

— Что? — еле слышно спросила она.

— Вискарикахвати бутылочку.

— Виски?

— Ну да, вискарика.

— Хорошо. — Лена кивнула головой и побежала.

— А виски кому? — тихо спросил я Толю, когда мы направились к домику спасателя.

— Тебе, кому же еще.

— Мне?

— Тебе.

— А зачем?

— Затем, чтобы ты в себя пришла, а то стоишь, как не знаю кто, того и гляди сознание потеряешь.

— Не потеряю.

— Не зарекайся. Я слишком часто в последнее время видел тебя без сознания.

Когда мы вошли в домик спасателя, Толя взял Сайда на руки и сказал:

— Этого я сам дотащу. Уж больно он мелкий, тем более что здесь недалеко. А ты по-быстрому прибери немного. Смотри, чтобы крови нигде не было.

Как только Толя вынес Сайда, я схватила окровавленное постельное белье, прикрыла кровать покрывалом, вытерла кровь на полу и понесла грязное белье в катер.

— Это грязное белье.

— Бросай его сюда. Мы в него трупы замотаем и веревкой их свяжем.

Сев рядом с Толей, я поджала под себя ноги, трясущимися руками поправила волосы и тихо спросила:

— А Лена где?

— Сейчас придет. Сама понимаешь, что такое дом. С минуты на минуту арабы вернутся. Нужно, чтобы и близко ничего не осталось, а мы там наследили капитально.

— Чем мы наследили? — не поняла я.

— Кровью. Сейчас Ленка придет и сразу отчаливаем.

— Ты уверен, что она придет?

Видимо, Толю задел мой вопрос, и он тут же изменился в лице.

— А куда она денется? — как-то нерешительно проговорил он.

— Мало ли. Может, куда-нибудь и денется.

— Что ты имеешь в виду? — Лицо Анатолия тут же стало свирепым.

— Да я так просто.

— Нет уж, ты договаривай.

— Я просто подумала, вдруг она в полицию поехала...

— Она что, дура, что ли?

— Может, у нее нервы не выдержали. Увидела, как мы с тобой труп тащим, перепугалась и побежала в полицию.

— Ерунда. Я ей столько денег пообещал, что она ни про какую полицию даже и не вспомнит. Ей таких бабок за всю жизнь не заработать. Она баба умная, с головой. Тем более она уже соучастница преступления.

— Какая же она соучастница, если она никого не убивала?

— Если она с нами заодно, значит, уже соучастница.

— Не поняла.

— Она уже нам помогать начала, значит, в любом случае она соучастница.

— А как она нам помогать начала, если она для нас еще ничего не сделала? То, что она в катере немного посидела, не в счет...

— Она сейчас кровь по всему дому вытирает.

— А ты уверен, что она ее вытирает?

— Уверен. И вообще, хватит городить чушь. Лена останется при своих интересах. За молчание и за то, что она ничего не видела и ничего не слышала, она получит хорошие бабки. Даже очень хорошие. Тем более девчонке надоело здесь горбатиться, и она согласна на все. Я с ней это уже обговорил. Сейчас от трупов избавимся, и все будет нормально.

Не успел Анатолий договорить свои слова, как появилась Лена с бутылкой виски в руках и тремя одноразовыми стаканчиками.

— Ну как? — Анатолий взял из ее рук бутылку и разлил всем по чуть-чуть.

— Все чисто. Никаких следов.

— Молодец. Еще никто не вернулся?

— Нет, но скоро начнет светать.

— Значит, мы уложились вовремя. Ну, все, ребята, за успех нашей операции. Давайте выпьем.

Мы подняли свои стаканы и быстро выпили обжигающее виски.

— За удачу, — сказала Лена и закурила.

— За то, что мы сделали дело, в котором нет и не может быть свидетелей, — устало прибавил Анатолий и вместе с Леной принялся заводить мотор.

— У нас есть свидетель! — громко крикнула я, когда мотор уже был заведен.

— Кто? — в один голос спросили меня Толя и Лена.

— Тот, кто передел Киру.

— Все понятно, этот свидетель нам не страшен, — ухмыльнулся Анатолий и налил себе еще

виски.

— Ты зря так думаешь.

— Я знаю, что думаю.

— Ты думаешь, что Киру никто не переодевал? Что это были опять мои видения?! Ты ошибаешься, ведь я говорю правду. Эта твоя ошибка может выйти нам боком. Свидетель есть, и я уверена, что он за нами наблюдает и даже в глубине души над нами смеется.

— Смеется?!

— Конечно, он же видит все, что мы делаем. Как и прежде, Анатолий не воспринял мои слова серьезно и, когда катер повез нас в морские дали, протянул мне бутылку виски.

— Выпей хорошенько и забудься. Ты почувствуешь себя значительно лучше.

— Жаль, что ты мне не веришь.

— Может быть, но я просто привык реально смотреть на вещи. Понимаешь, реально?! — последние слова Анатолий уже не сказал, а выкрикнул.

— Не понимаю, — глухо промолвила я и отвернулась.

— Я смотрю, ты многого не понимаешь. Тогда сиди и пей виски.

— Вот я и сижу и пью, — пробурчала я себе под нос и закинула ногу на ногу.

Пока Лена и Анатолий управляли катером, я пила виски прямо из горла, пытаюсь убить в себе всепоглощающий страх и хоть немного успокоить обнаженные нервы. Мои спутники о чем-то громко беседовали и даже смеялись, а я... Я старалась не смотреть в их сторону, не встречаться с ними взглядом и не думать о том, что сейчас происходит.

Я вдруг подумала о том, что жизнь чертовски несправедлива, что она преподносит мне какие-то страшные сюрпризы и отбирает единственное, что у меня было, — спокойствие. Я так и не встретила человека, который бы смог обо мне заботиться, решать мои проблемы, который бы верил каждому моему слову и не мог без меня жить. Я не верила в нерушимую любовь, но в глубине души я все же о ней мечтала. Я мечтала о том, для кого бы я была солнечным лучом, о том, кто бы был для меня поддержкой и опорой, спасательным кругом в бурном жизненном море. Я всегда так мечтала купаться в любви... Господи, разве я об этом мечтала... Как же мечтала... Я хотела, чтобы вся моя жизнь была большой любовью. Вся моя жизнь... Ведь это же так здорово — знать, что рядом с тобой человек, которого ты можешь искренне и страстно любить; ведь только пылкая любовь позволяет людям чувствовать себя людьми и даже в плохом искать хорошее. Как ни крути, любая женщина нуждается в страстной, всепоглощающей привязанности, так почему же всего этого лишена я? Почему? Не слишком ли много испытаний для такой хрупкой и одинокой женщины, как я? И еще. Еще я почему-то опять подумала о Вадиме... Именно сейчас моя тоска по Вадиму заглушила мою гордость и обиду на него за все эти годы обмана. Я вспомнила те страшные времена, когда Вадим уезжал к своей жене, а я ходила из угла в угол и задыхалась от собственных рыданий, дергала себя за платье, заламывала руки и спрашивала себя, почему же у меня все не как у людей. Почему? А затем, когда я успокаивалась и ложилась спать в свою одинокую и холодную постель, я чувствовала, как меня обжигает чудовищный гнев. Я начинала ненавидеть Вадима со страшной силой, да и не только Вадима, но и всех мужчин, вместе взятых. Но как только он приходил, я бросалась к

нему на шею, радовалась, словно ребенок, и от моей ненависти не оставалось даже следа... Все эти годы я боролась со своим чувством и со своей тоской. По ночам меня часто мучили кошмары, я металась во сне, кричала, а наутро смотрелась в зеркало и обещала самой себе начать новую жизнь и обязательно найти того, для кого я бы смогла стать единственной. Все дни я искала того, с кем бы мое красивое лицо озарилось счастливой и прекрасной улыбкой, дающей необъяснимый свет и тепло. Я искала того, кому была бы нужна моя странная смесь кокетства, задумчивости, лукавства и нежности. Но вместо этого я нашла горе, действующее на женскую душу, как кислота на глаза. А ведь я всегда мечтала о счастье в глазах и о настоящей власти над мужчинами. Я мечтала отомстить всем мужчинам за мое вечное одиночество и проделывать с ними все, что мне захочется... Я хотела познать любовь, любовь всех мужчин, которые мне знакомы. Я хотела, чтобы ни один из мужчин не смел никогда меня разлюбить, даже когда мы с ним расстались бы. Я хотела, чтобы мужчины любили меня вечно. Одному Господу Богу известно то, как же сильно я этого хотела. Я хотела разбивать мужские сердца и своими слезами склеивать их опять. Я хотела делать это только от того, что у меня не было одного-единственного, которого я ждала долгие и долгие годы...

— Маша, ты опять там думки думаешь?! — донесся до меня раздраженный голос Анатолия.

— Что? — Я попыталась вернуться в реальность.

— Я говорю, ты опять мечтаешь?

— Я?

— Ты.

— Нет. Просто я устала.

— Сейчас вернешься и выспишься хорошенько.

— Я вообще устала. Я жить устала! Ты когда-нибудь уставал жить?

— Нет. Ты знаешь, таких людей почти нет.

— Каких людей?

— Тех, которые устают жить, — сказал Толя с недоброй усмешкой.

— А я устала! Я просто устала! Лена, а ты уставала жить? — громко крикнула я девушке.

— Нет, что вы! — радостно прокричала та. — Жизнь прекрасна! Жизнь так прекрасна!

— А, по-моему, это вранье, что она прекрасна... по-моему, это люди выдумали!

— Люди?!

— Да, люди.

— А для чего?

— Что для чего?

— Для чего они это выдумали?

— Для того, чтобы облегчить себе жизнь.

— Я с этим не согласна.

— И все же это так. Жизнь утомительна.

— А для меня нет! — как-то возбужденно крикнула девушка. — Мне нравится жить! Вы даже представить себе не можете, как мне нравится жить! Я хочу жить долго и счастливо! Я хочу дожить до ста лет!!! У меня скоро будут деньги, а значит, у меня теперь будет та жизнь, о которой я мечтала! С деньгами совсем другая жизнь! Совсем другая! С деньгами ты можешь построить ее так, как тебе хочется!

— Значит, для полного счастья тебе нужны деньги?

— Деньги делают людей счастливыми! — громко крикнула Лена и мечтательно закатила к небу глаза. — Деньги дают власть, силу, уверенность в завтрашнем дне.

— Возможно, ты и права. Я тоже боюсь нищеты. Больше всего на свете я боюсь нищеты, потому что я в ней родилась и провела слишком много лет. Слишком много, особенно для женщины... А что ты купишь, когда у тебя будут деньги?

— Квартиру, машину.

— Квартиру и машину?! — переспросила я и прикинула, какую сумму пообещал Анатолий Лене. По моим меркам это была довольно приличная сумма. За такие деньги девочка может скидывать в воду сотни трупов и не чувствовать ни малейшего укола совести. Теперь понятно, почему она так старается, а ее глаза прямо светятся. Она дала себе установку, что сейчас не происходит ничего из ряда вон выходящего, что сейчас она просто выполняет свою работу, за которую получит хорошие деньги. Она просто выполняет свою работу... Обыкновенную работу, которая даст ей путевку в жизнь.

— Всю свою жизнь я мечтала иметь собственный угол, — продолжила девушка. — Я ведь детдомовская, сами понимаете. Можно сказать, что я с улицы. Для меня собственная квартира — это несбыточная мечта. Пусть маленькая, но зато своя. Я бы в нее всю душу вложила.

Когда Анатолий и Лена заговорили между собой, я с ужасом посмотрела на волны и, стараясь перекричать мотор, спросила:

— Толя, долго еще ехать?

— Уже приехали!

— По-моему, сейчас начнется шторм.

— Ерунда, здесь шторма не бывает.

— А акулы?

— Для акул у нас есть угощение. Понимаешь, какое? Когда мы проплыли мимо другого, довольно большого катера, уже начало светать.

— А это кто?

— Это люди на рыбалку приехали, — объяснила мне Лена. — Тут многие экскурсии еще ночью

отплывают, чтобы с утра пораньше порыбачить.

— Не боятся?

— Нет, что вы! Некоторые уплывают и на два дня, а есть экскурсии даже на неделю. Там красивые каюты, отличная кухня... Люди с удовольствием рыбачат, загорают, купаются, радуются своему улову и прямо на судне его готовят.

— Наверно, это дорогое удовольствие?

— Кто может себе это позволить, тот и заказывает подобную рыбалку. А сейчас таких много. Даже очень много. Научились зарабатывать деньги.

Когда катер с рыбаками остался где-то вдаль, Анатолий выключил мотор и слегка побледнел:

— Ну что, пора действовать.

Я вытерла со лба холодный пот, опустила глаза, вцепилась в бутылку виски и снова начала пить прямо из горла. Мне было даже страшно подумать о том, что мы заплыли неведомо куда, и притом с двумя трупами на борту.

— Я смотрю, от Машки пользы мало, — злобно проговорил Анатолий и потер ладони.

— А что я должна делать?

— Пьянствовать, — съязвил Толя.

— А я этим и занимаюсь.

— Я вижу, потому что ничего другого ты больше делать не умеешь. А мы, между прочим, для тебя стараемся. Твои улики убираем. Хоть бы спасибо сказала.

— Спасибо, — буркнула я и вновь отпила виски.

— На здоровье, — съязвил Анатолий. — Приходите еще. Поможем чем сможем. Лена, давай ты будешь мне помогать, а то с этой пьянчужки толку мало.

— Вы говорите, что делать, и я буду вам помогать, — с энтузиазмом откликнулась девушка.

— Ты говорила, что здесь есть гири. Где они?

— Вот тут. — Девушка показала на небольшой ящик и быстро его распаковала, а затем печально произнесла:— Сайд на берегу спортом заниматься любил, вот и держал их в этом катере. Бегал, прыгал, гири таскал...

— Значит, говоришь, Сайд любил эти гири? — уточнил Анатолий.

— Очень любил, — подтвердила девушка. — В ящике ровно четыре гири. Они большие. Он вроде сам мелкий, а гири таскал здоровенные. Я всегда ему поражалась: надо же, маленький, а такой сильный.

— Это очень хорошо, что Сайд гири любил. Даже очень хорошо. Человек в мир иной должен уходить только с любимыми вещами. Вот мы ему гирию и привяжем, чтобы он подольше не всплыл и его как можно быстрее рыбы съели. Может быть, он на морском дне гирию и потягает.

Ему полезно. Спорт есть спорт. Народ подсаживается на него как на наркотик и уже не может бросить.

Толя достал веревку и привязал к груди Сайда довольно внушительную гирию.

— Он с ней при жизни не расставался, значит, не расстанется и после смерти. Лена, помоги мне его сбросить.

Как только Лена и Анатолий сбросили Сайда в воду, я закрыла лицо ладонями, а затем сделала еще один довольно внушительный глоток виски. Лена перекрестила море и даже прочитала какую-то молитву.

— Спи спокойно, Сайд. Ты был очень хороший друг и надежный товарищ, — незаметно смахнула она слезы.

— Спать он будет спокойно, не переживай. — Анатолий взял веревку и принялся привязывать гирию к груди Киры. — Спасатель, который большую часть своей жизни проводит на воде, должен быть в ней и похоронен.

Обняв бутылку виски, я испуганно наблюдала за действиями Анатолия, и не верила собственным глазам.

— А если нас спросят, где Сайд? — задала я вопрос.

— Кто?

— Ну те, кто его будет искать?

— Скажем, что уехал в Каир проведать свою семью и не вернулся. Больше мы его не видели и ничего о нем не слышали, — совершенно спокойно объяснил Анатолий и в привязав гирию на груди Киры, подошел ко мне, взял у меня бутылку виски и сделал несколько внушительных глотков. Затем протянул бутылку Лене и предложил: — Лена, будешь?

— Нет, спасибо, — замотала она головой и вновь грустно посмотрела туда, где ушел ко дну труп Сайда.

— Ты что, по Сайду грустишь? — Анатолий вернул мне бутылку виски.

— Хороший был человек.

— Тебе что, арабы нравятся?

— Есть очень даже неплохие арабы. Сайд был одним из них.

— А я к арабам как-то не очень.

— Какая разница, араб не араб, лишь бы человек был хороший.

— Они же все мусульмане.

— Какая разница.

— Какая разница, какая разница, — передразнил девушку Анатолий. — У них у всех хер обрезан.

— Ну и что, — не отступала Лена. — У русских ничего не обрезано, а дерьмовых людей столько, что хоть на стенку лезь. — Нельзя судить о человеке по одной национальности.

— Уж больно ты за арабов заступаешься.

— Я несколько лет прожила в Египте и как-никак их знаю. Этим все сказано.

— Ладно, люби кого хочешь — хоть арабов, хоть русских, хоть африканцев, только помоги мне второй труп в воду выкинуть. Я не скажу, что Кира любила спорт при жизни, но мне тоже пришлось привязать к ее груди гиру. — В этот момент лицо Анатолия резко изменилось. В нем появилось что-то новое: какая-то незащитность, испуг, сожаление, а на глазах выступили слезы. Он сел на колени, склонился над Киру и поцеловал ее в губы. Затем поцеловал ее в лоб, туда, где зияла страшная окровавленная рана.

— Спи спокойно, любимая. Спи спокойно, — тихо сказал он, с трудом сдерживая слезы. — Извини, что так получилось. Пройдет время, и я поставлю тебе красивый памятник: гранитная плита, а на ней твоя точеная фигурка... — Когда Толя поднял свое смертельно бледное лицо, на его губах была кровь Киры.

В эту минуту я ощутила какой-то глупый укол ревности и даже подумала, что Анатолий никогда не испытывал ко мне особых чувств, он всегда любил только Киру. От этой мысли мне стало еще хуже, и я вновь приложилась к бутылке. Эта женщина хотела меня убить, но, несмотря ни на что, ее целуют в губы и говорят ей подобные слова. Мне даже показалось, что он злится на меня из-за того, что увидел живой не Киру, а меня, что он хотел поменять нас местами.

Как только Анатолий и Лена сбросили Киру в воду, Толя достал носовой платок и промокнул им изрядно вспотевший лоб.

— Уже рассвело, — тихо сказала Лена и принялась вновь смотреть туда, где мы сбросили Сайда. — Мы все успели. Пора трогаться обратно.

— Ну что ты опять смотришь туда, где плавает твой араб? — Анатолий положил платок в карман и покачал головой: — Нашла по кому тосковать, по какому-то арабу. Терпеть не могу, когда наши русские девки увиваются за арабами.

— А я и не увиваюсь. Я просто тоскую по другу.

— Ты так стоишь, смотришь на эту воду, словно к нему хочешь, — нервно рассмеялся Анатолий.

— Это черный юмор, — серьезным голосом произнесла Лена и, посмотрев на недавно появившееся солнце, перебралась поближе к мотору, для того, чтобы его завести.

— Смотри, а то я могу тебе помочь. Зачем по нему тосковать, если ты сможешь быть с ним рядом?

Сказав последнюю фразу, Анатолий полез в карман брюк, достал пистолет и выстрелил Лене в спину. Лена слегка вскрикнула и осела на дно катера. Толя поднес пистолет к ее голове и еще раз выстрелил прямо в темечко.

— Вот видишь, я тебе помог, — произнес он ледяным голосом. — Нехорошо, когда друзья расстаются. Друзья должны быть всегда вместе, на то они и друзья.

Не обращая на меня никакого внимания, он достал из коробки третью гирию и принялся ее привязывать к груди Лены...

— Вот и еще одна гирия пригодилась. Вот и пригодилась...

ГЛАВА 12

Я сидела ни жива ни мертва и с ужасом наблюдала за тем, как Толя завязывает веревку с гирей на груди Лены. Затем мой взгляд упал на коробку, где лежала четвертая гирия, и я со всей отчетливостью осознала, что эта гирия предназначена для меня. Оглядевшись вокруг, я подумала, что мне конец: даже если я и спрыгну с катера в море, то до берега все равно не доплыву, сил не хватит. А может, Анатолий меня пристрелит, едва я окажусь в воде...

Когда Анатолий сбросил труп Лены в море и посмотрел в мою сторону, я выгнулась, как струна, встала в полный рост и то ли от шока, то ли от испуга закричала пронзительным голосом:

— Не смей ко мне приближаться! Не смей!

— Ты чего орешь? — не понял меня Анатолий.

— Эта четвертая гирия, оставшаяся в коробке, лежит по мою душу?!

— Ты что, совсем дура?! Просто так она лежит. Неужели ты думаешь, что я хочу убить и тебя?! Ты что, совсем сбрендил?! Если бы я хотел тебя убить, то зачем мне нужно было бы к тебе подходить?! Я бы просто выстрелил в тебя с расстояния, и все. — Толя заметно нервничал, но все же старался держать себя в руках.

— А ты разве стреляешь на расстоянии? Мне казалось, что ты стреляешь только в спину. И вообще, если ты сделаешь хоть один шаг в мою сторону, я тут же выброшусь в воду. Лучше быть съеденной какими-нибудь кровожадными рыбами, чем убитой тобой.

Анатолий рванулся было мне навстречу, но остановился, потому что осознал, что если он сделает ко мне хоть шаг, то выбьет из меня остатки здравого смысла и я точно брошусь в воду.

— Маша, но это же смешно. С чего ты взяла, что я хочу тебя убить?! Ведь все, что я сейчас делал, я делал только ради тебя. Я же просто помог тебе избавиться от трупов.

— Только и всего?!

— Только и всего.

— А зачем ты убил Лену?

— Затем, что свидетели нам не нужны. Она потребовала с меня за молчание сто тысяч долларов. Ты только вдумайся: не пять, не десять, а целых сто! Ну да, всю жизнь прожила в дерьме, а тут подвернулся случай, и она захотела хапнуть сполна. Так нельзя, во всем надо меру знать.

— Но ведь ты пообещал ей эти деньги?!

— Пообещал, а что мне, по-твоему, оставалось делать?! Она же могла поехать в полицию и сдать тебя. И вообще, ты что думаешь, мне жалко этой сотки баксов?! Да для меня это не

расход. Но ты сама посуди, кому отдавать?! Девке, которая никогда в жизни не держала в руках настоящих денег. Она бы быстренько их спустила и стала бы нас шантажировать все оставшиеся годы. Она свидетель, пойми. Она просто свидетель, и от этого никуда не денешься. Такие дела нужно делать без свидетелей, иначе затем все равно это все аукнется и выльется наружу. Кто ее будет искать?! Да никто! Может, она пошла купаться и утонула... Она же детдомовская, нет никого у нее. И никогда не думай, что молчание можно купить за деньги. За деньги можно купить временное молчание, и не более того. А затем придется платить всю жизнь. Спать спокойно можно, только ликвидировав свидетеля. Я не мог ее не убрать. Сейчас ты в шоке, но потом ты поймешь, что я был прав. Я еще раз повторяю: дело тут не в деньгах. Просто эта Лена рассказала бы потом об увиденном Кате, Катя — Вале, Валя — Тане, Таня — Жанне и так далее. Я понимаю, что тебе ее жаль. Поверь, мне тоже ее очень жаль, я же не рецидивист какой-нибудь и не маньяк. Да, она молодая, красивая. Да, у нее вся жизнь впереди. Вернее, была впереди, но что поделаешь. Так сложились обстоятельства, и от этого никуда не денешься. Пойми, другого выхода просто не было. Свидетелей надо всегда убирать.

— А ведь я тоже свидетель... — прошелестела я.

— Ты не свидетель. Ты та женщина, ради которой я все это делаю. Если бы я к тебе ничего не чувствовал, неужели бы я так рисковал?! Сама посуди, зачем мне все это нужно? Зачем?! Зачем бы я избавлялся от этих трупов?! Я бы просто сдал тебя полиции, и все!

— Ты не сдал бы меня полиции, потому что я стреляла из твоего пистолета, а ты сам говорил мне, что это статья. Все заинтересовались бы, откуда у тебя оружие... Ты просто спасал свою шкуру.

— Ерунда! — истерично засмеялся Анатолий. — Уж с этим-то я бы как-нибудь разобрался, уж поверь. Я бы просто дал кому надо на лапу, и все. И тогда никто бы и не вспомнил о том, что это мой пистолет. Вообще никто. Зачем бы я прятал трупы, убивал ненужных свидетелей?! Неужели ты не поняла, что я делал все это для тебя?! Только для тебя, и ни для кого больше! Это ты рассудком повредила и заварила всю эту кашу, а я ее расхлебывал и вот что получаю в благодарность! Ты смотришь на меня, как на убийцу! Ты боишься, что я доберусь до тебя! Тогда какого хрена я все это делал?!

— Можно было ей заплатить.

— Сколько?! Сто тысяч долларов? — еще больше побледнел Анатолий. — Сто тысяч долларов?! Ты хоть понимаешь, что это за сумма?! Понимаешь?! Ты когда-нибудь держала такие бабки в руках?! — Но зачем ты ей пообещал?

— Я тебе уже объяснил, что у меня тогда не было другого выхода. Ты влезла в такое дерьмо, что я отдал бы все на свете за то, чтобы только тебя из него вытащить.

— И все же я не верю, что нельзя было без этого обойтись.

— Нельзя. Если бы я ее не убрал, то потом она отравила бы нам всю жизнь. И поверь мне, человеку, зарабатывающему деньги и знающему им цену: ее молчание столько не стоит.

— А что мы теперь скажем, когда вернемся?

— Кому?

— Не знаю, кому... Всем.

— Кому всем?

— Кате и тем арабам...

— А почему мы с тобой должны оправдываться?! Ночью мы взяли катер и уплыли на рыбалку, потому что с утра хорошо клюет. Мы встречали рассвет, ловили рыбу, а затем вернулись обратно. Мы не знаем, куда делась Лена. Быть может, она ушла купаться, а может, тоже уехала на дискотеку или встретила с кем-то из своих мужчин. Она взрослый человек в конце концов. Что мы ей, няньки, что ли?

— Как же она вышла из дома, если этого не видела служба безопасности?

— Я точно знаю, что в дом можно войти и выйти из него незамеченным. Когда я сидел в домике у охранников, курил с ними кальян и трепался за жизнь, им было глубоко наплевать на все, что происходит рядом с домом — они в окно даже ни разу не выглянули. Они ведь в кальян забили чего покрепче...

— А Сайд?

— Сайд уехал в Каир к родственникам. Взял несколько выходных и уехал.

— А Кира?

— После того как я сказал Кире о том, что не прощу ее предательство, она распсиховалась и то ли вернулась в Россию, то ли уехала в город и потерялась. А может быть, она утонула в ночном море.

— Все это так неправдоподобно. Слишком много народу пропало.

— Поверь мне, для Египта это нормально, учитывая, что кругом пустыня. Если бы все случилось в России, то действительно надо было бы кусать локти и кричать о том, что у нас большие проблемы. А здесь нужно расслабиться, взять себя в руки и жить по принципу: я ничего не видел и ничего не слышал.

— А как здесь жить? Все равно что на костях. По-моему, нужно возвращаться домой. На вилле оставаться опасно. Слишком много непонятого осталось в тени. Неровен час, еще в какую-нибудь историю влипнем.

— Сейчас нельзя улетать в Москву.

— Почему?

— Потому, что это будет слишком подозрительно. Пропали трое человек, а мы с тобой плюнули на дорогие путевки и вернулись домой. Какой напрашивается вывод?

— А может, возникли большие проблемы на работе.

— Все равно, все это очень подозрительно. Мы будем отдыхать, как отдыхали, и делать вид, что ничего не случилось.

— Я не могу!

— Почему???

— Потому, что я не могу это сделать, ни по моральным соображениям, ни по физическим.

— Я и спрашиваю тебя, почему?

— Потому, что оставаться на вилле опасно. Я понимаю, что ты мне совсем не веришь, но больше не хочу выглядеть душевнобольной. Я просто устала. На вилле находится человек, переодевший Киру, который следил за каждым нашим шагом и каждым движением, и, если он ее переодел, значит, ему это было нужно. Значит, он просто подставил меня. А еще... Еще тут бродит настоящий ковбой. И вообще, я больше так не могу! Я хочу домой! Бог мой, я и подумать не могла о том, что мне предложат пожить на роскошной вилле у Красного моря целый месяц, а я побуду на ней всего несколько дней и так страшно захочу домой, что меня уже никто и ничто не может остановить.

— Ты будешь на вилле столько, сколько нам положено, а это ни много ни мало, целый месяц.

— Но я не хочу!

— Чтобы не вызвать никаких подозрений, ты пробудешь на вилле положенный срок. — От голоса Анатолия повеяло таким холодом, что я больше не могла произнести ни слова. — И не нужно говорить, что ты чего-то не хочешь. Я не хочу это слышать. Я тоже не хотел тебе помогать избавляться от трупов и от лишних свидетелей, но тем не менее я это сделал.

Сказав эти слова, Анатолий медленно и даже как-то осторожно двинулся в мою сторону, и тут мне стало по-настоящему страшно.

— Не смей ко мне подходить! — громко крикнула я и затряслась как в лихорадке.

— Дура! Я же твой друг! Я же тебе помогаю!

Почувствовав еще более грозную опасность, я наклонилась, чтобы броситься в воду, но не успела. В два прыжка Анатолий оказался рядом со мной, и я ощутила силу его рук. Его хватка была слишком мощной и слишком жесткой. Я попыталась вырваться, но из этого ничего не получилось, — мой взгляд упал прямо на коробку, где лежала четвертая гиря, меня затрясло как в лихорадке. Я закрыла глаза, и стала гадать: когда же раздастся выстрел и куда именно он попадет, в грудь или в спину?

— Стой и не двигайся, дура!

Анатолий грубо и очень больно вывернул мне руку.

— Мне больно, — простионала я с глазами, полными слез.

— Тогда стой и не рыпайся, а то будет еще больнее. Ты точно на всю голову больная. Послушай, подруга, тебя случайно в детстве ниоткуда не роняли?! Я для нее старался, а она мне такие фортели в благодарность выкидывает! Ты куда собралась? В море? Ну, скажи, ты собралась в море?!

— В море.

— Зачем?

— От тебя хочу убежать...

— Зачем?

— Затем, что боюсь, что ты меня застрелишь.

— Послушай, ну почему ты такая дура?! Если бы мне было нужно тебя застрелить, я бы уже давно это сделал. Какого черта бы я тогда с тобой канителился?!

Меня по-прежнему трясло как в лихорадке, и я по-прежнему пыталась вырваться и броситься в воду. От того, что Анатолию не удавалось со мной справиться, он прижал меня еще крепче и ударил изо всей силы своей мощной рукой.

— Успокойся! Я тебе говорю, успокойся ты наконец! Хорош рыпаться, а то я сейчас точно тебя пристрелю! Задолбала!

Видимо, последние слова подействовали на меня должным образом, и я тут же замерла как вкопанная.

— Вот так. Молодец! Совсем другое дело. Так и стой.

И все же, как только Анатолий ослабил хватку, я тут же опять подалась вперед, но он резко отбросил меня назад.

— Ты что делаешь-то, дура?! Ты что, совсем по фазе сдвинулась?

В эту минуту я окончательно сдалась и зарыдала взахлеб:

— Не убивай меня, пожалуйста! Не убивай! Я хочу домой! Я очень хочу домой! Я ничего не видела, ничего не слышала и никому ничего не скажу, только отправь меня, пожалуйста, в Москву. Только отправь!!!

Поняв, что со мной невозможно сладить, Анатолий довольно сильно меня ударил — в надежде, что я моментально успокоюсь. Но я не успокаивалась. Я никак не успокаивалась. Тогда он ударил меня еще раз и бил до тех пор, пока я не перестала сопротивляться, не села на свое прежнее место, тихо поскуливая от боли. Я отбросила все попытки бежать и чувствовала только страх, испуг, шок и боль. Я вдруг подумала о том, что если Анатолий меня до сих пор не убил, то он и не собирается это делать. Когда я села без единого движения, словно прилежная и послушная ученица, Толя протянул мне остатки виски, предварительно сделав несколько глотков из горла сам, и устало сказал:

— Ну все, успокоилась? Давно пора. Никогда не думал, что привести тебя в чувство можно только кулаками. Теперь я включаю мотор, и мы плывем к берегу. Только смотри мне, без глупостей. Когда приплывем, делай вид, что все прекрасно и замечательно. И не забывай, что ты тоже убийца. Если я убил Лену, только чтобы она не навредила тебе, то ты убила Киру вообще непонятно зачем. А если кто-нибудь спросит про твои синяки, скажи, что немного со мной поругалась и мне пришлось тебя воспитывать.

Я поднесла бутылку виски ко рту и попробовала унять дрожь. Когда бутылка опустела, я кинула ее в воду, дождалась того момента, когда Анатолий завел мотор, закрыла лицо руками и тихонько заплакала.

— Посмотри на меня! — приказным тоном крикнул Анатолий.

Я сидела без движений и тихонько всхлипывала.

— Я сказал тебе, чтобы ты на меня посмотрела! Ты меня слышишь?!

— Что?

— Я говорю, что хочу, чтобы ты на меня посмотрела! С огромным нежеланием я все же убрала руки от лица и посмотрела на Анатолия. Я таращилась на него до смерти испуганным взглядом, кусала губы, чтобы они перестали трястись, и думала о том, что он сказал мне это, потому что он не хочет стрелять мне в спину. Он хочет выстрелить мне в лицо. Но вопреки моим опасениям, Толя наклонился к ящику, достал оттуда пресловутую четвертую гирю и выкинул ее в воду. Затем он вытащил пистолет и кинул его следом за гирей.

— Теперь ты видишь, что я не хочу тебя убивать?! Теперь ты видишь, что я твой друг, а не враг?! Ты это видишь?! Я выкинул этот пистолет ровно по двум причинам: во-первых, потому что я совершенно не собирался тебя убивать, а во-вторых, потому что из этого пистолета убиты Кира и Лена. На нем висит два преступления, а значит, от него лучше всего избавиться.

Я не сводила с Анатолия глаз и чувствовала, как сквозь холод и ужас пробегает какая-то еле уловимая нить тепла и мне и в самом деле становится легче. Я даже не помню, как мы доплыли до берега. За все время пути я не произнесла ни единого слова. Когда Анатолий мне помог сойти с катера, я испуганно посмотрела на виллу, полную призраков, и слегка попятилась назад.

— Мне что-то не хочется в дом...

— Пошли, тебе нужно хорошенько выспаться.

— Я хочу домой. Я хочу в Москву.

— Выспишься, и все будет нормально. В Москву нам пока нельзя.

— Как я могу выспаться после того, что произошло? С чего ты взял, что я вообще засну?

— Ты заснешь как убитая. Иди в спальню, а я зайду к ребятам из службы безопасности.

— Зачем? — В моих глазах по-прежнему был испуг.

— Затем, чтобы немного с ними посидеть, засветиться.

— Как засветиться?

— Ты не знаешь, что такое засветиться?

— Нет.

— Засветиться — это значит побыть немного на виду. Теперь тебе понятно?

— Понятно.

— Скажу, почему, мол, в доме пусто, где, мол, Сайд, наверное, поехал к своим в Каир? Я недолго. Я должен это сделать. Немного покручусь и иду к тебе.

Анатолий натянул на лицо неестественную улыбку и отправился в пристройку к охранникам из службы безопасности, а я пошла в дом. Чуть ли не на пороге дома я столкнулась с ярко накрашенной и чересчур броско одетой Катериной, которая откровенно зевала и пыталась расчесать волосы, покрытые цветным и неестественно ярким лаком. Увидев меня, она выронила расческу из рук, но тут же пришла в себя и быстро ее подняла.

— Здрасьте.

— Здравствуй, Катя. — Я боялась встретиться с ней взглядом и отвела свои заплаканные глаза в сторону.

— Я только приехала. Я на ночной дискотеке вместе со своим любимым человеком была, — растерянно заговорила девушка. — Всю ночь протанцевала, но вы не переживайте, на мою работу это никак не влияет. Это совсем не означает, что я сегодня весь день спать буду и на работу не выйду. Я к такому образу жизни уже привыкла. Я сейчас возьмусь за дело, а потом просто пораньше спать лягу. Я со своим парнем через день встречаюсь.

— А твой парень араб? — неожиданно для себя самой задала я вопрос.

— Нет, он русский. Мы с ним знакомы чуть ли не с детского сада. Вместе из России на заработки приехали.

— А что, он в России заработать не может?

— Может. Да только мы оба эту страну любим. Климат, море, а в России зима и совсем другая жизнь.

— Какая в России жизнь?

— Там суеты много, а здесь мы и сами не поймем, то ли мы на работе, то ли на отдыхе. Тут не надо беспокоиться о том, что выросли цены на коммунальные услуги и что инфляция набирает обороты. Тут все спокойно, размеренно.

— А по снегу не скучаешь?

— Нет, — замотала головой Катя. — Я зиму не люблю. Я теплолюбивая. Я люблю, когда солнышко греет и когда море шумит.

— А другие служащие с дискотеки вернулись?

— Все вернулись.

— А хорошие тут дискотеки?

— Ну как вам сказать...

— Говори, как есть.

Я задавала какие-то пустые вопросы и получала на них такие же пустые ответы, только с одной целью — чтобы отвлечь внимание девушки от моего ужасного, удручающего вида и как можно быстрее уйти. Я боялась, что мне зададут тот вопрос, на который я просто не знаю ответа. Я боялась, что она спросит меня, не видела ли я Лену. Этот вопрос может вывести меня из состояния равновесия и выдать.

— Вы знаете, для Москвы, конечно, это не дискотека, а так, непонятно что, но для курортного египетского города, может, и ничего. Тут вообще-то две дискотеки, но мы ездим в «Калипсо». Мы привыкли. Там нормально, шумно, весело. Правда, иногда мы ездим в «Аладдин». Там дискотека по вторникам в пене.

— Как в пене?

— Ну так. Все танцуют в пене.

— Что, прямо так и танцуют?

— Прямо так и танцуют.

В этот момент Катя резко замолчала и как-то осторожно, с подчеркнутым сочувствием спросила:

— Кто вас так?

— В смысле? — Я сделала вид, что совершенно не поняла вопрос.

— Он вас побил?

— Мы просто поругались. — Я покраснела, как вареный рак и сделала шаг в направлении к лестнице, ведущей наверх.

— Может, вам мазь какая нужна? Я даже толком не знаю, чем синяки выводятся. Вот ирод, разве можно так бить. Это он вас из-за этой женщины, которая недавно приехала, так отходил?

— Прости, но я не понимаю, о чем ты.

— Так вам мазь нужна? Я могу посмотреть в аптечке. Не помню, как она называется, «спасатель», по-моему.

— В этом нет необходимости. На мне все заживает как на собаке. — Последнюю фразу я произнесла с нотками, близкими к истерике. — Извини, я очень устала. Я хочу немного отдохнуть в своей спальне.

Как только я стала подниматься наверх, Катя громко меня окликнула и уже намного тише задала мне тот самый вопрос:

— Маша, а вы Лену не видели?

— Что? — выдохнула я.

— Я говорю, вы Лену не видели? Что-то нигде не могу ее найти, да и в спальне ее нет.

— А вы что, разве не вместе уехали на дискотеку?

— Нет. Мы всегда ездим по одному. Кто-то дежурный должен обязательно оставаться в доме.

— Нет, Лену я не видела, — сказала я, пошатнувшись, и чуть было не упала с лестницы вниз. Перед глазами пронеслась страшная картина. Лена хочет завести мотор, Анатолий стреляет ей прямо в спину. Она падает на дно лодки, затем еще один выстрел и уже прямо в голову... К груди девушки привязывают гирию и сбрасывают несчастную на морское дно, на корм рыбам... От этой мысли мне стало еще хуже. Я вцепилась в перила и тихонько осела на лестничные ступеньки.

— Маша, вам плохо? Что с вами, Маша?

— Не знаю, что-то голова закружилась...

Катя помогла мне подняться и, слегка меня придерживая, повела вверх по лестнице.

— Вам нужно выспаться. Вы очень плохо выглядите. Я такой вас еще ни разу не видела.

— Я и сама не знаю, что со мной сегодня творится. Самочувствие просто паршивое.

Катя повела меня вверх по лестнице. Я шла рядом с ней на ватных ногах, боясь опустить глаза вниз и увидеть капельки крови, которые не вытерла Лена. Как только девушка довела меня до моей спальни, она помогла мне лечь на кровать и укрыла меня легким пледом.

— Ну как, вам лучше?

— Немного.

Даже в спальне, укрытая пледом, я чувствовала легкую дрожь и не могла побороть приступ физического страха, который лишал меня элементарной способности думать и оценивать ситуацию.

— Что здесь происходит? — В комнату вошел Анатолий, который тут же смекнул, в чем дело, и подошел к моей кровати. — Что случилось? — обратился он к Кате.

— Маше стало плохо. Я помогла ей подняться в спальню. Она чуть было не потеряла сознание.

— Ничего страшного. Ты прекрасно знаешь, что моя супруга серьезно больна и с ней часто бывают подобные приступы. Спасибо за помощь.

— Я могу идти? — Катя направилась к двери, но Анатолий все же ее остановил.

— Катя, у меня к тебе один-единственный вопрос, и ты можешь быть свободна.

— Да, я вас слушаю. Если вы хотите знать, где я была сегодня ночью, то я вам отвечаю то, что я была на ночной дискотеке. В доме осталась Лена. Моя ночная жизнь никак не отражается на моей работе. Сейчас я умоюсь, переоденусь и приступлю к своим обязанностям.

— Я не об этом.

— А о чем?

— О том, что сегодня ночью в доме было пусто. Вот я и хочу спросить вас, почему сегодня ночью в доме было пусто?

— Как пусто?

— Вот так, пусто. Я хочу, чтобы на ночь в доме хоть кто-то оставался. Если все разъедутся по дискотекам, то кто же тогда будет работать? Зарплату ведь вы получаете? Сайд отпросился в Каир. У него что-то случилось с родственниками. Я ему разрешил.

— А я и не знала, что Сайд уехал.

— Сайд уехал с моего разрешения. Ты уехала на дискотеку, а Лена? Что делала Лена?

— Я не знаю, Лена осталась в доме.

— По крайней мере, когда она была мне нужна, ее в доме не было.

— Странно, я и сама не могу ее найти.

— Возможно, она уехала на дискотеку следом за тобой.

— Это исключено. Мы всегда ездим по очереди. В доме обязательно остается дежурный.

— Короче, вы там между собой разберитесь, кто, куда и с кем едет, но для меня важно, чтобы дом не оставался без присмотра. Тебе все ясно?

— Да, — кивнула головой девушка и направилась к двери. — Быть может, Лена понадобилась Кире?

Ну, той женщине, которая только прилетела. Может, она ей в чем-то помогает?

— Кира улетела в Москву.

— Что?

— Вечером Кира вызвала такси и уехала в направлении аэропорта. На вилле ее больше не будет. Ты меня поняла?

— Да, я все поняла.

— Поэтому умывайся, приступай к своим обязанностям и, как только объявится твоя напарница, договорись с ней, чья очередь работать, а чья заниматься любовью и танцевать на дискотеке. В противном случае мне придется пожаловаться на вас представителям фирмы.

— Хорошо. — Девушка вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Я растерянно смотрела в потолок, с трудом сдерживая слезы.

— Зачем ты сказал, что Кира уехала в аэропорт?

— А что я, по-твоему, должен был сказать?

— Я не знаю, но ведь Катя может зайти в спальню и увидеть там Кирина чемодан и ее вещи.

— Я могу сказать, что Кира распсиховалась и решила лететь в Москву без вещей. Человек психанул, все бросил и уехал.

— Это как-то неправдоподобно.

— А вот и правдоподобно. У женщин крайне неустойчивая психика, и, когда они в гневе или в состоянии, близком к истерике, от них можно ждать чего угодно. Поняв, что я ее не простил, она схватила свою сумочку, выскочила из дома, поймала такси и уехала. Но если ты считаешь, что это притянута за уши, то давай соберем все ее вещи и вместе с чемоданом просто сожжем.

— Где?

— Да где угодно. Здесь пустыня кругом, жги не хочу. Или можем доброе дело сделать: возьмем чемодан с вещами и отвезем ее вещи бедуинам. Оденем их всех, то-то радости будет.

— А почему ты не хочешь выбросить чемодан в воду? Отплывем подальше и — бултых, кушайте, рыбки. Почему ты не предложил такой вариант? — язвительно поинтересовалась я.

— А что, в этом что-то есть. Говорят, когда-то в древности покойников хоронили вместе с их любимыми вещами. Кира уйдет в мир иной со своим гардеробом. Она ведь так любила наряжаться...

Анатолий немного помолчал и задал вопрос:

— А ты зачем показываешь свое состояние?

— Кому?

— Какого черта эта Катя к тебе в спальню приперлась?

— Мне было очень плохо.

— А ты не показывай, как тебе плохо. Ты показывай, как тебе хорошо.

— Мне плохо. Катя увидела мои синяки.

— Извини, но ты сама довела меня. По-другому я не мог тебя убедить. Иначе бы ты прыгнула в воду, я бы следом за тобой, мы бы уплыли от катера и просто утонули.

Закрыв лицо руками, я тихонько всхлипнула и произнесла голосом, полным отчаяния:

— Господи, за что меня так? Я же с этим не справлюсь. Я просто с этим не справлюсь.

— Справишься. Мы оба должны с этим справиться. И запомни, если я что-то и делал несправедное, то я делал все это только для тебя... Для тебя...

Анатолий наклонился ко мне совсем близко и своими горячими поцелуями высушил мои слезы...

ГЛАВА 13

Я даже не помню, как я заснула. Я просто провалилась в сон, а когда открыла глаза, то обнаружила, что я лежу в спальне одна. Посидев на кровати пару минут, я быстро спустилась вниз и прошла на кухню. На кухне витали самые аппетитные запахи из тех, какие мне когда-либо доводилось нюхать. Двое поваров-арабов что-то напевали себе под нос и весело колдовали над кастрюлями и сковородками. В самом дальнем углу кухни сидела Катя и разговаривала с кем-то по мобильному телефону. Увидев меня, она тут же убрала мобильник и немного печально произнесла:

— Ужин почти готов.

— Как ужин? — Я поняла, что потеряла ориентацию во времени.

— Уже ужин, — в недоумении подтвердила девушка.

— Я так долго спала?

— Целый день.

— А где все? — при слове «все» я немного запнулась и поняла, что сболтнула лишнего.

— Толя где-то в доме.

— Где?

— Не знаю. Он недавно сюда заходил, интересовался, что у нас будет на ужин. Сегодня рыбный день.

Я ему сказала, что на ужин у нас будут огромные креветки, политые красным имбирным соусом, сочные гребешки с грибами, цветной рис, перемешанный с кусочками щупалец кальмара. Рыба, наверно, тоже будет. Я видела, как ребята разделяли огромную рыбу и закладывали в нее сыр и чеснок. Так что ужин сегодня будет добротный.

Катя замолчала и посмотрела на меня грустными глазами.

— Катя, тебя что-то беспокоит?

— Да Лена куда-то запропала.

— Как запропала? — сказала я и почувствовала, что обливаюсь холодным потом.

— Нет ее нигде. Я ее другу позвонила, он сказал, что они немного поскандалили и она больше ему не звонила.

— Объявится. Вот увидишь, она обязательно объявится.

— Правда? А я даже не знаю, что уже думать. Просто места себе нахожу.

— Возможно, у нее какие-то свои дела, в которые она никого не хочет впутывать. Бывает, что человеку хочется побыть одному и он никого не желает видеть. Тем более она поскандалила со своим другом, — попыталась успокоить я разволнованную девушку. — Самый лучший способ прийти в себя и во всем разобраться — это побыть в одиночестве. Только разговор с самим собой сможет поставить все на свои места.

— Странно, она очень ответственная девушка и так надолго никогда не пропадала.

— А вы давно друг друга знаете?

— Мы познакомились на фирме, которая трудоустраивает за границу. Вместе прошли собеседование, вместе попали на эту виллу и вместе проработали несколько лет. Признаться честно, мы боялись сюда ехать.

— Почему?

— Сами знаете, какое сейчас страшное время.

— Катя, мы с тобой уже давно перешли на «ты», а ты по-прежнему выкаешь.

— Сама знаешь, какое сейчас страшное время. Девушек вербуют за границу и продают в публичные дома. В цивилизованную страну и то страшно ехать, а уж в арабскую... Но нам повезло. Нам просто повезло, потому что мы попали в хорошие руки и к порядочным работодателям. Тем более в городе работает мой друг. Я уже тебе о нем говорила. Что-то мне беспокойно как-то.

— Почему?

— Лена — девушка очень ответственная и никогда без причины не отлучалась из дома. С ней такое в первый раз.

— А может быть, у нее были причины?

— Она бы обязательно поставила кого-нибудь в известность. Сайд же сказал, что ему нужно съездить в Каир. За все это время, пока мы здесь работаем, Лена стала для меня настоящей сестрой. Я за нее очень сильно переживаю, наверно точно так же, как за саму себя. Она в детском доме воспитывалась. А ты сама понимаешь, что такое детский дом. Все живут под одной крышей, и каждому глубоко наплевать, что творится в душе другого. Лена очень ценит мои переживания и нашу с ней дружбу. Она умеет дружить.

От этих слов мне стало совсем нехорошо, и я вышла из кухни. Но не прошло и нескольких минут, как я вернулась и подошла вплотную к немного растерянной, стоящей на том же месте Кате.

— Маша, что-то случилось? — встревожено спросила она. Должно быть, мой вид ее напугал. Она встала рядом со мной и тяжело задышала.

— Катя, ты можешь сказать мне правду?

— Какую? — растерялась Катя.

— Ты не ответила на мой вопрос. Ты можешь сказать мне правду? Не важно какую — просто сможешь ли ты правдиво ответить на мой вопрос?

— Смогу, если я буду знать на него ответ.

— Ты же на вилле не первый год работаешь?

— Нет, — еще больше растерялась девушка.

— Скажи, ты здесь не замечала ничего странного?

— В смысле?

— В смысле, не видела ли ты тут каких-нибудь призраков?

— Кого?! — не поняла меня девушка.

Я покосилась на поваров и как можно тише спросила:

— Ну, каких-нибудь привидений.

— Привидений?

— Ну, не ты, а может, кто-нибудь из постояльцев их видел? К примеру, ковбоя?

— Тут отродясь не было никаких ковбоев, — замотала головой девушка. — Правда, года полтора назад тут останавливался один парень из Техаса с женой, недели на две. Он был похож на ковбоя. Джинсы, сапоги со шпорами, шляпа с большими полями. Ему только лошади не хватало. Он сказал, что в Техасе так ходят все. Но только никакой он был не призрак. Парень как парень, а вот жена была у него вредная, всех извела. То ей то не так, то это не этак. От нее житья не было. Мы все перекрестились, когда она уехала.

— Ты меня не поняла. Я спрашиваю тебя, не бродит ли здесь по ночам какой-нибудь ковбой?

— Я же говорю, тут был только тот ковбой из Техаса. Я бы не сказала, что он где-то бродил. Мне показалось, что он сюда отсыпаться приехал. Даже в море мало купался. Ночью он хорошо спал, да и не только ночью, но и днем. Видно, приехал сюда для того, чтобы хорошенько выспаться. Непонятно, чем он в своем Техасе только занимается, что так уморился. Откроет окно, чтобы слышать, как море шумит, и спит. Только это давно было.

— Катя, я спрашиваю тебя о том, что происходит сейчас, а не о том, что было полтора года назад, — заметно занервничала я.

— А разве сейчас на вилле что-то происходит? — окончательно растерялась девушка.

— Вот я тебя и спрашиваю. Ты ничего не замечала? Может, ты видела какого-нибудь ночного ковбоя?

— Да тот ковбой из Техаса уехал с виллы еще полтора года назад. Я сама его вместе с женой в аэропорт на машине везла. Гид заболел, и мне пришлось исполнять его обязанности.

— Катя, ты то ли меня не слышишь, то ли просто не желаешь меня слушать! — потеряла терпение я. — Я тебя пытаюсь спросить о том, не видела ли ты в последнее время какое-нибудь ночное привидение в виде ковбоя? Может, ты видела это привидение где-нибудь на ночном море или под окнами своей спальни?

— Нет, — испуганно замотала головой девушка.

— А может, ты сама не видела, но тебе рассказывал про это кто-нибудь из постояльцев?

— Я ничего подобного не слышала.

— Я не верю, что этого ковбоя видела только я. Неужели он никогда никому больше не показывался?

— Нет. — Во взгляде девушки появилось, что-то такое, отчего мне стало как-то не по себе, и я поняла, что продолжать начатую тему не имеет никакого смысла.

— Катя, и не нужно смотреть на меня так, словно у меня шарики за ролики заехали. Эта вилла полна странностей, и ты тоже можешь столкнуться с тем же, с чем столкнулась и я. У меня к тебе убедительная просьба: если ты когда-нибудь столкнешься с тем, про что я тебе говорила, сообщи об этом мне. Договорились?

— Договорились.

Вопрос о том, кто той ночью переодел несчастную Киру в ночную рубашку и домашние тапочки, не давал мне покоя, заставляя меня мучиться в догадках. Не выдержав, я решила сделать еще одну попытку и попробовать найти ответ у Кати.

— Катя, и еще один вопрос.

— Да, пожалуйста.

— А сегодня ночью кто оставался в доме?

— Как кто? Лена. По крайней мере, она должна была остаться. Я и сама не знаю, куда она

подевалась.

— А кто еще оставался в доме, кроме Лены?

— Анатолий сказал, что Сайд уехал в Каир. Значит, в доме в доме оставалась только Лена и ребята из службы безопасности. Все остальные уехали на ночную дискотеку.

— И все?

— Все. Ты же сама знаешь, что в доме больше никто не работает.

Я заметно побледнела и вновь повторила свой вопрос:

— Катя, а ты уверена, что, кроме тех, кто работает в доме, сюда больше никто не вхож?

— Ты опять имеешь в виду ковбоя?

— Нет, я имею в виду не привидения, а живых людей.

— Разве только гид иногда приезжает. Чужих здесь нет и не может быть.

— Ты уверена?

— Уверена, — пожала плечами девушка. — А что, что-то случилось?

— Нет. Пока нет. Не считая того, что на этой гребанной вилле никто не замечает никаких странностей, кроме меня.

Как только я развернулась для того, чтобы выйти из кухни, Катя сунула свой мобильный в карман и тихо спросила:

— Маша, а ты ужинать будешь?

— Буду, вместе с Толей.

— На Киру не накрывать?

— Ты же прекрасно слышала, что она улетела.

— Она не вернется?

— Катя, если человек резко, в считанные минуты, собрал свои вещи и покинул дом, то он вряд ли вернется. Кира улетела к своему мужу и к своему ребенку. — Когда я произносила последние слова, у меня предательски задрожал голос и я поняла, что просто не могу с этим справиться.

Катя понимающе улыбнулась и тихо сказала:

— Поздравляю.

— С чем?

— С победой.

— С какой?

— С победой над другой женщиной.

— Побеждают, когда борются, а я ни с кем не боролась. Все разрешилось само собой. Я не чувствую себя победительницей. Как бы то ни было, я себя ею не чувствую.

Снова поднявшись наверх, я заглянула в Кирину спальню и поразились тому, что в ней не было ни одной вещи, которая бы принадлежала этой женщине. Вообще ни одной. Ни чемодана, ни какой-нибудь кофты, ни даже носового платка. Даже в шкафу лишь сиротливо болтались пустые вешалки. Значит, Толя собрал все Кирины вещи и куда-то их отнес. Только куда? Отвез бедуинам, выкинул в море, сжег на костре??? Закрыв дверь, я заглянула в спальню Анатолия и отметила про себя, что в ней идеальная чистота. Ни единой капельки крови и ничего, что напомнило бы о той страшной ночи, когда мне пришлось застрелить Киру.

В спальне Анатолия лежал мобильный телефон, и я не могла отказать себе в желании позвонить в Россию. Взяв мобильник слегка дрогнувшей рукой, я набрала номер Лады и почувствовала, как на глаза набежали слезы.

— Ладушка, привет, это Маша.

— Машка! — послышался на том конце провода радостный вопль. — Машуль, как ты там? Я уже беспокоюсь всюю. Могла бы и раньше позвонить.

— Раньше не получалось, — глухо сказала я и вытерла слезы. — Как там у вас жизнь?

— У нас снегу по колено. Третий день уже сыплет. А у вас?

— А у нас в квартире газ. — Я постаралась взять верх над своими эмоциями и все же не смогла не задать вопрос, который гвоздился у меня в голове.

— Лад, как там Вадим?

— Маша, ты же сказала, что с Вадимом тема закрыта.

— Конечно, закрыта. Я и не отрицаю. Я просто хотела узнать, как он там живет. Ты его видела? Ты что-нибудь о нем слышала?

Лада немного помолчала и сказала уже без особой радости:

— Твой Вадим меня уже достал.

— В каком смысле?

— В прямом. Просто достал, и все. Ты же сама прекрасно знаешь, как мужики достают. Приехал прямо на работу и устроил тут настоящий скандал, прямо как ревнивый муж. Я сказала ему, чтобы он вел себя поскромнее. В конце концов он женатый человек и никаких прав на тебя не имеет.

— Мужчина вообще никогда не может иметь права на женщину, — уточнила я. — Если уж кто и может иметь права, то только женщина, и то сама на себя. Мужчина может обладать женщиной, но владеть — никогда.

— В том-то и дело, что твой Вадим вел себя так, словно он твой хозяин, а ты его рабыня.

— Не может быть. Хотя вообще-то это в его духе, но, чтобы так себя вести на людях... На людях

он был скрытен и не позволял себе так распускаться.

— В том-то и дело, что на людях. Прямо на работе. Весь офис сбежался на него посмотреть.

— Не понимаю, что на него нашло. Он никогда так себя не вел.

— Я тебе клянусь. Вот мне и пришлось поставить его на место. Каждый сверчок должен знать свой шесток.

— Ну и?.. — Я просто сгорала от нетерпения. — Ты поставила его на место?

— Ты же прекрасно знаешь, что я умею это делать. Я сказала ему, чтобы он шлепал к своей жене и не споткнулся по дороге.

— А он? Он пошлепал?

— Черта с два. Он схватил меня за грудки и начал пытаться, где ты можешь быть. Я не хотела ему говорить, но он меня вынудил. Он бы просто от меня не отстал. Я сказала, что ты укатила на месяц на виллу со своим любовником и желаешь ему успехов в труде и счастья в личной жизни.

— Что, так прямо и сказала?

— Так прямо и сказала. А что, не надо было?

— Все правильно, — вздохнула я. — И чем все закончилось?

— Тем, что он стал меня расспрашивать, что у тебя за мужик и куда ты именно поехала. Ну, уж про это я ему сказать не смогла, потому что сама ни черта не знаю. Он на меня наорал и ушел, громко хлопнув дверью. Правда, я тоже внакладе не осталась и послала его по известному адресу. Пусть он со своей женой разбирается, а к тебе не лезет. Ты у нас женщина свободная. С тобой этот номер не пройдет. Потом он еще пару раз звонил. Спрашивал новый номер твоего мобильного, но я сказала, что не в курсе. Маша, да фиг с ним, с этим Вадимом. Пусть со своими детьми носится. Если уж ты решилась эту тему закрыть, то пусть она и дальше будет закрыта. Не ты ли мне доказывала, что у вас больше нет и не может быть ничего общего? Не ты ли?! Ты лучше мне скажи, как твоя новая любовь? Загораешь, купаешься? У тебя все в порядке? Пусть он золотишка тебе побольше купит. Хорошенько его потряси. Вообще, в Египте золото дрянное и очень много подделок, но если в этом деле петрить и места знать, то можно и что-нибудь хорошее прикупить. Так что бери быка, а вернее мужика за рога и затаривайся по самые уши. Если он такую виллу арендовал, то уж явно сумеет тебя озолотить. Как это в том фильме говорят, где Никита Михалков про душистый хмель поет? Дорогой бриллиант дорогой оправы требует!

— У меня все очень плохо, — тихонько всхлипнула я, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

— Ты что, плачешь, что ли?

— Просто все получилось не так, как я думала... Все так ужасно, что ужаснее не бывает. Я запуталась. Я не знаю, что мне делать. Я еще никогда в жизни не попадала в такой переплет.

— А что случилось? Он садист? Маньяк?! Извращенец?! Тебя продали в рабство? Ты попала в публичный дом?! — Ладкиной фантазии не было предела, и я поняла, что должна остановить

этот словесный поток.

— Нет, что ты. Я живу на вилле.

— Маша, ну я же тебе все-таки не чужая. Говори мне всю правду. Я тебе помогу! Ведь ты сейчас на связи не только со мной. Сейчас ты на связи с Родиной!!! Я перезвоню в милицию. Я тебя с Интерполом найду. Ты только скажи мне правду!

— Какую правду?

Лада совершенно не давала мне собраться с мыслями.

— Я хочу знать, тебя держат в публичном доме? Ты выкрала телефон для того, чтобы мне позвонить? Ты не знаешь, где ты? Скажи мне, что находится рядом с тобой? Ну, может, дом какой-нибудь особенный или еще что. Это нужно для того, чтобы обязательно тебя найти. Подумай хорошенько. Или кругом пустыня?! Для милиции нужна и важна любая зацепка.

— Какая еще зацепка?

— Любая.

— Лада, только милиции тут не хватало. Ты меня совершенно не слушаешь. Я же тебе говорю, что со мной все в порядке. Я живу на вилле.

— На этой вилле находится притон?

— Нет, что ты. Никакого притона тут нет. Я отдыхаю тут с Анатолием, если, конечно, все это можно назвать отдыхом.

— Ты мне самое главное скажи: тебя не насилуют, не пытаются, не издеваются, не заставляют заниматься проституцией и не продали в рабство?

— Нет! Нет! Нет! — закричала я что было сил.

— А что ты кричишь?

— Просто ты говоришь такое...

— Я за тебя переживаю.

— Спасибо, но ничего это нет. И ради Бога, сплюнь через левое плечо.

— Хорошо, плюю. Тогда что тебе там не нравится?

— Просто человек, с которым я полетела, оказался совсем не тем, кто мне нужен.

— Он маньяк?

— Нет. Просто он не оправдал моих надежд. Он совсем не тот, кто мне нужен. Когда я летела на виллу, я думала, что это один человек, а когда прилетела, то поняла, что это совсем другой. Он не оправдал моих надежд. И вообще, все складывается просто ужасно. Мне очень паршиво. Ты не представляешь, как я хочу домой. Как сильно я хочу в Москву. Как мне все это надоело! Если бы ты только знала! Если бы все можно было вернуть назад, я бы никогда не поехала на эту гребанную виллу и не осталась здесь даже минуты! Тут столько всего произошло! Я не хочу

здесь оставаться! Не хочу!!!

— А у тебя есть паспорт и деньги?

— Есть.

— Тогда в чем дело? Езжай в аэропорт и лети домой.

— Ты считаешь, что я должна сделать именно так?

— А ты считаешь, что ты должна сидеть с этим мужиком и кусать локти?

— Понимаешь, меня еще никогда в жизни не считали душевнобольной, а здесь считают. Тут думают, что я дура. А я не дура. Просто это слишком странная вилла, прямо даже какая-то, я бы сказала, мистическая. Мне никто не верит. Все думают, что мне нужно в психушку.

— Да пусть они сами туда ложатся. Ты всегда рассуждала здраво. А кто тебе не верит, мужик этот, что ли?

— И он, и другие работники виллы.

— Так пусть они сами отдыхают на своей вилле.

— Понимаешь, мне очень страшно. Мне еще никогда в жизни так не было страшно. Мне страшно тут засыпать, просыпаться, выходить из дома. Мне страшно находиться рядом с этим мужчиной и думать о том, что у него на уме.

— Он тебя что, совсем что ли запугал?

— Нет, но я не чувствую себя так комфортно, как хотела бы чувствовать. Мне с ним плохо. Понимаешь, плохо... Он совершенно непредсказуем, и я не знаю, чего от него ждать. Тут даже атмосфера какая-то особенная. Мне кажется, что если я здесь останусь, то просто умру от страха.

— Тогда собирай вещи и уезжай. Где это видано, чтобы весь отдых от страха трястись.

— Правильно, Лада. Я так и сделаю.

— Я тебя жду. Я думаю, что когда ты приедешь, то обо всем мне расскажешь.

— Я-то тебе все расскажу, только я не думаю, что ты мне поверишь.

— Не говори ерунды. Я знаю тебя не первый год, и между нами никогда не было никакого вранья.

— И все же есть вещи, в которые трудно поверить. Если бы кто-нибудь рассказал мне про такое, я бы вряд ли ему поверила. Но они есть.

— Маша, я поверю. Я тебе клянусь, что я обязательно во все поверю.

Положив мобильный на место, я бросилась в свою комнату и быстро переоделась. Затем подошла к зеркалу, взяла тональный крем и замазала все свои синяки. Я не стала собирать вещи, потому что ночью с вещами я выглядела бы подозрительно, а это мне было сейчас совсем ни к чему. Я затолкала в пакет только норковую шубу, главную мою ценность, и зимние

сапоги. Затем я сунула в этот же пакет паспорт и деньги и вышла на улицу.

ГЛАВА 14

На улице уже было темно. Прижав пакет к себе покрепче, я остановила такси и по-английски объяснила, куда меня нужно вести. Шофер назвал свою таксу, и, сговорившись в цене, мы отправились в аэропорт. Когда мы приехали, я с ужасом обнаружила, что ближайший рейс на Москву только ранним утром. И все же я не расстроилась. Я мобилизовала свои эмоции и решила ждать утра.

Я просто хотела бежать... Бежать от Анатолия, от всего, что случилось на вилле, и от этих страшных воспоминаний. Пассажиры, проходившие регистрацию на другие рейсы, подозрительно поглядывали на мои синяки и шептались. Сев прямо на свой пакет, я отвернулась от испепеляющего меня любопытным взглядом араба, достала бутылку колы, сделала несколько жадных глотков.

В голове проносились различные мысли, но ни на одной из них я все же не могла остановиться. Мне вспомнилось то удивительное время, когда мне было двадцать, когда к моим ногам не нужно было бросать весь мир, хотя бы по той причине, что он и так был у моих ног. Когда у меня были десятки поклонников, мечтавших заполучить мое сердце... Боже, их было столько, что я просто не могла выбрать. Их было так много, что наверно именно по этой причине я и осталась одна. Они дарили мне цветы, объяснялись в любви, говорили комплименты, а я просто утопала в их внимании, не в силах выбрать кого-то одного. Спустя годы я начинала думать и сожалеть о том, что было, уже не в состоянии что-то изменить и переделать. Даже моя мать верила в то, что я обязательно выйду замуж и достану самую яркую звезду с неба. Уж больно много я хотела от жизни, уж слишком стремилась жить... И я тянулась за этой звездой. Я как могла тянулась за этой звездой, с кем-то встречаясь, а с кем то прощаясь... Я тянулась, как только могла... И в результате я осталась одна. Сначала годы просто шли, затем они двинулись скорым шагом, потом побежали вприпрыжку, а я по-прежнему была одна и уже... и я уже не тянулась за звездой, потому что в один прекрасный день вдруг поняла, что моей звезды на небе просто нет. Я даже вспомнила того славного мальчишку, с которым я десять лет просидела за одной партой. Он носил мой портфель, постоянно на меня злился и всегда ждал... Ждал, что когда-нибудь я оглянусь вокруг себя, пойму, что не нужно ходить далеко, пойму, что удивительное — рядом, и обязательно отвечу на его чувства. Я даже помню, как его зовут. Олег Архипов — это имя вряд ли у меня когда-нибудь сотрется из памяти. Он ждал десять школьных лет и несколько лет после школы. Он всегда терпеливо ждал. А затем, он закончил летное училище и пришел ко мне в погонах. Пришел для того, чтобы увести меня вместе с собой и предложить всю жизнь быть рядом. Он нервничал, много говорил, вспоминал наши школьные деньки, а потом сказал мне, что он устал быть один, что его безответное чувство растянулось на слишком долгие годы... Он рассказывал мне про свои самолеты, показывал многочисленные фотографии и радовался как ребенок тому, что у него есть любимое дело, о котором он мечтал со школьной скамьи; вот только нет рядом с ним девушки, о которой он тоже мечтал со школьной скамьи. У нас был долгий ночной разговор. Мы смотрели на звездное небо, которое он уже избороздил вдоль и поперек, он говорил, что утром ему улетать, и уговаривал меня лететь вместе с ним... Но я не могла. Я по-прежнему не могла, потому что я должна была достать звезду с неба... Я не отвечала на его многочисленные письма, а на звонки отвечала односложно: привет, все нормально, как у тебя. А в каждый его прилет брала его цветы и по-прежнему смотрела на звездное небо, только не для того, чтобы в него улететь, а для того, чтобы найти в нем свою звезду... А он все ждал, что я одумаюсь и обязательно буду с ним. Ждал тихо, терпеливо, ни в коем случае не вмешиваясь в мою жизнь... Ждал так, как ждут настоящие, глубоко влюбленные мужчины... А один раз он просто не прилетел. Наступил

момент, когда он больше не прилетал, не звонил и не писал писем. Он просто устал ждать и нашел себе ту, которая не хватает звезд с неба. А я осталась одна, как и прежде, в окружении массы поклонников и в полнейшем, тягостном одиночестве. Я уже перестала искать свою звезду на огромном, пустынном небе, потому что поняла, что ее больше нет... Я никогда не интересовалась его судьбой, но однажды я узнала, что он по-прежнему бороздит небо, что он уже командир экипажа и чувствует себя в небе точно так же, как я на земле, что он развелся с той, которая не хватает звезд с неба и вообще не любит на него смотреть, что он очень долго меня искал, а когда нашел, то вновь принес мне цветы и фотографию многолетней давности, где мы сидим, прижавшись друг к другу на фоне звездного неба. И даже после этой встречи мы так и не остались вместе. Наверно потому, что мы стали намного старше, намного мудрее и в нас просто не осталось романтики. Он спросил, не надоело ли мне быть одной, а я сказала, что быть одной — это мое предназначение, точно такое же, как для него небо. И он улетел. Он улетел уже навсегда и пообещал вернуться, только если он достанет мне настоящую звезду с неба, потому что только тогда я бы смогла расстаться со своим одиночеством. Любые, даже самые большие чувства нуждаются во взаимности, а если взаимности нет, то чувства отходят на второй план и становятся воспоминаниями. Воспоминаниями остались и те отношения. Отношения мужчины, который хотел создать, и женщины, которая хотела разрушить... Иногда по ночам мне хочется все вернуть, сесть с ним в один самолет и улететь далеко в небо, но уже поздно, уже слишком поздно. Во мне нет прежнего порыва, прежней уверенности, и я уже не могу быть крылатой. Я просто плыву по течению, не прилагая особых усилий, и довольствуюсь тем, что кидает мне жизнь. Уже слишком поздно куда-то лететь, кого-то любить и отвечать на те чувства, которых уже нет и которые к тебе никто не испытывает. Слишком поздно. Никогда не думала о том, что любить может быть слишком поздно, что в любви все должно быть вовремя, что в любви можно опоздать. Опоздать...

Как только я оторвалась от своих невеселых мыслей и вернулась в реальность, стараясь прогнать от себя гнетущие воспоминания, я тут же достала бутылку колы и вновь сделала несколько глотков. Затем посмотрела на часы и увидела, что я сижу в аэропорту уже более двух часов. В аэропорту было жутко душно, и мне захотелось постоять на улице и подышать египетским воздухом. Я взяла пакет с норковой шубой и, стараясь не смотреть на арабов, которые просто пожирали меня глазами, вышла на улицу.

Я вздрогнула от скрежета тормозов и увидела подъехавшую к аэропорту машину своего гида Махмеда. Окно машины тут же открылось, и из него высунулся Анатолий.

— Маша, ты что дуришь?! Ты куда собралась?!

— В Москву! — громко крикнула я и принялась пятиться назад.

— В какую Москву, сейчас рейсов нет?!

— Рейс на Москву рано утром.

— В том-то и дело, что рано утром, а сейчас ночь.

— Я подожду до утра.

— Где?

— В аэропорту!

— Не дури! Давай вместе подождем дома!

Я замотала головой и снова попятилась назад.

— Нет, спасибо, я здесь подожду.

Осторожно, чтобы ни в коем случае меня не спугнуть, Анатолий вышел из машины и облокотился о дверь. Махмед высунулся в окно, достал какую-то странную сигарету, больше похожую на самокрутку, и принялся наблюдать за нашей перебранкой.

— Маша, а ты что назад пятишься? — крикнул мне Анатолий и сделал небольшой шаг навстречу. — Ты что, меня боишься, что ли?!

— Я тебя не боюсь, только приближаться ко мне не надо!

— А то что будет?!

— А то убегу.

Анатолий остановился и нервно усмехнулся.

— Маша, ну что мы с тобой за детский сад устроили? На нас все арабы уже смотрят.

— Пусть смотрят! Они всегда на всех смотрят!

— Поехали на виллу и там обо всем спокойно поговорим!

— Не хочу!

— Что значит не хочу?!

— Не хочу ни о чем разговаривать!

— Но ведь так не делается. Это просто побег!

— Пусть это будет побег! Пусть! А ты что здесь делаешь? Ты зачем сюда приехал?

— Затем, чтобы тебя отвезти обратно!

— А как ты узнал, что я здесь?

— Ну я же не дурак! Нетрудно было догадаться. Вышла с пакетом, поймала такси, велела везти в аэропорт. Ты зря не заметила, что у этого дома есть уши.

— Жалко, что у этого дома есть только уши. Было бы неплохо, если бы у него были еще и глаза. Просто там творится столько непонятных вещей, и никто, кроме меня, этого совершенно не видит!

— Маша, давай вернемся домой и обо всем поговорим. Ну что мы с тобой кричим на весь аэропорт?!

— Нет! — отрицательно замотала головой я. — Нет! Нет! Нет! Я уж все решила. Уезжай!

— Куда?

— Обратно на виллу!

— А ты?

— Я улетаю! Понимаешь, я улетаю?!

— Но мы так не договаривались.

— А как мы договаривались?! Как?! Убивать всех, кто стоит на нашем пути?! Заниматься любовью прямо среди трупов?! Делать вид, что все хорошо... что ничего не случилось?! Считать меня душевнобольной, давать мне какие-то таблетки и не верить ни одному моему слову?! Мы с тобой так договаривались?! Так?! Ну, скажи, так?! — Я чувствовала, что мои чересчур бурные эмоции берут верх над разумом, но ничего не могла с этим поделать. — Ну, что ты молчишь?! А ты думал, что сегодня вечером я буду сидеть с тобой за одним столом, ужинать различными деликатесами и делать вид, что ничего не случилось?! Ты думал, что будет так?! Что я не буду обращать внимания, когда Катя скажет, что волнуется, куда запропастилась ее подруга?! Ты думал, что я буду просто развлекаться, купаться, загорать, радоваться морю и солнцу?! Что я не буду думать о полиции, которая может приехать в дом в любую минуту и спросить, почему Кира не долетела до Москвы, почему Сайд не доехал до Каира и почему Лена не возвращается в дом?! Ты думал, что сегодня после ужина ты займешься со мной любовью, а затем скажешь, что ты привык спать один, что мне нужно хорошенько выспаться, что ты звонил своим друзьям в Москву и они прописали мне сильнодействующее снотворное и поэтому ты уйдешь по каким-то своим делам и оставишь меня спать одну?! А ночью я, как всегда, не усну, и тогда ко мне придет этот гребанный ковбой, а ты будешь говорить, что это видение, что мне все показалось, что у меня просто нарушена психика и что ты убил бы того козла, который двенадцать лет подряд капал мне на мозги и в результате довел меня до подобного состояния! Ты ведь так думал?! Ты думал именно так?!

Анатолий смотрел на меня глазами, полными ужаса, краснел и постепенно становился похож на огненный шар.

— Заткнись, дура, — процедил он сквозь зубы. — Ты что несешь?! Ты чего орешь на весь аэропорт, дура набитая?! А ну-ка, быстро в машину. Быстро, я сказал!

В тот момент, когда Анатолий уверенным шагом пошел мне навстречу, я прижала пакет с норковой шубой прямо к сердцу и побежала мимо здания аэропорта в ту сторону, где были только пески и холмы. Я бежала со всех ног и мечтала только об одном: избавиться от Анатолия как можно быстрее. Увидев, что Анатолий бежит следом за мной и в любой момент может меня нагнать, я побежала еще быстрее и тяжело задыхалась. В том месте, куда я бежала, не было ни жилых домов, ни каких-либо строений. Там были только пески и темнота. Когда темнота полностью меня обступила, я не испугалась и смело ринулась прямо в мрак. Крепко прижимая пакет, я бежала куда глаза глядят и старалась не оглядываться назад.

Услышав за собой тяжелое дыхание и крики «Стой!», я поняла, что я на грани истерики, а мое былое самообладание окончательно меня покидает. Топот и угрозы бегущего за мной человека были совсем рядом и повергали меня в жуткий, ни с чем не сравнимый, панический ужас. Когда начались какие-то песчаные холмы, я стала карабкаться вверх, прекрасно понимая, что мои силы могут иссякнуть в любой момент. От учащенного дыхания в горле появился ком, закололо в правом боку, ноги горели от усталости и чудовищно болели ступни. Несколько раз я собиралась освободиться от пакета с норковой шубой и выкинуть его куда подальше, но затем вспоминала, что, помимо шубы и сапог, в нем лежат деньги и паспорт, без которых я никогда не смогу улететь, а лезть в пакет и искать в нем документы и деньги у меня не было времени.

Я бежала из самых последних сил и уже начинала задыхаться, но топот за моей спиной постоянно меня подгонял и не давал остановиться. Я молила Бога только об одном: чтобы Анатолий выдохся первым, чтобы он почувствовал, что у него больше нет сил, что он должен остановиться первым и сойти с этой нелепой дистанции. Я не хотела думать о том, что я слишком далеко забежала, что я в темноте среди песков и холмов, что я даже не запомнила, в какой стороне аэропорт, в какую сторону мне нужно двигаться обратно.

— Машка, остановись! Остановись, дрянь! Немедленно остановись!!! Остановись, сука!

Голос Анатолия был слишком слабым и слишком усталым. Я по-прежнему не оглядывалась назад, но наступил момент, когда мне показалось, что кто-то сзади коснулся меня рукой. Быть может, мне просто показалось, а может, и в самом деле меня кто-то коснулся... Но это было последней каплей, и я закричала... Мне показалось, что это был нечеловеческий крик, потому что во мне поселился ни с чем не сравнимый первобытный страх. В этот миг я ничего не чувствовала, ничего перед собой не видела и ничего не понимала. Я просто бежала, не думая о том, что в любую минуту я могу рухнуть как подкошенная. Рухнуть без чувств, без сознания и без малейшего желания бороться дальше за жизнь. Мое тело одеревенело и уже практически перестало меня слушаться. Мои руки хотели отпустить ненавистный пакет, и я сама уже плохо понимала, зачем они его держат. Во рту пересохло, в ушах гудело, а перед глазами появились какие-то непонятные желтые расплывчатые круги...

Увидев перед собой еще один холм, я почувствовала, как стали медленно заплетаться мои ноги, споткнулась и рухнула прямо на песок. Я и сама не знаю, почему я не потеряла сознание. Быть может, бьющийся в крови адреналин не дал мне потерять сознание от страшного потрясения.

Я лежала лицом вниз, задыхалась и пыталась хоть как-то восстановить дыхание. А затем я почувствовала сильные руки, которые перевернули меня лицом вверх и со всей силы ударили прямо в грудь. Я закричала и посмотрела на обезумевшего Анатолия перепуганными глазами.

— Я тебя умоляю, только не бей. Ну пожалуйста, только не бей. Лучше убей, если хочешь. Убей так, чтобы все было быстро, чтобы ничего не чувствовать, чтобы не было больно, но только не бей. Не бей, а то мне будет больно.

Эти слова и в самом деле подействовали на Анатолия. Он замахнулся, затем подержал так руку несколько секунд и опустил ее обратно.

— Послушай, ты что творишь, а?!

— Я просто хочу домой, — проговорила я, тяжело дыша.

— А как же я?

— Не знаю. — Я судорожно замотала головой.

— Значит, тебе на меня наплевать, да? Наплевать?!

— Я боюсь. Я боюсь здесь оставаться. Я хочу домой.

— А я думал, мы вместе. — Анатолий навалился на меня сверху и изо всей силы ущипнул меня за сосок. — Я думал, мы вместе... Я ради тебя на многое пошел. Убил молодую, ни в чем не повинную девчонку, а ты так со мной поступаешь... Я трупы прятал, а ты так меня благодаришь... Нехорошо получается. Ох, нехорошо. Неуважительно как-то. Совсем неуважительно. А я не люблю, когда со мной так поступают. Ох, не люблю. Я люблю, чтобы

меня понимали с полуслова или чтобы ко мне хотя бы прислушивались. А ты, я смотрю, вообще без тормозов.

Анатолий взял меня за подбородок и посмотрел мне в глаза.

— Послушай, скажи мне правду, ведь ты в Москву так рвешься потому, что тебя там твой козел ждет?!

— Какой козел?

— Ну, тот, который тебе двенадцать лет мозги парит, который эти самые мозги от мороженными сделал. Ты к нему едешь?! Скажи, к нему?!

— Нет. Нет, — нервно замотала я головой. — Нет.

— Я знаю, что к нему. Я это знаю. Ты ж ему сегодня с моего мобильного звонила. Я трубку взял, набрал номер, который высветился, а там какой-то крендель, на том конце провода. Угрожать мне стал, пообещал закопать на ближайшем кладбище. Хер моржовый. Если бы он рядом был, я бы его сам закопал и черенок от лопаты в то самое место воткнул.

— Этого не может быть. Этого просто не может быть! Это телефон моей подруги!

— Я тебе говорю, что трубку крендель взял. Вадимом представился, сказал, что он твой любимый мужчина...

— Ты врешь! Ты все врешь! Такого не может быть! Это телефон моей подруги, кроме нее, там никто не может взять трубку!

— Я уже не в том возрасте, чтобы врать. А ты обыкновенная шлюха. Я всегда знал, что все бабы шлюхи, думал, что хоть ты не из их числа, но ошибся. Ты точно такая же шлюха, как и все остальные, а, быть может, даже и хуже. Я из-за тебя пошел на криминал, я тебе помогал, а ты решила меня бросить в самую трудную минуту и поехала к своему любовнику! Я хотел многое для тебя сделать, я хотел бросить к твоим ногам весь мир, а ты предпочла того, который мечется, как говно в проруби, и не может прибиться ни к одному берегу. Тебе с ним лучше, да?! Ну, скажи, ты к нему летела?! Ты смотри, как ты от меня убегала, прямо как от какого-то убийцы. Только ты позабыла, что ты сама убийца. Ты это позабыла!

— Я не убийца. Я просто защищала себя!

— Это ты прокурору будешь доказывать, а не мне, и то ничего не докажешь! Господи, и какой же я конченный дурак! Надо было сразу полицию вызывать, как только ты Киру замочила, а я за тебя заступаться стал. Помогать тебе начал и даже ради тебя на криминал пошел. Дурак, какой я дурак! Ведь и Сайда ты тоже замочила, как же я сразу об этом не догадался. Больше некому. Ты его ножом оприходовала, а Киру пулей. Подруга, да ведь тебе пожизненное светит. Я еще и Ленку на тебя спишу. Я мстить умею. Уж что-что, а мстить я умею и с людьми расправляться, которые неуважительно ко мне относятся. Ты за всех сидеть будешь — и за Киру, и за Сайда, и за Ленку. Где двоих замочила, там есть место и третьему.

— Я Лену не убивала. Ее убил ты.

— А я докажу, что это ты сделала. Я это докажу. У меня есть власть и деньги, а деньги, дорогая моя, решают все, особенно в нашей стране. Я свидетелей найду и сделаю все возможное для того, чтобы ты сидела очень долго и очень плохо.

— Но...

— Никаких «но», дорогая моя. У меня есть деньги.

— А у меня есть совесть.

Анатолий громко рассмеялся и изменился в лице.

— Дорогая моя, кому нужна твоя совесть? Да никому! Людям нужны деньги, а твоей хреновой совестью они себя не прокормят. Она им на фиг не нужна!

— Ты так не сделаешь! — Я убрала руку Анатолия от своего лица и тихонько всхлипнула. — Это неправда. А я расскажу правду, и мне поверят. Я нормальная женщина, при нормальной работе и занимаю нормальную должность. Ни у кого нет оснований мне не верить.

— Тогда я просто тебя убью! Если бы я знал, что ты такая дрянь, то я бы палец о палец не ударил для того, чтобы тебе помочь. Я терпел все твои выходки, все твои дурацкие видения... Я остался с тобой, а не с женщиной, которую так любил, а ты решила дернуть к своему кренделю, даже не сказав мне ни слова!

— Я хотела тебе сказать, — громко всхлипнула я. — Я хотела, но ты бы меня не отпустил.

— Конечно бы не отпустил. Уж если мы приехали сюда вместе, то должны и уезжать отсюда тоже вместе.

— Но ведь я не думала, что здесь столько всего произойдет!

— А кто виноват в том, что здесь столько всего произошло? Кто?! Мне кажется, что виновата ты! Именно ты!

— Виноват ты, потому что ты никогда мне верил, потому что ты никогда ко мне не прислушивался и не хотел меня защитить. Быть может, если бы ты хоть иногда ко мне прислушивался и хоть немного мне верил, то того кошмара, который произошел с Кирой, не было бы.

— Значит, я виноват в том, что ты убила Киру?!

— Я этого не сказала, но ты мог предотвратить это убийство. Ты мог его предотвратить! Ты мог ему помешать! Если бы ты хоть один разочек ко мне прислушался и если бы ты хоть один разочек мне поверил!

Анатолий обозлился еще больше и резко бросил:

— Только не нужно строить из себя ангела с крылышками, а меня втаптывать в грязь. Ты далеко не ангел, а грязи на тебе намного больше, чем на мне.

— Это ты меня вымазал грязью! Ты! — неожиданно вырвалось у меня. — Это все сделал ты! Ты пригласил меня на эту виллу и ты меня окунул в это дерьмо!

Мужчина отвесил мне хорошую пощечину и прошипел:

— Эту роскошь, в которую я тебя привез, ты называешь дерьмом?! Так? Ну, скажи, так? Да ты в жизни не была в подобном дерьме, оно тебе даже не снилось. Ты просто молиться на него должна. А ты ведешь себя так, словно тебя каждый день привозят на подобные виллы и дарят

такую роскошную жизнь!

— Ты меня в чем-то упрекаешь? — спросила я с настоящим презрением.

— Я тебя ни в коем случае не упрекаю, а говорю то, что есть на самом деле! Все это время я обращался с тобой, как с королевой, а ты оказалась обыкновенной шлюхой, которая меня предала и хотела убежать к своему кренделю. Так ты не ответила на мой вопрос: тот козел, к которому ты бежала, лучше меня???

— Я не к нему бежала. Я просто хотела в Москву, — проговорила я сквозь слезы. — Я хочу домой!

— Нет, ты мне ответь. Ответь мне на мой вопрос. Он лучше???

Я попыталась приподняться, но Анатолий не дал мне этого сделать. В эту минуту я почувствовала столько ненависти, столько отвращения, столько злобы к человеку, который полностью меня задавил и все меньше и меньше оставлял мне возможности даже дышать... К человеку, который слишком жесток, слишком самодоволен и слишком себялюбив... Который держит меня взаперти и играет в какие-то жестокие игры по своему, совершенно непонятному сценарию...

— Пусти меня, — глухо сказала я и попыталась его скинуть. — Пусти.

Но вместо этого мужчина еще сильнее вдавил меня в песок, и я начала задыхаться.

— Говори! Я кому сказал, говори! Он лучше?! Лучше?!

— Лучше!!! — закричала я что было сил и яростно плюнула мужчине в лицо.

После моего крика Анатолий окончательно озверел, слегка приподнялся и пополам разорвал мое платье. Затем точно так же одним рывком порвал мои трусы и все таким же обезумевшим голосом сказал:

— С этой минуты ты будешь делать только то, что я тебе говорю. Если ты захочешь выкинуть какой-нибудь фортель против меня, то у тебя тут же откажет сердце... Если ты еще раз посмотришь в сторону аэропорта, то ты тут же ослепнешь. Если ты захочешь от меня убежать, то ты тут же переломаешь обе ноги и будешь навсегда прикована к инвалидной коляске. И не думай, что мне за это хоть что-то будет. Я все устрою как несчастный случай. Просто несчастный случай, и все.

Я пыталась сопротивляться, но силы покинули меня. Анатолий одним рывком спустил шорты и навалился на меня всем своим телом. Я попробовала его укусить, но получила такую здоровенную пощечину, что больше не пыталась этого делать. Он вошел в меня слишком грубо, и все это было похоже на настоящее изнасилование, когда жертва лишь тихонько плачет и, скованная всепоглощающим ужасом, даже не пытается сопротивляться. Мои слезы действовали на Анатолия как бальзам, и с каждой минутой он расплылся все больше и больше.

— Толя, я тебя везде ищу! Далеко ты убежал. Я за тебя боялся. Тут кругом пески, можно заблудиться и не найти обратную дорогу. Тут и местные не ходят, а уж туристы тем более. Хургада совсем новый город, его только построили на песках, поэтому тут столько диких мест.

Анатолий громко застонал, затем пришел в себя и посмотрел на стоявшего рядом с нами

запыхавшегося гида Махмеда.

— А ты здесь какими судьбами?

— Тебя искал. Тебе одному отсюда не выбраться.

— Ну, ты даешь. Да я еле за ней угнался. Ну, ты, братишка даешь, следом за мной бежал...

— Ну, бежал, но не следом.

— Все равно. Я и подумать не мог.

— Далеко она у тебя убежала. До машины вместе пойдем. Идти далеко.

Анатолий нервно засмеялся и в полном смысле слова с меня слез, стряхивая при этом с себя песок.

— Вот, черт, тут даже помыться негде. Песка полно. Если песок в канал попадет, то потом такую шляпу раздует, что век лечить будешь.

— Тут не принято сексом заниматься. — Махмед уставился на меня жадным и похотливым взглядом.

Я быстро встала и хотела было прикрыть свою наготу, но поняла, что мне просто нечем это сделать. От моего платья и трусов остались одни ошметки. Анатолий надел шорты и посмеялся над тем, как я пытаюсь прикрыться остатками своей разорванной одежды.

— Да ладно тебе прикрываться. Тут все свои. Махмед, представляешь, она хотела меня бросить и к другому мужику в Москву убежать.

— Это нехорошо, — замотал головой Махмед, не спуская с меня своего жадного взгляда. — Жена должна быть там же, где и ее муж.

— Да какая она мне жена!

— А кто она?

— Шлюха. А шлюх надо наказывать! Просто девка, хоть и красивая. Правда, красивая, а, Махмед?

— Очень красивая, — облизнулся араб.

— Так давай ее накажем, чтобы она от меня не бегала. Возьми ее один разочек, братишка. Я угощаю. Я как раз для тебя ее разогрел. Ты когда-нибудь пробовал русскую бабу?

— Нет.

— Так попробуй, пока я не передумал.

— А можно?

— Я же тебе говорю, что я угощаю.

Кое-как прикрывшись порванной одеждой, я хотела было бежать, но Анатолий вновь сбил меня

с ног и приставил мне к виску пистолет.

— Лежи и не рыпайся. Ты что, думала, что у меня всего одна-единственная пушка? Я же тебе уже говорил, что у меня есть деньги, а если у меня есть деньги, значит, у меня может быть столько пушек, сколько я захочу. Сейчас ты будешь наказана. Лежи и не рыпайся, а то пристрелю. Каждый раз, когда ты попытаешься от меня убежать, тебя будет трахать араб. Махмед, давай быстрее, девка уже готова...

Это длилось совсем недолго. Я закрыла глаза и постаралась отрешиться от происходящего, чтобы ничего не видеть, ничего не знать, ничего не слышать и уж тем более ничего не чувствовать. Я не хотела плакать и не хотела показывать своих слез. Слезы текли по моим щекам произвольно... Я лежала без единого движения и вспоминала то время, когда я пыталась найти свою звезду на небе и обязательно ее достать, когда меня считали королевой и боялись даже прикоснуться к моей руке...

— Эй, Машка, ты живая? Вставай, а то ты уж больно прибалдела.

Я открыла глаза и поняла, что все уже закончилось. Махмед заправлял рубашку в штаны и старался не встречаться со мной взглядом, тихо бубня при этом себе под нос:

— Ну и нравы у вас, у русских. Бабами своими делятся... У нас бы за такие дела...

— Все нормально, братишка, — засмеялся Анатолий. — Попробуй только скажи, что тебе не понравилось. Это я тебя просто отблагодарил. Русский подарок. У нас, у русских, душа широкая. Нам ничего не жалко, даже своей бабы.

Выбросив свою рваную одежду на песок, я закуталась в норковую шубу и, прижимая к груди полупустой пакет, пошла вместе с мужчинами в ту сторону, где бы было можно выйти к машине...

— Маня, тебе не жарко? Маня?! — нервно смеялся Анатолий и курил одну сигарету за другой.

Но я не отвечала на его реплики, не обращала на него никакого внимания — я куталась еще плотнее и медленно шла...

ГЛАВА 15

Все остальные события происходили словно в тумане. Я как-то дошла до машины, как-то доехала до виллы и как-то, не обращая никакого внимания на наблюдавшую за мной Катерину, вошла в свою спальню. Анатолий вошел следом за мной и отобрал у меня полупустой пакет, в котором лежали зимние сапоги, паспорт и деньги.

— Это пока у меня побудет. На всякий случай, чтобы ты не убежала. Ужинать будешь?

— Нет, — нервно замотала я головой и тихонько всхлипнула.

— Это еще почему? Ты же голодная, не ела ничего.

— Я не хочу. — Из моей груди вырвалось что-то похожее на стон.

— А что сейчас будешь делать?

— Мыться.

— Будешь смывать с себя следы греха? — усмехнулся Анатолий.

Я подошла к нему как можно ближе, собрала всю свою накопившуюся злость и с размаху ударила по его холеной и наглой физиономии.

— Придет время, и ты обязательно за все ответишь, — с трудом процедила я сквозь зубы и посмотрела на Анатолия такими бесстрашными уничтожающими глазами, что у него просто не поднялась рука наказать меня за пощечину.

— Маш, ты заканчивай руки распускать, а то я ведь тоже могу. Ты думаешь, что ты у нас одна такая умная, что ли?! Если я руки распущу, то тебе мало не покажется, ты же прекрасно это знаешь. Ты на меня что, за Махмеда, что ли, обиделась? Да не бери в голову. Забыли. Мы с тобой эту тему уже проехали. Махмед никому не скажет. Кто старое помянет, тому сама знаешь, что будет. Должен же я был тебя как-то за твое бегство наказать. Все, я про это уже забыл, и ты тоже постарайся забыть.

— Толя, а у тебя вообще что-нибудь святое есть?

— Конечно, есть. Ты не думай, что я какой-то отмороженный. Я нормальный человек, при нормальных понятиях.

— Если ты при нормальных понятиях, то зачем ты так со мной поступил?

— А ты? Ты-то зачем так со мной поступила? Я столько для тебя сделал, а ты решила бежать! Я же тебе сказал, что уже все. Это тема закрыта. С Махмедом все нормально. Он будет делать вид, что ничего не случилось. А в самом деле, что случилось? Ничего из ряда вон выходящего. Ты просто расслабилась и получила удовольствие. Подумаешь, одним мужиком больше, одним меньше.

— Что ты сказал?! — Я хотела ударить своего противника еще раз, но он вовремя от меня увернулся.

— Что слышала.

— Я убью тебя за такие слова.

— Кишка тонка, — злорадно рассмеялся Анатолий.

— Я тебя убью!

— Да ладно, не кипятись и руки не распускай. Все нормально. Если ты хочешь, то этого Махмеда вообще больше никогда не увидишь. Когда он будет приезжать на виллу, ты даже не будешь с ним встречаться. И запомни, что если мы вместе сюда прилетели, то вместе отсюда и улетим. Давай забудем все плохое и будем думать только о хорошем. Давай залезай в ванну, а я потом к тебе приду.

— Что?!

— Ну хватит чтокать. Словно баба деревенская! Я говорю, налей в ванну, а я потом приду, спину тебе потру.

Я подняла голову, пристально посмотрела Анатолию в глаза и увидела в них что-то темное, злое и угрожающее. Он усмехался, и я почувствовала, как все больше и больше холодеют его

глаза. Тут он подошел, как будто кто-то толкнул его ко мне, обхватил мою голову обеими руками. Брови его при этом нахмурились. А ведь в эти брови я еще совсем недавно была влюблена, радовалась этим глазам и считала, что мне по-настоящему повезло. Я попыталась отстраниться, но он держал меня слишком крепко.

— Послушай меня, будь хорошей девочкой и не позволяй больше подобных глупостей. В противном случае то, что было сегодня с Махмедом, может повториться с кем-нибудь другим.

— Это изнасилование. За это могут посадить, — вырвалось у меня.

— Это не изнасилование. Все происходило по обоюдному желанию.

— Но ведь ты держал пистолет! О каком обоюдном желании можно говорить?! Меня изнасиловали под дулом пистолета! — Я почувствовала, что нахожусь на грани истерики.

— А вот это, милая моя, еще нужно доказать. А может, и не было никакого пистолета, может, ты просто очень любишь арабов.

— Был!!! Пистолет был!

— Не ори. Все в прошлом, забыли.

— А когда я поеду домой? — Я задала этот вопрос, словно в тумане, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Когда у тебя закончится путевка. Неделя прошла, а значит, осталось еще три. Двадцать один день, дорогая. Ровно двадцать один день тебе придется терпеть мое общество.

— А если я не хочу его терпеть?

— У тебя нет выбора. Ты согласилась его терпеть, когда решила ехать сюда со мной. И вообще, не забывай, что у нас с тобой курортный роман. Помнишь, что советовал тебе психолог? Только у нас с тобой не совсем обычный курортный роман. Ты же сама знаешь, что курортные романы, как правило, на курортах и заканчиваются, а наш с тобой будет длиться вечно.

— Но я не хочу.

— Дорогая, ты не знаешь, с кем ты связалась. Мы с тобой слишком повязаны и слишком многое знаем. Нам нельзя расставаться, потому что у нас есть что-то общее, которое известно только нам и которое никто больше не должен узнать. Я для тебя слишком много сделал такого, чего никогда не делал ни для какой женщины. Я для тебя убил, а это уже говорит о моем особом к тебе отношении. На эту тему мы поговорим с тобой позже. Ладно, иди мойся и забудь про этого араба. Иди отмокай, а я потом к тебе приду.

Как только за Анатолием закрылась дверь, у меня вырвался стон. Не снимая шубы, я рухнула на кровать и дала волю слезам. Жалость к себе, раскаяние, жгучая ненависть к человеку, в которого я еще совсем недавно была влюблена... Господи, как же это все мучительно. Все это было слишком враждебно моей душе, и она по-прежнему отказывалась все это принимать. За сегодняшний вечер исчезли мои последние иллюзии по поводу предстоящего пресловутого счастья, расставания с тягостным одиночеством, чистоты и веры в неизменность любви... Душа так страшно болела, что мне хотелось кричать от этой боли на весь дом, который не вызывал во мне уже никаких чувств, кроме ненависти, конечно. Дав волю слезам, которые уже давно подступили к горлу и страшно меня душили, я хорошенько выплакалась, села на кровать и

поправила полы шубы. Мне вдруг опять вспомнился Вадим. И я подумала о том, что, несмотря на то, что он чужой муж, он мне очень дорог, близок и просто необходим. Мне захотелось с ним увидеться и показать ему, сколько нежности и тоски в моем сердце. Перед глазами предстал его образ. Мужественное, красивое лицо, широкие скулы, благородная седина на висках... Но непонятно почему, совершенно против моих мыслей и желаний, рядом с его образом представился образ его жены и его детей... От этого мне стало очень плохо, я вскочила с кровати и с яростным криком дернула себя за волосы. Это было сделано с таким отчаянием и с такой болью, что в руке у меня осталась целая прядь волос. Слезы боли опять принялись меня душить, и я подумала о том, что мне нужно набраться терпения, как-нибудь пережить эти три недели и дождаться той минуты, когда самолет коснется своими шасси московской земли. Когда это произойдет, все будет совсем по-другому. Этот человек не сможет приблизиться ко мне даже на метр, потому что я буду на своей земле, а уж на своей земле я смогу за себя постоять и за себя заступиться. И что бы ни было дальше, у меня обязательно будет все хорошо. Несмотря ни на что, я все равно буду счастлива, и когда-нибудь в моей квартире появится мужчина, только не какой-нибудь проходящий, а мой, постоянный. Только мой. В моей квартире на большой, рогатой вешалке будет висеть его пиджак, и я потихоньку, чтобы он не видел, буду подходить к этому пиджаку, брать его рукав, улыбаться, стряхивать с него пылинки и целовать... Так обязательно будет. Обязательно. И кто бы что ни говорил, как бы ни сложилась моя судьба, я верю в то, что это будет непременно... И в моей квартире будет не только его пиджак. В ней будут его мыло, его зубная щетка, его белье, его полотенце, его бритвенные принадлежности и множество других вещей, принадлежащих ему. Наша постель будет пахнуть его телом, а простыни насквозь пропитаются запахом его кожи, таким особым, таким удивительным, таким сводящим с ума. У этого мужчины не будет жены, детей и утомительных переживаний... Этот мужчина никогда не сойдет с моей дороги, потому что у него не будет никого, кроме меня. А значит, он пойдет туда, куда иду я. Он поймет, что нам по пути, и мы пойдем вместе в долгую счастливую жизнь... И никто и никогда не вытеснит его из моей души. Я не буду с ним ни страдать, ни плакать. Я буду просто его любить и пьянеть от своей любви, которую я слишком долго ждала и слишком долго искала. И я никогда не буду приносить какие-то немыслимые жертвы ради этой любви и ради этих отношений, потому что жертвы ожесточают и убивают любовь, а после них в душе селится настоящая смерть. Войдя в мою жизнь, мой мужчина никогда не потребует от меня никаких жертв. Он воспримет мою натуру такой, какая она есть, и не будет мешать мне видеть жизнь так, как я хочу ее видеть, а не так, как положено или как позволяют нам наши стереотипы. Он будет знать, что я не могу существовать без тайн, потому что женщина без тайн — это просто прочитанная книга. В женщине обязательно должна быть какая-то тайна, какая-то загадка, которую мужчина должен разгадывать годы, но так и не сможет разгадать ее до самой старости. Он будет знать, что мне нужно постоянное ощущение новизны, потому что я не из тех, кто стоит на месте и радуется повседневной обыденности. Нет, я не такая, и я должна двигаться дальше. Остановка для меня — смерть... И этот мужчина войдет в мою жизнь внезапно. Он даже не войдет. Он в нее прямо-таки ворвется. Он просто поймет, что я очень тоскую и что я очень устала быть одна, и еще я устала от того, что он где-то рядом. Где-то рядом, но не со мной... Он просто меня найдет, крепко меня обнимет и скажет, что у него ко мне всего одна-единственная просьба — чтобы я немедленно прекратила безумие прошлых лет... Он бросит к моим ногам алые розы и повесит свой пиджак на мою вешалку. Все это будет! Все это обязательно будет!

— Это будет! — громко крикнула я и кинула в свое заплаканное, изможденное отражение в зеркале железной пудреницей. Пудреница отскочила, упала на пол, открылась, из нее высыпалось немного пудры, но зеркало даже не треснуло. — У меня будет мужчина! — еще раз прокричала я своему отражению. — Всем назло и на зависть!!! У меня будет нормальный мужик, с головой, руками и ногами! У меня будет холостой мужик! Черт побери, у меня обязательно будет нормальный мужик, без жен, детей, прошлых семей и прошлых жизней!!! И

этот мужик будет носить меня на руках и сдувать с меня пылинки! Он будет только мой! И не будет никаких шифров, никаких отключений телефонов, никакого вранья, виноватых поглядываний на часы, встреч, расписанных по минутам, одиноких выходных и праздников и нелепых оправданий перед женой, что накопилось слишком много работы! Ничего этого не будет! Никогда, потому что я сыта этим по горло! У меня будет нормальный мужик!!! — еще раз крикнула я и, закутавшись в полы норковой шубы, выскочила из своей спальни.

Спустившись вниз, я вбежала на кухню и буквально нос к носу столкнулась с Катериной. Катя оглядела меня напряженным, подозрительным и даже напуганным взглядом и тихо произнесла:

— Анатолий ужинает в гостиной. Ты хочешь присоединиться?

— Нет, — замотала я головой. — Не хочу. Я хочу выпить.

— В гостиной есть бар.

— Я не хочу туда заходить. Сходи и принеси сама.

— Что между вами произошло? Анатолий сидит в гостиной и в основном не ест, а пьет, и такими лошадиными дозами... Он недавно сел за стол и уже так набрался. Вы поругались, что ли?

— Катя, ты не спрашивай меня ни о чем, а лучше принеси мне выпить. Я не хочу заходить к Анатолию и там с ним встречаться.

— Хорошо, а что принести-то?

— Чего-нибудь покрепче. Виски или джин.

— Рюмку?

— Бутылку!

— Маша, да разве можно столько пить? — принялась стыдить меня Катя.

— Если я прошу бутылку, то это не значит, что я выпью ее всю. Я просто поставлю ее у себя в спальне и выпью столько, сколько мне захочется. И вообще, если бы ты с мое пережила, я не знаю, что бы стала делать. Ты и представить себе не можешь, как мне паршиво. Удивительно, что я вообще не спилась на этой вилле. Тут прямо не вилла, а какой-то кабак. Даже если ты никогда не пил, то здесь обязательно запьешь. Если ты никогда не курил, то обязательно здесь закуришь, а если ты был нормальным, здоровым человеком, то обязательно станешь психом. От вас здесь наверно все люди помешанными выезжают.

— Да нет. Такого не припомню. Нормальные все.

— Может, ты просто не замечала?

— Замечала. Нормально все было.

— А может, ты просто и не знаешь. Может же такое быть? Люди отдохнули на вилле, улыбаются, говорят друг другу «до свидания», разъезжаются по разным психушкам.

— Я про такое не слышала. — Катя дернула плечами и еще раз посмотрела на меня

подозрительным взглядом. — Я сейчас что-нибудь принесу. А ты точно не хочешь встретиться с Анатолием? Просто ужин такой вкусный. Ребята так старались, столько всего наготовили.

— Меня тошнит, и морду я эту не могу больше видеть.

— Какую морду? — не поняла меня девушка.

— Толину!

— А. Понятно. Сейчас я что-нибудь принесу. Через пару минут Катя принесла уже начатую бутылку джина и протянула ее мне.

— Там Анатолий уже дошел до кондиции. Еле на стуле сидит. Пепел прямо на пол стряхивает. Я ему замечание сделала, а он на него даже никак не отреагировал. Сказал, чтобы я из комнаты выметалась и не мешала ему по телефону разговаривать. Еще сказал, что у него здесь все схвачено и за все заплачено. Мол, у него все включено. Если он захочет, то он прямо посреди стола по-большому нагадить может.

— Что, прямо так и сказал?

— Прямо так и сказал.

— Вот дурак пьяный. Так он ужинает или что делает?

— Да, пьет в основном и бычки об дорогой стол тушит. Я некоторых новых русских не понимаю. Такое положение имеют, такими деньгами ворочают, а когда напьются, то ведут себя, как самое обыкновенное быдло. Смотреть противно. Ни черта он не ужинает. Даже ни к чему не притронулся. Уже все остыло. Он в основном по телефону разговаривает. В Москву звонит, с кем-то ругается. Я его еще никогда таким пьяным не видела. Он всегда такой сдержанный, такой культурный, а тут сам на себя не похож. Наверно у него что-то стряслось?

— А мне плевать, что у него стряслось.

— Маша, а тебе в норковой шубе не жарко? — как-то осторожно спросила меня Катя.

— Нет, мне холодно, — сухо ответила я.

— Правда? А я во всем доме кондиционеры включила. Мне показалось, что в доме жара страшная.

— Может, кому и жарко, а мне лично холодно. Знобит меня что-то.

— Может, ты простыла?

— Не знаю. Мне кажется, что у меня это нервное.

— Давай я тебе капель успокоительных налью. У меня в аптечке, кажется, есть.

— Не нужно. Ты мне и так уже капель целую бутылку налила. Так что я пошла лечиться.

Я натянуто улыбнулась и нечаянно отпустила полы своей норковой шубы. Моя шубка распахнулась, и показалось обнаженное тело, покрытое множеством синяков, царапин и ссадин. От неожиданности Катя слегка вскрикнула и тут же зажала рот ладонью. Поняв, в чем дело, я поставила бутылку джина на стол, наглухо застегнула все пуговицы и попыталась ее

успокоить.

— Катя, ничего страшного не произошло. Подумаешь, забыла пуговицы на шубе застегнуть. С кем не бывает.

— Но ведь у тебя под шубой ничего нет...— растерянно пробормотала девушка.

— Ну и что такого? Можно подумать, ты никогда в жизни не видела женщин, которые одевают шубу на голое тело. Можно подумать, ты сама так никогда не ходила. Такое бывает сплошь и рядом.

— Я так не ходила. Конечно, это твое право. Может, у тебя с Толей какие-то свои сексуальные игры, но дело не в этом, а в твоих синяках. Послушай, как ты его терпишь?! Он у тебя что, садист какой-то, что ли? Садист?! Как ты с ним живешь?! Таких гадов просто расстреливать надо! К стенке ставить, и дело с концом!

— Все, хватит — прерывисто выдохнула я. — Надоело. Я пошла лечиться, а то я что-то плохо себя чувствую.

— Может, закусить все-таки что-нибудь возьмешь?

— Не хочу. Меня прямо наизнанку выворачивает. Как только я развернулась и пошла по лестнице вверх, Катя тихо меня окликнула и грустно произнесла:

— Маша, а Лены до сих пор нет. Прямо не знаю, что делать и что думать.

Я посмотрела на Катю глазами, полными слез, и чуть было не выронила бутылку джина из рук.

— Найдется.

— Ты думаешь?

— Я просто уверена.

— Знаешь, а ведь с ней раньше никогда такого не случалось.

— Я думаю, что все будет хорошо.

— Может, мне в полицию заявить?

— В полицию?! — У меня поплыло перед глазами, я пошатнулась и схватилась за лестничные перила. — А зачем в полицию?

— Ну как зачем?! У меня подруга пропала. Не могу же я сидеть сложа руки.

— А что толку от полиции?

— Как, что толку? Они искать будут.

— Кто будет искать, арабы?

— Ну хотя бы арабы. Пусть хоть кто-то ищет. Нужно же что-нибудь предпринять...

— Рано еще. Подожди. Я думаю, что она сама скоро объявится.

— Ты предлагаешь еще подождать?

— Конечно. Заявить в полицию ты всегда успеешь.

Стараясь не смотреть на Катерину, я обняла бутылку джина и пошла вверх. Когда я подошла к двери своей спальни, Катя окликнула меня еще раз, и я, перевалившись через перила, посмотрела на нее вниз.

— Ну, что еще?

— Маша, ты извини, я просто хотела сказать тебе, что когда ты снимешь свою шубу, то можешь отдать мне ее в чистку.

— А она что — грязная, что ли?

— Очень. Норка-то ведь голубая. На ней куски засохшей грязи и песка полно. Словно тебя где-то в грязи валяли. Жалко, шуба-то ведь дорогая. Греческая?

— Скандинавская, — глухо ответила я.

— Тем более. Ты к зеркалу подойди и все увидишь сама. Короче, если будет желание, то ты дай ее мне. Я ее почищу, и она будет как новенькая.

— Хорошо.

Зайдя в спальню, я быстро закрыла дверь на щеколду и подошла к зеркалу. Катя была права: дорогая норка напоминала хламиду бомжа. Бросив шубу прямо на пол, я открыла дверь в ванную комнату, налила в ванну побольше пены, включила воду и залезла внутрь. Затем схватила мочалку и отчаянно принялась тереть свое тело. Я не знаю, сколько времени я его терла, я хотела протереть его дыр, пока на моей коже не появится кровь и не смоет следы той грязи, которая накопилась во мне за сегодняшний вечер. Конечно, грязь с тела всегда можно смыть, но как смыть грязь с души? Как излечить больную душу, если в нее изо всей силы плюнули? Кто ответит за мои страдания, унижения и слезы? Конечно, тот, кто меня сюда привез. Тот, кто превратил мою жизнь в кошмар, которому не видно ни конца ни края. Он ответит. Он обязательно за все ответит. Никогда нельзя так унижать женщину, потому что тот, кто унижает женщину, унижает женскую душу, а это опасно. Это очень опасно.

Откупорив бутылку джина, я налила себе полный стакан и осушила его залпом, даже не поморщившись. Приятное тепло растеклось по моему телу, и я почувствовала себя значительно лучше.

Закутавшись в банный махровый халат, я вышла в спальню и вздрогнула: внизу раздавались какие-то крики. Кричали мужчина и женщина. Я не могла ошибиться. Открыв дверь, я выглянула вниз и увидела разъяренного Анатолия, который обрушивал потоки брани на Катерину.

— Если ты не скажешь мне, куда она сбежала и где прячется, я вызову полицию, и тогда в этом доме никому не поздоровится!

— Подождите, это какое-то недоразумение. Лена на такое не способна.

— Откуда тебе знать, на что способна эта детдомовская дрянь?! Откуда?

— Лена не может взять чужого.

— А кто тогда? Ты?!

— Да что вы такое говорите... Я в этом доме не первый год работаю, у меня прекрасные рекомендации.

— А я плевал на твои рекомендации!!! Тогда это она! Свистнула деньги и накрылась медным тазом! Куда-то рванула! И я хочу знать, куда!

Не удержавшись, я быстро спустилась вниз и, встав рядом с Катей, спросила:

— В чем дело? Ты почему на девушку накинулся?

— Потому, что у меня пропала десятка зелени.

— Что пропало? — не поняла я.

— Десять тысяч долларов, вот что!

— Как они пропали? — опешила я.

— А как деньги пропадают?! — еще больше взбесился совершенно пьяный Анатолий, размахивая у нас с Катей перед носом полупустой бутылкой виски. — Ног у них нет, и летать они не умеют. Ее подруга стащила у меня из барсетки десятку зелени и задала деру.

— Она на это не способна. Она не может, — взмолилась девушка.

— Эта детдомовская тварь все может. У нее по фэйсу видно, что она только и смотрит, где бы что-нибудь стянуть.

— Подожди, а ты уверен, что у тебя в барсетке была десятка зелени?

— Конечно. Ты меня что, за дурака что ли держишь?

— А зачем ты взял такие большие деньги с собой за границу?

— Это для тебя они большие, а для меня совсем маленькие.

— И все же, зачем ты взял такую сумму за границу?

— На мороженое! — съязвил Анатолий.

— На мороженое?

— Вот именно. Хотел нормально поесть мороженого, а эта тварь мне не дала. Где она сейчас может быть?!

— Я не знаю, — испуганно пожала плечами Катя. — Я сама ее потеряла.

— Значит, я звоню в полицию. Пусть ее найдут и привлекут к ответственности за воровство.

— Нет, не надо. Я умоляю вас, не надо. Я уверена, что Лена скоро объявится. Я в этом просто уверена.

— А ты ее не покрываешь?

— Нет, ни в коем случае.

— А может, ты с ней тоже заодно? Может, вы обе в доле?

— Нет! По-моему, это какое-то недоразумение. Лена скоро появится и все объяснит.

— Ладно, тогда я пока не буду звонить в полицию. Ты сейчас что, спать что ли собралась?

— Помою посуду и спать. Уже поздно.

— Ты должна меня развлекать. Давай переодевайся и танцуй мне в гостиной танец живота. И если можно, прихвати еще пару-тройку девчонок. Я сегодня гуляю. Устройте мне хорошее шоу.

— Но уже поздно.

— Для меня веселье только начинается.

— Хорошо. Я сейчас позвоню в соседний отель и приглашу девушек-танцовщиц оттуда, но сами понимаете, что это стоит денег.

— Не бойсь, я не обижу. Сколько там танцовщиц?

— Пять.

— Отлично. Пусть едут все. Я сегодня всю ночь гулять буду. Восточные танцы, музыка, разноцветные огни и отличная выпивка. Через сколько твоя команда будет в сборе и начнется концерт?

— Через час.

— Отлично. Я жду в гостиной.

Девушка бросилась к телефону и, схватив трубку, тут же убежала в другую комнату. Пьяный, еле стоящий на ногах Анатолий посмотрел на мой банный халат и ухмыльнулся:

— Извини, дорогая, что я не смог принять с тобой ванну. Звонков было выше крыши. А у тебя есть национальный костюм? Я хочу, чтобы ты тоже для меня сегодня танец живота танцевала.

— Зачем ты придумал, что Лена украла у тебя деньги? — возмущенно воскликнула я. — Зачем ты устроил этот спектакль?

— Затем, что эта дура Катерина меня уже достала. Каждый день ноет мне, что у нее подруга пропала и что она заявит в полицию. Вот я и устроил ей такую штуку, чтобы не расслаблялась. Я сказал, что ее подруга у меня десятку зелени вытащила и с деньгами сбежала. Она в эту байку поверила и сама перепугалась. Сейчас она ни о какой полиции даже и не вспомнит и вообще про эту Ленку забудет. Теперь я хозяин положения и могу ставить свои условия.

— А ты хитрый.

— А ты думала...

— Значит, гулять всю ночь будешь?

— Буду. А ты танцевать для меня будешь!

— Не буду!

— А я сказал, будешь! Небось для своего козла, который тебе двенадцать лет мозги парил, вовсю отплясывала?

— Я его любила, — с дрожью в голосе ответила я.

— А меня?

— А тебя я ненавижу! Ты даже представить себе не можешь, как я тебя ненавижу!!!

Я не стала дожидаться реакции Анатолия, быстро развернулась и пошла вверх по лестнице в свою спальню.

ГЛАВА 16

Я поднялась в свою спальню и подошла к зеркалу.

— О, господи, неужели это я? — прошептала я, глядя на бледную, хрупкую женщину с изможденным лицом и какими-то постаревшими глазами. — Неужели это я? Не может быть... Такого просто не может быть. Я никогда не была такой, а мои глаза всегда горели светом, который давал жизненную силу. Я всегда была чувственной и искушенной в любви, но теперь от этой чувственности не осталось даже следа.

Не снимая банного халата, я прилегла на диван и включила телевизор. В голове зрел план предстоящего побега: я прекрасно понимала, что три недели в этом ужасном доме я просто не выдержу. Если Анатолий дойдет до кондиции, то он вырубится прямо в гостиной и продряхнет в ней до морковкина заговенья. Для страховки я могу подсыпать в его бокал какого-нибудь снотворного, и тогда мне уже ничто не помешает покинуть дом. Мой паспорт и мои деньги находятся в его комнате, куда я совершенно спокойно смогу войти и точно так же спокойно их забрать...

Я хотела было закрыть глаза и немного вздремнуть, но о каком сне можно было говорить, если на первом этаже дома дико завывала восточная музыка.

— Что они там колонки что ли на полную мощность включили, — пробурчала я сама себе под нос и положила подушку на голову. Пролежав так около двух минут, я бросила подушку на пол, дотянулась до бутылки с джином, налила себе рюмку и принялась медленно из нее потягивать.

Через полчаса я поняла, что уже просто не могу лежать колодой и, скинув банный халат, переделась в легкие джинсы и цветастую майку. Выйдя из своей комнаты, я хотела было войти в спальню Анатолия за паспортом и деньгами, но подумала, что еще слишком рано, что еще не пришло мое время. Спустившись вниз, я заглянула в гостиную, где веселье было в разгаре, и посмотрела на совершенно пьяного Анатолия. Он сидел прямо на полу, среди множества маленьких подушек, в национальном халате с восточным орнаментом, хлопал в ладоши и смотрел на танцующих девушек. Увидев меня, он махнул мне рукой и оглушительно заорал, стараясь перекричать такую же оглушительную музыку.

— Маня! Пойди сюда! Веселье только начинается! Хватит там наверху одной сидеть! Ты только посмотри, как у нас здесь здорово! Красота! Ты только посмотри, как у нас здесь весело! У

меня прямо дух захватывает! Я уже тысячу лет так не отрывался!!!

Я наигранно улыбнулась, прошла через весь зал и села на пол рядом с Анатолием. Анатолий слегка меня обнял и прокричал мне прямо в ухо:

— Маня, ты смотри, какие телки классные! А вон у той, которая справа, смотри какие сиськи! А жопа! Красота! Телки все как на подбор! А как сиськами-то трясут, а бедрами! Мне всегда нравились восточные танцы, есть в них что-то такое, от чего душа из груди выскакивает! Ой, Маня, у меня от таких танцев сейчас ширинка треснет! Тяжело себя сдерживать, когда таких баб видишь!

Я посмотрела на стоящий на подносе чайник и налила себе чашечку чаю. Анатолий чокнулся со мной рюмкой виски и уже не так весело сказал:

— Давай за нас с тобой выпьем. Правда, ты мне сегодня нагрубила, и я за такие дела должен был хорошенько тебя наказать, ну да ладно, прощаю. Я же знаю, что ты это не со зла сказала, а за Махмеда на меня обиделась. Ты же просто погорячилась. Ну скажи, ты ведь погорячилась?

— Погорячилась, — кивнула я головой и принялась пить свой чай.

— Я тоже так подумал. Но мы же с тобой решили, что кто старое помянет, тому сама понимаешь... Маня, а ты чего брюки-то надела? Ты ж вроде недавно в банном халате была.

— Не могу же я в банном халате к столу выйти.

— Ерунда, ты к столу можешь хоть голяком выйти. Тут все схвачено, за все заплачено. Я за эту виллу такие бабки отстегнул, что я теперь тут царь и бог. Мы можем устанавливать свои порядки.

— Нормы приличия ни за какие деньги не отменишь.

— Ты не права, Маня, за деньги в этой жизни все можно сделать, а уж отменить какие-то там нормы приличия тем более.

— Я не Маня, я Маша, — поправила я мужчину.

— Ну, как знаешь. Маня тоже красиво звучит.

Анатолий был настолько пьян, что с трудом удерживал равновесие. Я наблюдала за тем, как он пьет виски, и мысленно молила Бога о том, чтобы он выпил как можно больше.

— Машка, а ты что штаны-то надела? — не мог успокоиться пьяный Анатолий.

— А что я, по-твоему, должна была надеть?

— Иди попроси у этих девок костюм. Потанцуй для меня. Я хочу посмотреть, как ты это делаешь.

— Я не умею, — резко ответила я.

— А ты попробуй.

— Я не умею, — повторила я еще более раздраженным голосом.

— Так пойдй поучись.

— Желания нет.

— Для меня у тебя должно всегда быть желание.

— Какой к черту костюм, если у меня все тело в синяках и ссадинах. Мне даже на люди стыдно показываться.

— Загоришь, и не будет видно твоих синяков и ссадин. В следующий раз будешь себя вести нормально, я тебя пальцем не трону. Но пылинки уже никогда с тебя сдуть не буду, ты это учти. Облажалась ты передо мной. Очень сильно облажалась.

Поставив чайник на поднос, я дождалась, пока музыка закончится и девушки возьмут пятиминутный перерыв. Затем подошла к запыхавшейся, вытирающей пот со лба Катерине и быстро проговорила:

— Катя, у меня к тебе дело. Пойдем выйдем на пару минут.

— Куда? — не поняла меня девушка.

— Да куда хочешь, только подальше от Анатолия. — Я украдкой взглянула на пьющего мужчину и перевела взгляд обратно на девушку.

— Пойдем выйдем.

Как только мы вышли в коридор, я заметно занервничала и быстро заговорила:

— Катя, ты сказала, что у тебя есть аптечка. Так есть или нет?

— Есть, — кивнула головой ничего не понимающая Катерина.

— Замечательно.

— Что замечательно? Что у меня есть аптечка?

— Вот именно. А у тебя там есть какое-нибудь хорошее сильное снотворное? Ну скажи, есть или нет?! Это вопрос жизни и смерти.

— Но ведь Толя дает тебе какое-то снотворное, — удивилась девушка. — Оно на тебя не действует?

— Нет. Мне нужно что-нибудь посильнее.

— Маша, ты сейчас все равно не уснешь, что бы ты ни принимала. Слишком громко орет музыка, а тише мы бы и рады сделать, но Толя не велит. Он велел включить музыку на полную катушку. Мы и сами не понимаем, как он до сих пор не оглох.

— Катя, мне нужно сильнодействующее снотворное, — сказала я уже настойчивее. — Ты мне скажи, у тебя оно есть?

— А для кого?

— Для Анатолия.

— Для Анатолия?! — Катя заметно побледнела и широко раскрыла глаза.

— Только не удивляйся и не говори, что это ужасно, что нехорошо подсыпать лекарство в спиртное пьяным мужикам. Ради Бога, уволь меня, от выслушивания подобного.

— Да Анатолий и так скоро отключится. Он уже еле сидит. Его шатает из стороны в сторону. Куда ему еще снотворное-то?! Еще немного — и он уснет среди своих подушек. Ты же прекрасно видишь, что он не в себе, что он в дупель пьяный. Он даже спяну стал катить бочку на мою подругу, сказал, что она его обворовала и сбежала. А я Лену прекрасно знаю. Она в жизни чужого не возьмет.

— Но ведь кто-то взял у него эту десятку баксов, — не моргнув глазом сказала я.

— А может, ее и не было вовсе? — как рак покраснелась девушка. — Может, она ему спяну померещилась? Посмотрим, как он заговорит, когда протрезвеет. Маша, а зачем ты хочешь усыпить Анатолия?

— Затем, что я хочу зайти в его спальню, забрать свои документы и деньги, уехать в аэропорт и утренним рейсом улететь в Москву. Я знаю, что сейчас он мертвецки пьян, но я хочу подстраховаться.

Я посмотрела на часы и взволнованно вздохнула.

— Время у меня еще есть. А когда я заберу свои вещи и деньги, я дам тебе сто долларов. Подумай, ведь это совсем неплохо. Сто долларов за пачку снотворного.

Видимо, мои слова подействовали на Катерину. Она кивнула головой, сходила к себе в комнату и принесла мне пачку каких-то таблеток.

— Тут четыре таблетки. Ты две подмешай, а то сердце не выдержит. Четыре не подмешивай.

— Я бы ему все четыре подмешала. Ты уверена, что сердце не выдержит?

— Ни в коем случае этого не делай. Может, сердце-то и выдержит, если оно у него очень сильное, но страшное отравление гарантировано. И неизвестно, чем это закончится. Я тебя умоляю. А то ты его траванешь и улетишь, а я с ним что делать буду?

— Хорошо. Я пошутила.

— Спасибо.

— За что? — нервно усмехнулась я.

— За то, что ты его травить не будешь. Я понимаю, конечно, что он тебя достал, но травить его ни в коем случае нельзя. Надо быть благоразумной. Думаешь, он меня не достал? Еще как достал! Ты даже представить себе не можешь. Конечно, меньше, чем тебя, но все равно. По-моему, он уже всех достал. Я еще никогда не встречала человека, который умеет так всех доставать...

— А это сильное снотворное?

— Очень.

— Тогда по рукам. Перед отлетом я дам тебе обещанную сотню баксов. Извини, Катя, я могла

бы и больше, но у меня денег в обрез. Осталось только на билет.

— Я понимаю.

Катя кивнула головой и, услышав, что снова зазвучала музыка, побежала к танцующим девушкам. Я повертела пачку снотворного в руках и отправилась на кухню, чтобы растолочь лекарство. Вынув две таблетки, я посмотрела на оставшиеся две и, вздохнув, оставила их в покое. Если бы не Катя, я бы не раздумывая скормила Анатолию всю пачку, но Катерина сама меня предупредила, и я решила не рисковать. Когда две маленькие таблетки превратились в белый порошок без малейшего запаха, я достала две пустые рюмки, сбегала к себе наверх за бутылкой джина и разлила джин по рюмкам. Затем спрятала оставшиеся две таблетки в карман джинсов и, посмотрев на часы, понесла рюмки туда, где царило веселье.

Сев рядом с Анатолием, который лихо водил плечами в такт музыке, я протянула ту самую рюмку, куда было подмешано снотворное, и, мило проговорила:

— Я предлагаю выпить.

Анатолий усмехнулся и взял предложенную ему рюмку.

— Что это на тебя нашло? Чего ты так ангельски запела?

— Просто захотела с тобой выпить.

— А за что пить-то будем? — Голос Анатолия был полон ехидства.

— Как за что? За перемирие. С этой минуты я за все тебя простила, так и ты за все меня прости. Так что, за мир?

— За мир и дружбу народов! — пьяным смехом рассмеялся мужчина.

— За мир и дружбу народов.

Я поднесла свою рюмку к губам и хотела уже было ее выпить, но Анатолий сморщился и принялся нюхать свою.

— А что пить-то будем?

— Джин, — нисколько не смутилась я.

— Джин?!

— Ну да. Очень хороший, дорогой. Лесом пахнет. Вернее, елочными иголками.

— Лесом? А ты что, по лесу соскучилась?

— Соскучилась. И по лесу, и по снегу, и по проблемам, которые остались в Москве.

— А вот я по своим проблемам вовсе даже не соскучилась. У меня их там столько, что тебе и не снилось. Я бы еще целый век ими не интересовался.

Я выпила свою рюмку до дна и наигранно улыбнулась.

— Хороший джин. Вкусный.

— Вообще-то я джин не люблю. Я бы лучше вискарика выпил.

— Ну, за перемирие можно выпить. Я же не каждый день тебе такие тосты предлагаю.

— Ты считаешь, что мне нужно выпить эту рюмку? — Пьяный Анатолий сверкнул в мою сторону недобрыми глазами и еще раз принял.

— Конечно. Я же свою выпила, — слегка побледнела я. — А зачем ты ее нюхаешь? Я же тебе говорю, что елочными иголками пахнет. И почему ты так на меня смотришь?! Что я тебе сделала? Я просто принесла тебе рюмку, чтобы выпить с тобой за мир.

Анатолий оглушительно расхохотался и вылил содержимое рюмки на подушки, покрытые национальным узором. Затем заглянул в уже пустую рюмку и швырнул ее в стену. Рюмка со звоном разлетелась на тысячи осколков.

— Хоть бы таблетки нормально растворила, дрянь! Я теперь из твоих рук в жизни ничего не возьму. Что, думаешь, ты самая умная? Как бы не так, я тебя насквозь вижу. Пошла отсюда, пока я тебя собственными руками не задушил! И не думай, что если я пьяный, то я дурак. Меня жизнь многому научила, и пьяный я соображаю ничуть не хуже, чем трезвый. У меня мозг никогда не отключается, а если бы он у меня хоть изредка отключался, то меня бы уже давно убили. А на тот свет мне еще рановато. Я не знаю, что ты мне там подмешала, снотворное или яд, и не хочу это знать. Мне это по барабану. Сейчас я тебе ничего не сделаю, но после этого вечера не жди от меня пощады. Я с тобой потом поговорю, в спальне. И не вздумай пытаться бежать. Ребята из охраны предупреждены. Если они тебя поймут, то тебя тут же будет трахать араб! Убежать тебе не удастся! Забудь о побеге!

Я закрыла лицо руками и, встретившись с перепуганным взглядом танцующей Катерины, выскочила из гостиной. Голова просто раскалывалась от боли, в висках бешено стучало. Поднявшись вверх по лестнице, я остановилась у спальни Анатолия, посмотрела вниз и, убедившись в том, что Анатолий не бежит следом за мной, а продолжает веселиться, осторожно открыла дверь. Зайдя в комнату, я тут же закрыла за собой дверь. В эту минуту я думала только об одном: мне нужны мои деньги и паспорт. Открыв одну из стоящих рядом с кроватью тумбочек, я нервно подняла руку и коснулась левого виска. Мне показалось, что в мой левый висок вошла довольно длинная игла. Голова наполнилась страшным шумом. Боль усиливалась и уже становилась нестерпимой. Я слышала, что так бывает на нервной почве и стоит только успокоиться, как все пройдет, но такую роскошь, как спокойствие, я позволить себе не могла. В верхнем ящике тумбочки лежал пистолет, а под ним мой загранпаспорт и совсем немного долларов на обратный билет. Достав пистолет, я внимательно его рассмотрела, увидела, что он заряжен, и сунула его в карман брюк. Затем убедилась в том, что загранпаспорт мой, положила в него деньги и запихнула в другой карман.

Когда я подошла к двери, у меня закружилась голова. Почему-то я почувствовала себя воровкой, хотя я ничего не крада, а взяла только то, что мне принадлежит. Перекрестившись, я заставила себя не думать о боли и мысленно пожелала себе удачи.

Выйдя из спальни Анатолия, я остановилась на лестнице, перегнулась через перила и посмотрела вниз.

— Веселее! Веселее! Живее! Энергичнее! Сегодня наша ночь!!! — выкрикивал Анатолий танцующим девушкам. — Я хочу, чтобы вы танцевали до седьмого пота! Молодцы! Еще энергичнее! Я хочу почувствовать себя настоящим шахом!!! Я шах, а вы мои рабыни!!!

— Господи, сколько же тебе нужно выпить, чтобы упасть без чувств, — раздраженно

произнесла я и спустилась вниз.

Затем я вышла из дома, набрала в грудь побольше свежего ночного воздуха и посмотрела на звездное небо. Это было совсем чужое небо. Уж слишком черное и холодное оно было, совсем не такое, как дома. Да и звезды на нем были какие-то неяркие, тусклые и еле мерцающие. Мне вспомнилось то время, когда я искала на небе свою звезду. Это было удивительное время, потому что я была слишком молода, слишком наивна и всю меня переполняло огромное желание жить. Тогда я была несравненной соблазнительницей, с огромной волей, острым умом и крепкими нервами, которые позволяли мне держать дистанцию с людьми на том уровне, на котором мне было нужно. Я хотела жить без забот, но при этом никогда не растворялась в интересах мужчины и всегда мечтала самореализоваться. Я искала любовь, я постоянно ее искала. Я искала то чувство, о котором все говорят, но которое испытали совсем немногие. Я искала это незнакомое чувство и верила, что оно обязательно должно быть благородным, страстным, глубоким, но при этом ни в коем случае не разрушительным. Я искала человека, на которого бы я смогла направить свое чувство, понимая, что именно с ним я смогу спокойно пойти по этой жизни и обрести настоящее спокойствие. Мне просто хотелось жить так, как мечталось, и с тем, о ком тоже мечталось.

Я еще раз посмотрела на звездное небо и подумала о том, как же оно далеко. А в этом небе проносятся самолеты, и в одном из них летит тот, который хотел увести меня в заоблачные дали и сделать по-настоящему счастливой. Эх, видел бы он меня сейчас... Хотя нет, не стоит. Пусть он запомнит меня счастливой, сияющей и излучающей теплый свет, который всегда манит и зовет к себе, к которому хочется приблизиться и у которого хочется хоть немного погреться, но как только ты приблизишься к нему, то сразу почувствуешь, как от него веет холодом. Пусть он запомнит меня в аромате роз, который ему всегда безумно нравился. Пусть он запомнит меня с лукавыми ямочками на подбородке, со смеющимися глазами и вздернутым носом. Пусть он запомнит меня веселой девушкой, которая всегда и во всем пробивала себе дорогу в жизнь сама, ни на кого не надеясь и ни у кого ничего не прося... Пусть он никогда не узнает о том, что приключилось со мной сейчас, о том, что, несмотря на массу поклонников, которые одолевали меня у него на глазах, я осталась одна. Пусть он никогда не узнает, что целых двенадцать лет я была любовницей женатого человека, запасной женой, что этот человек убил во мне всякую любовь к себе и каждый день внушал мне страшную, нелепую мысль о том, что я должна примириться со своей участью. Он никогда не узнает о том, что за все эти долгие двенадцать лет я почти не изменилась внешне, я была все такой же ухоженной, свободолобивой и жизнерадостной, но в душе я превратилась в какую-то жалкую рабу, которая тем не менее всегда бредила свободой, мечтала разорвать этот порочный круг и вступить в новую жизнь. Пусть он никогда не узнает всю мою жизнь и не увидит весь ужас, написанный на моем лице. Он никогда не увидит того мужчину, который отнял у меня свободу и после каждой моей попытки устроить свою личную жизнь вставлял мне палки в колеса. Пусть он не знает о том, что я попала во власть мужчины, который хотел властвовать не только над моим телом, но и над моей душой и любой намек на то, что он женат, воспринимал как личное оскорбление... Он никогда не узнает, как я попала на эту виллу и что здесь со мной произошло. Ему не нужно это знать. Ему просто не нужно это знать. Наверно в жизни есть какой-то закон, что если тебя всю жизнь окружают мужчины, которые пытаются завоевать твое расположение, то ты обязательно останешься одна и в один совсем не прекрасный день поймешь, что одиночество — это твой удел. Говорят, одиночество — это удел сильных, а я всегда была сильной. Всегда. И наоборот. Если твоя юность прошла вне мужских взглядов и ухаживаний и ты была лишена роскошных букетов и красивых комплиментов, значит, ты обязательно встретишь свою любовь, удачно выйдешь замуж и всю жизнь будешь счастлива.

Внезапно я с удивлением услышала чьи-то мужские голоса. Прислушавшись, я удивилась еще

больше: незнакомцы говорили по-русски.

— Михей, там в будке два араба сидят. Если я правильно понял, то это служба безопасности виллы.

— Только у арабов может быть такая беспонтовая служба безопасности, — рассмеялся второй незнакомец.

Поняв, что мужчины идут в направлении дома, я тут же зашла на веранду, присела и принялась слушать. Мужчины разговаривали где-то рядом, но слышно было плохо, и я изо всех сил вслушивалась в каждое слово.

— Мы там лодку бросили, как ты думаешь, это не очень подозрительно?

— А мне кажется, что до этого вообще никому дела нет. В доме, по-моему, какая-то грандиозная гулянка. Слышишь, как музыка грохочет, бабы визжат. Вилла неплохая, только я эту службу безопасности не пойму. Понатыкали видеокамер, забор массивный, а про море-то и забыли. Можно смело на лодке приплыть.

— Вообще, по идее тут на берегу тоже какая-нибудь охрана должна быть, а ее и в помине нет. Вот уж повезло так повезло.

— А вон там, видишь на берегу какой-то домик... Не знаю, может быть, охранника, а может, спасателя. Только там нет никого.

— В том-то все и дело. Заходите, гости дорогие, чаю попейте с ватрушками... У нас двери открыты. — Послышался неприятный смех.

Незнакомцы дошли до кустов, что росли у входа в дом, и спрятались в них. Я по-прежнему не видела незваных гостей и не имела возможности их разглядеть, а потому все так же ловила каждое слово.

— Наверно, у них здесь просто не бывает никаких преступлений. Арабская страна все-таки. Как говорится, в Багдаде все спокойно. Это только мы, российские головорезы, сюда можем приехать, пострелять да потоптать землю. А вообще, ты знаешь, меня просто поразило, что тут так охраны мало. Молоток всегда такой предусмотрительный был, а тут что-то совсем облажался.

— А на хрена здесь охрана, сюда люди отдыхать едут. Я же тебе говорил, тут никогда ничего не случается. Это же страна, где просто нашествие туристов. Здесь люди купаются, загорают и радуются жизни. Расслабляются, одним словом, после трудной работы. Такие, как Молоток, сюда вообще редко приезжают. Они каждого шороха боятся. Молотку и подумать в лом, что по его душу сюда кто-то приехать может. Нам его легче в Москве завалить, чем ехать к черту на кулички. Сюда и ствол-то попробуй провези. Хорошо еще, что у тебя тут жена гидом на фирме несколько лет работает и у нее концы есть, а если бы их не было? Что тогда? Тогда бы мы здесь черта с два что нашли, потому что здесь ничего нет, кроме наркоты, конечно. Я вообще никогда не видел, чтобы наркотой так спокойно торговали, а тут прямо в аэропорту продают. Нам бы такие порядки!

— Так зачем же мы сюда тащились? Сам же говоришь, что в Москве Молотка завалить легче.

— Легче-то легче, но здесь спокойнее в том смысле, что здесь меньше улик и всего прочего. А ихние менты? Это ж вообще курам на смех. Небось в своих длинных хламидах, как бабы.

- Тут в хламидах только в деревнях ходят.
- А вот и нет. Здесь каждый так прикинут.
- Но менты, вернее полицейские, точно так не одеваются.
- Еще скажи, что они офигеть какие продвинутые.
- Продвинутые не продвинутые, но кое-что в своем деле петрят.
- Я бы себе тоже такую хламиду прикупил.
- На кой черт она тебе сдалась?
- Да так, по дому ходить.
- Хорош гнать. Может, ты еще их национальную косынку прикупишь?
- А почему бы и нет, и кальян в придачу. Буду как бедуин.
- Я тебе говорю, хорош гнать. И все же хорошо, что Спартак решил Молотка именно здесь убрать. На чужой земле.
- Это точно, здесь легче следы замести, потому что здесь нормальных следаков нет и никогда не было. Молоток и представить себе не может, что по его душу из нашей необъятной Родины приехать могут. В Москве-то он всегда начеку, в последнее время даже охрану нанял.
- Разве Молоток с охраной ходит?
- Я же тебе толкую, что в последнее время он с двумя охранниками прогуливался.
- Надо же, а я и не знал.
- Они за ним везде ходили. Наверно, даже в сортир. Я всегда говорил, что чем круче Молоток поднимается, чем большего достигает, тем больше в нем становится лажи. А нынче он вообще озверел. Даже не желает знать, где ваши, где наши. Живет так, как ему хочется.
- Говорят, он с бабой сюда прилетел?
- А что за баба-то? Эта его дура Кира?
- Говорят, другая.
- Ловко же Молоток устроился. С одной встречается, с другой на курорт едет.
- Так ведь эта Кира замужняя.
- А та, которая с ним прилетела, что за баба?
- Да я ее в глаза не видел. Обыкновенная шлюха. Кто ж еще с Молотком-то полететь может? Обычная шлюха, падкая на деньги. Нынче, сам знаешь, все бабы продажные, за лавэ хоть на Северный полюс полетят.
- А бабу мочить будем?

- Конечно, будем. Фигли нам ее в живых оставлять. Шлюха не шлюха, а язык и глаза у нее есть. В любой момент может нас сдать с потрохами.
- А если в доме еще народа полно?
- Значит, будем мочить всех, кто есть.
- Так это же трупов сколько. Слышишь, там женские голоса? Там, по-моему, баб человек двадцать.
- А нам на кой черт нужны женские голоса?!
- У нас установка уничтожить всех, кто есть в доме.
- Боюсь, что там больно баб много. Слышишь, сколько женских голосов?
- Ну и хер с ними. Нормальные бабы в это время спят или книжки читают, а ненормальные поют и танцуют. Мне лично вообще никого не жалко, а уж баб и подавно.
- Послушай, а чего у тебя голос такой?
- Акклиматизация. Колбасит меня чего-то.
- Еще бы. Люди по несколько дней акклиматизируются, а мы с тобой всего на сутки прилетели. Что, сильно колбасит?
- Сильно.
- Домой вернешься, отлежишься. Температура может подпрыгнуть — как-никак, а дома снег, мороз. Но ничего, если организм здоровый, все будет хоккей.
- Мужчины замолчали, а я прислонилась к деревянной стенке веранды, закрыла глаза и постаралась быстро собраться с мыслями. Я сразу поняла, что Молоток — это Анатолий и что эти двое приехали сюда, чтобы его убить. Тут же я вспомнила, как Анатолий покупал у Махмеда оружие. Выходит, он покупал его не для того, чтобы защититься от ковбоя, а совсем для других целей. Ковбой тут ни при чем, и Анатолий никогда не верил в его существование. Он купил оружие для того, чтобы защитить свою жизнь, потому что он что-то чувствовал и чего-то ждал...
- Послушай, а ты точно знаешь, что Молоток в доме?
- Конечно, ведь мы же сами видели, как он в него заходил. Приехал откуда-то вместе со своей девкой и арабом. Только араб в дом заходить не стал, сразу уехал. Молоток вдвоем с девкой в дом вошел. Послушай, а тебе его девка странной не показалась?
- Показалась, и не просто странной, а психованной.
- Смотри-ка, мы с тобой мыслим в одном направлении.
- Еще бы. Если бы мы с тобой в одном направлении не мыслили, то мы бы вряд ли с тобой сработались.
- Конечно, психованная, в шубе ходит в такую жару.

— Во-во. А шуба у нее грязная, как у бомжихи. И сама она какая-то пришибленная. Идет, как будто ее рота солдат оттрахала, всхлипывает всю дорогу. Я так не понял, то ли она ревет, то ли постанывает. Может, ее Молоток отхерачил. С него станется. Говорят, он свою Киру частенько гонял. Поделом ей, замужня, а с Молотком якшалась. За это я баб и ненавижу. Продажные они все. Ну Кира хоть красивая была, а эта пришибленная, какая-то потасканная, что ли. Волосы в песке, слипшиеся... Походка — лучше не видеть... Не понимаю, Молоток себе что, получше что ли не мог найти?

— Мог. Видать, приспичило ему. Где ж это видано, чтобы бабы в Египте в норковых шубах ходили. Да хрен с ней, с этой бабой. Мне шлюх никогда жалко не было.

— Михей, давай посчитаем, сколько в доме народу. Сколько гробов-то будет?

— Ну давай, посчитаем. Анатолий, баба его помешанная и те пять шалав, которые сюда на маршрутном такси приехали. Они вроде приехали сюда танцевать, вон наряды свои на вешалках перли. Ты видел?

— Видел.

— Их, наверно, Молоток заказал на ночь. Он повеселиться любит. Шалав жалко немного. Какие-никакие, а все же русские. На заработки девки приехали. Вот и заработали себе на смерть.

— Ну и хрен с ними! На том свете танцевать будут. На этом они уже все, что можно, станцевали. А может, они не только танцевать приехали, но и передком заработать. Сейчас, сам знаешь, баба за деньги и станцует, и потрахаться даст. Только плати, и она тебе все сделает.

— Да разве Молоток всех осилит?

— Ну, не сразу, а может, по очереди.

— По очереди тоже больно много. Одного мужика на всех не хватит.

— Кстати, а может, в доме кто еще из прислуги есть? Может, там баб больше, чем мы посчитали?

— Может, и больше, только это роли уже не играет. Дом разлетится ровно через двенадцать минут. Пошли, вон в те дальние кусты свалим, а то больно близко сидим, вдруг и нам достанется. Посмотрим оттуда, как мы с тобой поработали. Главное, чтобы от Молотка остались рожки да ножки, тогда считай, что день не прошел даром.

— Короче, садимся в дальних кустах, но прямо перед домом, и смотрим, как оно все будет.

— Точно, напротив входа в дом, обзор там классный. Нам будет хорошо видно, кто сможет зайти в дом и кто из него сможет выйти. Я уже все узнал: в доме всего один выход, других входных дверей нет. А через окно здесь вряд ли кто-нибудь выходит. Если после взрыва из дома выскочит кто живой, то сразу стреляем.

— Как же, выскочит... После такого-то взрыва. Дом упадет и сложится, словно карточный.

— Мало ли. Всякое бывает. Это я для страховки говорю. Если кто живой, то я палю без разбора. Кстати, через четыре часа самолет. Улетаем утренним рейсом. Эх, вот бы здорово было прямо

в сумке привезти голову Молотка. — Незнакомец рассмеялся злобным смехом, от которого по моему телу пробежали мурашки.

— Точно! Слушай, а может, нам в сумке еще его хер привезти?

— Да ладно, я просто прикалываюсь. Мне чего, и поприкалываться нельзя?

— Сейчас не то время, чтобы прикалываться. Мы на работе.

— А может, у нас работа такая прикольная. Не работа, а просто умора.

— Слышишь, хорош гнать. Лучше достань пушку и нормально настройся. Может, кого мочить придется. Может, кто из дома выскочит. В жизни всякое бывает. Сколько случаев, что после даже самых больших взрывов кто-то живой оставался! Да полно таких случаев, выше крыши. Тоже мне, нашел место шутить.

— Вообще-то мы не совсем все верно делаем.

— Почему?

— Нам сказано Молотка одного убрать, а там танцующих баб полный дом.

— Значит, будем ликвидировать всех, кто есть в доме. Это нормально. Черт знает сколько времени нам придется ждать, пока Молоток один из дома выйдет, тем более я просто уверен, что он пушку себе прикупил и повсюду с пушкой ходит. А у нас билеты. Через четыре часа самолет улетает. Еще до аэропорта доехать надо и регистрацию пройти. У нас время не терпит.

— Это верно, времени у нас в обрез. А когда дом взорвется, сюда сразу же два араба со службы безопасности прибегут, что с ними делать?

— Если в доме все чисто, то мы успеем уйти и ничего с ними делать не придется.

— — Как это «все чисто»?

— Если живых нет, то мы успеем уйти и потом пусть сюда кто угодно приезжает, хоть полиция, хоть президент.

— А если кто из живых будет?

— Живых мочим. Другого просто не может быть.

— А арабы из службы безопасности?

— Если они мешать будут, ухайдокаем вместе со всеми.

— Не много ли жмуров получается?

— Нормально. Я тебе за свой базар отвечаю. Тут Молоток в расслабухе, а в Москве его голыми руками не возьмешь. Он там хитрый, как жук. То охрана, то еще чего. Поговаривают, что он сам хотел Спартака убрать, поэтому тянуть больше некуда, тем более мы сюда на сутки прилетели.

— Надо было номер в отеле снять и хоть недельку позагорать, дожидаться, пока Молоток один прогуливаться будет, и шлепнуть его.

— Недельку нам загорать никак нельзя. Подозрительно все это. Можно спалиться, а палиться в нашем деле тоже нельзя. Нам дан приказ ликвидировать Молотка за сутки, и против приказа мы не пойдём. В Москве работы выше крыши. А на отдых сюда надо с семьёй приезжать, купаться, загорать, нырять, сколько влезет.

— И какого хрена он этих танцовщиц именно сегодня заказал? Почему именно сегодня? Не мог телевизор посмотреть. Нет, ему гулять вздумалось. Привык гулять на широкую ногу. Это у него московская привычка.

— Да пусть гуляет. Нам какое дело. Тебя что, совесть что ли замучила?

— Да нет. Просто нервяк бьёт немного.

— Работа у нас с тобой такая, чтобы нервяк бил. Мы же не на заводе детали обрабатываем.

— Уж лучше бы на заводе, чем вот так в кустах сидеть и ждать, когда дом взорвется.

— Хорошо гнать. На заводе ты бы за всю жизнь тех денег не заработал, которые получишь после этого дела. Сиди тихо. Ровно десять минут осталось.

— Время так долго тянется.

— Обычно время быстро идет, а когда за такое берешься, оно всегда долго тянется. Но это только кажется. Смотри, как на моих часах секундная стрелка летит, не догонишь. Оглянуться не успеешь, как домика не будет.

— Тоже мне, домик. Это целый домище.

— У них такой домище называется виллой. После этих слов я почти ничего не соображала.

В ужасе от услышанного и полнейшей безысходности я зачем-то принялась расстегивать пуговицы на блузке, но мои руки меня не слушались и отчаянно тряслись. Я встала на колени, собрала все мыслимые и немыслимые силы и осторожно, чтобы никто меня не заметил, поползла в дом. Миновав веранду я заползла в дом, встала в полный рост, посмотрела на часы, вошла в зал, где гулянье было в самом разгаре, и глазами, полными ужаса, посмотрела на изнемогающих русских девушек, которые честно отплясывали свои деньги и в перерывах между танцами протирали свои лица и шеи полотенцами, смоченными холодной водой. Еще раз посмотрев на часы, я подошла к танцующей Катерине и попыталась ее остановить:

— Катя, стой, поговорить надо!

Но Катерина не остановилась и только взмахом руки показала мне, чтобы я не мешала и села на подушки.

— Маша, я не могу! — прокричала она мне сквозь громкую музыку. — Этот кретин сказал не останавливаться, а то он денег нам не заплатит. Посиди немного. У меня через десять минут перерыв.

— Через десять минут, может, уже будет поздно!

— Маша, но я не могу! Он ругается! Он ведь такой, возьмет и не заплатит ни гроша! Тогда вообще непонятно, какого хрена мы здесь столько времени скакали! Мне деньги нужны! Понимаешь?! Я именно из-за них сюда приехала! У меня дома родители больные. Оба на

инвалидности! Если я им на лекарства давать не буду, то они и недели не протянут! Им пенсии даже на питание не хватает! Поэтому сядь, посиди и не мешай! У меня через месяц небольшой отпуск, а мне с чем-то лететь надо! Вчера они мне сюда позвонили, у отца вообще ноги отказали, срочно нужна операция! А она стоит ого-го! Я сдохну, но деньги для него заработаю!!! Я за любую халтурку берусь! Не мешай мне!

— Если ты не остановишься, то тебе никакие деньги уже не понадобятся! Остановись немедленно!!!

— Не говори ерунды! Посиди десять минут!

Посмотрев на часы, я подбежала к пьяному в дупель Анатолию, выхватила у него из рук рюмку виски, залпом ее осушила, посмотрела на ревущие колонки и хотела было выключить музыку, но не стала этого делать. Затем залилась краской, как помидор, села рядом с Толей и быстро заговорила:

— Толя, слушай меня внимательно. Беда. Буквально через семь минут этот дом взлетит, как карточный домик. Там, в кустах, сидят двое. У них там пульт дистанционного управления или что-то в этом роде. Они прилетели сюда из Москвы, чтобы убрать Молотка, то есть тебя. Больше нельзя бездействовать. У нас мало времени. Если кто-то останется в доме живой и попытается выбраться из горящего ада, который здесь будет с минуты на минуту, то его сразу застрелят. Ты сделал мне слишком большую подлость. Такое не прощается. Я могла открыть окно и убежать одна в сторону моря, а тебя оставить на погибель. Возможно, я бы так и сделала, но в доме есть шесть русских девушек. Они не должны умереть! Ты должен им помочь. Ты должен открыть окно и всех, по одной, отправить в сторону катера. Мы сможем сесть в катер, отплыть отсюда, а затем причалить в другом месте и сообщить в полицию. Я хотела выключить музыку, но мне показалось, что это будет очень даже подозрительно. Не нужно ничего менять. Просто прикажи девушкам остановиться танцевать и всем подойти к окну.

Признаться честно, я совсем не рассчитывала на то, что пьяный Анатолий мне поверит и воспримет мои слова серьезно. Я думала, что в лучшем случае он обзовет меня дурой, скажет, что у меня большая фантазия, что у меня опять начались видения, но вместо этого он изменился в лице, даже слегка протрезвел, побледнел и процедил сквозь зубы:

— Где они?

— Кто? — опешила я.

— Люди Спартака.

— Они в кустах. У входа в дом.

— Значит, эти твари и здесь до меня добрались... Сколько, ты говоришь, у нас осталось?

— Ровно пять минут. — Я посмотрела на Анатолия глазами, полными слез.

— Сейчас открываем окно и бежим к катеру. Только делаем все очень тихо. Заведем мотор только тогда, когда дом разлетится на куски. Ты все поняла?

— Все. А как же девушки?

— Пусть танцуют.

— Как это, «пусть танцуют»?! — Я не знаю, как я выглядела в этот момент, но мне показалось, что я просто позеленела.

— Я сказал, пусть танцуют. Когда дом взорвется, в нем должны быть какие-то трупы, не важно какие, мужские или женские. Самое главное, что они будут обгорелые. Обугленные. Эти твари подумают, что там есть мой труп, и улетят. Это ребята Спартака. Ну а дома я покажу им, кто есть кто. Попомнят они меня!

Я украдкой смахнула со лба холодный пот и ощутила предательскую дрожь.

Анатолий резко встал и захлопал в ладоши.

— Всем танцевать не переставая! Оплата в тройном размере! В тройном размере, понятно вам? Мы с Машкой быстро искупаемся, туда и обратно! А вам не останавливаться, даже когда нас нет! Всем танцевать! Плачу в тройном размере!

На его лице застыла злобная ухмылка, а голос был полон яда.

Усталые, запыхавшиеся девушки закивали головами и принялись танцевать дальше. Анатолий схватил меня за руки, открыл большое окно, похожее на балконную дверь, прыгнул вниз и, взяв меня за талию, помог прыгнуть мне. Затем мы бросились к берегу и, добежав до причала, быстро забрались в катер. Меня страшно трясло, я плакала и смотрела на моего спутника безумными глазами.

— Толя, пойдй скажи девушкам! Скажи им, скажи! Они же ни в чем не виноваты! Они приехали сюда на заработки! У них дома дети, братья, сестры, престарелые, больные родители! Почему они должны погибать из-за твоих денег и из-за твоих криминальных дел?! Почему?! Толя, так нельзя! Толя! Так поступают только звери, а ведь мы же с тобой люди!!!

— Так можно! — злобно сказал Анатолий, не сводя напряженного, перепуганного взгляда с еще стоящего дома.

— Так нельзя! Они ни в чем не виноваты! Они же погибнут! Это же наши русские девушки! Толя, ты же мужик! Еще можно успеть! Ты же мужик!

— Да пустьдохнут! Почему я должен думать о других бабах?!

— Но ведь они погибнут из-за тебя!

— А мне плевать!

— Ну и сволочь же ты, Толя! Ну и сволочь! Ведь еще можно успеть!

— Нельзя! Осталось ровно три минуты! Даже чуть меньше.

— Толя, это же целых три минуты. Почти три минуты, — громко рыдала я и дергалась, словно в конвульсиях. — Подумай только, три минуты!!! Это же целая вечность! Толя!

— Заткнись, дура! Как только дом бабахнет, заводим мотор. Осталось уже две минуты.

— Еще можно успеть...

Я выскочила из катера и бросилась в сторону дома.

— Маня, ты чего, совсем сдурела?! — только и донеслось мне вслед...

ГЛАВА 17

— Сдурела! — крикнула я, не слыша собственного голоса, и припустила быстрее.

Внезапно поднялся сильный ветер, и даже сквозь оглушительную музыку я услышала, как зашелестели кроны деревьев. Серебряная музыка ветра пробуждала во мне еще больший ужас, и я совершенно не понимала, куда я бегу и что делаю. Я не смотрела на часы, хотя они были на моей руке, — я просто боялась на них смотреть.

Голова перестала болеть и стала совсем ясной. За считанные секунды передо мной пронеслись мое детство и юность. Я увидела себя маленькой девочкой в кружевной платице, с огромными бантами на голове, которая сидела в песочнице и набирала песок в игрушечное яркое ведерко. А затем я увидела уже повзрослевшую девушку на выпускном балу, которая танцует с одноклассником и флиртует со всеми подряд. А еще я увидела своих маму и папу... Они такие добрые, такие ласковые и такие заботливые. А затем я увидела совсем взрослую женщину, которая провожает своего женатого любовника к его жене, поправляет распахнутый халат, закрывает за ним дверь, включает телевизор, садится на одинокий диван, обнимает мягкую игрушку и уже в который раз понимает, что она совсем одна и от этого одиночества ей просто некуда деться. Женщина уже очень устала от такого ворованного счастья, да и какое это счастье... Она в который раз дает себе слово все изменить, все прекратить, перестать воровать чужое и попытаться найти свое. Она тупо пялится в мерцающий экран телевизора, смотрит передачу «Моя семья» и пытается узнать, что же такое семья, потому что она твердо убеждена в том, что счастливых семей не бывает. Сейчас она ворует чужого мужа, а придет время, и будут воровать у нее, только уже не чужого мужа, а собственного. И она не знает, украдут его или нет, а быть может, его оставят и будут им пользоваться по чуть-чуть, воруя его по маленьким кусочкам, стараясь делать это затяжное, долгое воровство как можно более незаметным... Она выключает передачу «Моя семья», потому что само слово «семья» в последнее время вызывает у нее очень сильное раздражение. Звонит телефон, она снимает трубку и слышит его голос. Он говорит, что благополучно доехал до дома, и желает ей спокойной ночи. А еще он говорит, что он очень сильно ее любит и что когда-нибудь они обязательно будут вместе. Она кладет трубку, прижимает к себе все ту же мягкую игрушку и ложится в одинокую кровать. Но сна нет. Она начинает думать о том, хочет ли она быть вместе с ним, и еще раз свыкается с мыслью, что все наши желания должны сбываться вовремя, а иначе они становятся не нужны...

Эти мысли пронеслись в моей голове за считанные секунды. Подбежав к распахнутому окну, я посмотрела на танцующих девушек глазами, полными слез, и заорала так, что едва не сорвала голос. И все же я перекричала громкую музыку. У меня хватило сил ее перекричать.

— Девчонки, быстро все к окну! В доме взрывчатка, быстро! Сейчас все взлетит на воздух!!!

Видимо, девушки подумали, что я хорошо приняла на грудь, остановились и засмеялись. И все же мои глаза, полные ужаса, мое мертвецки бледное лицо заставили их насторожиться.

— Что случилось? — немного нервно крикнула Катерина.

— Дом напичкан взрывчаткой! Он взлетит через несколько секунд! В кустах, перед домом, сидят люди, у них пульт! Они сюда приехали, чтобы убить Молотка, то есть Анатолия! Времени для объяснений просто нет! Через дверь выходить нельзя, они будут стрелять! Можно выходить только через окно! Быстрее, они уже нажимают на пульт!

Посмотрев на часы я увидела, что времени у меня уже нет, и залилась в истошном крике. Это подействовало на девушек, и они в панике бросились к окну, отталкивая друг друга, чтобы не остаться в обреченном доме. Самой первой рядом со мной очутилась Катерина. Мы отбежали с ней от дома на несколько метров и со слезами на глазах принялись наблюдать за тем, как из окна выпрыгивают другие девушки.

Я не помню, когда прогремел взрыв. Взрывной волной меня откинуло почти к морю. В ушах страшно гудело, а из ноги, в которую попали какие-то непонятные осколки, текла кровь. Я подняла голову и увидела, что рядом со мной лежит Катя. Удивительно, но на теле Катерины не было даже и царапины, правда, ее очень сильно оглушило.

— Мы живы? — с трудом прохрипела я и попробовала подняться.

— Живы.

— А другие?

Катерина села, протерла черными от пепла руками глаза и посмотрела на других девушек.

— Анжела жива. Марина жива. Карина жива, и все.

— Как все?

— Двое погибли. Взрыв прогремел, когда из окна выпрыгивала Светка. Ой, черт... Ее на куски разорвало. Даже голова отдельно валяется. У нее же двое детей маленьких дома осталось. Муж в прошлом году погиб. Лидку тоже разорвало. Каринка живая, но, по-моему, она очень серьезно ранена и у нее шок.

— Посмотри, что с Кариной, а я сейчас.

Я встала, посмотрела на свою окровавленную ногу и похромала к причалу, где стоял катер. Окончательно протрезвевший и насмерть перепуганный Анатолий уже завел мотор и принялся махать мне рукой.

— Давай быстрее, дура! Чего ты телишься?! Что у тебя с ногой?

— Ранило, а могло оторвать, — произнесла я ледяным голосом, глотая непрерывно бежавшие слезы, вытирать которые не было никакого смысла.

— Сама виновата. Я ведь тебе говорил, не ходи туда. Говорил или нет?!

— Говорил.

— Быстрее садись. Они могут еще объявиться.

— Кто?

— Люди Спартака.

— Мне плевать.

— Я тебе говорю, садись быстрее и поехали!

— Куда?

— На кудыкину гору!!! Короче, ты едешь или как?!

— Плыви сам на свою кудыкину гору, козел!

Я полезла в карман, достала из него пистолет и навела прицел на стоявшего в катере Анатолия. Перепуганный Анатолий бросился к мотору, и катер поплыл. Я стреляла до тех пор, пока Анатолий с диким криком не схватился за сердце, не закрыл обреченно глаза и не рухнул на дно катера. Я стреляла до тех пор, пока в патроннике не закончились патроны... Со всего размаха закинув пистолет подальше в море, я прикусила губу до крови и посмотрела вслед уже далеко уплывшему катеру, на дне которого лежал мертвый Анатолий...

Вот и все. Вот и все, сказала я сама себе и похромала в ту сторону, где громко плакали оставшиеся в живых раненые девушки. Катерина перевязывала Карину остатками своей одежды и бормотала себе под нос:

— Это же надо такому случиться. Это же надо... Кому скажи, никто не поверит. Каринка терпи, милая. Все будет хорошо. Вот увидишь, все будет хорошо.

Заметив меня, Катерина обратила внимание на то, что моя правая штанина вся насквозь пропиталась кровью, и судорожно замотала головой.

— Что у тебя с ногой?

— Не знаю. Осколками какими-то поранило.

— А кровь-то так и хлещет. Вся штанина мокрая. Нужно чем-нибудь перевязать.

— Я перевяжу. У меня в кармане платок есть.

Я закатала штанину, достала носовой платок и принялась перевязывать ногу.

— Ну, что там?

— Ничего страшного. Жить буду.

— Смотри, а то, может, зашить чего надо?

— В Москве зашью. Что с Кариной?

— Ранило сильно. Сейчас «скорая» приедет.

— А кто вызвал?

— Ребята из службы безопасности.

Увидев двух арабов из службы безопасности, которые чем-то накрывали тела несчастных девушек, я почувствовала себя гораздо лучше и поняла, что люди Спартака бежали и не будут отстреливать тех, кто остался в живых.

— Уже и «скорая», и полиция мчится, — усталым голосом сказала Катерина и попыталась сдуть со своих бровей сажу. — И даже труповозка. Жалко девчонок. Я с ними часто пересекалась. Девчонки на работу приехали, а не за смертью. Этот гад на катере сбежал?

— Какой гад? — вздрогнула я.

— Ну тот, из-за которого весь этот сыр-бор приключился. Анатолий хренов.

Я внимательно посмотрела на Катю, стараясь понять по ее лицу, видела ли она, как я застрелила Анатолия, или нет. Судя по всему она этого не увидела. Возможно, она посмотрела в сторону причала, когда катер уже отплыл.

— Он уплыл, — глухо ответила я.

— А куда?

— Не знаю. В море.

— Понятное дело, что не в пустыню. Сбежал, значит. Хоть бы там на его катер акула какая набросилась. Нельзя чтоб так, чтобы ему никакого наказания не было. Так не бывает.

— Поверь мне, он уже наказан. Еще как наказан. Я встала, полезла в карман, выгребла все свои доллары, отсчитала ровно на билет и протянула остальные Кате.

— Это что? — удивилась она.

— Доллары.

— Вижу, что не рубли.

— Я тебе обещала за снотворное сотку, но даю больше. Возьми, это твое.

— Не нужны мне твои баксы.

— Тебе не нужны, а твоему отцу на операцию нужны.

— Спасибо.

Катя взяла предложенные доллары и сунула их в карман. Я посмотрела на часы и глубоко вздохнула.

— Катя, я не могу ждать ни полиции, ни «скорой». У меня самолет. Уже идет регистрация. Мне было приятно с тобой познакомиться. Какой ужас, что все так вышло.

— А как же твой козел?

— Какой козел?

— Ну тот, который уплыл на катере. Вдруг он приплывет, а тебя нет.

— Мне это глубоко безразлично.

— Хотя по-своему ты права. Ему придется уже не с тобой общаться, а с полицией. В принципе он здесь ни при чем. Ведь не он же дом взорвал, а его хотели взорвать. Наверно, когда у него шок пройдет, он обязательно приплывет. Правда, ему уже будет негде остановиться, разве только в домике спасателя. Скорее всего его в отель поселят.

Я грустно улыбнулась и подумала о том, что Анатолий никогда уже не вернется, потому что оттуда не возвращаются.

— Если Лена появится, я ей тоже передам привет. Как она только вынесет, когда все узнает...

— Конечно, передай ей привет. — Я опустила глаза, постояла несколько секунд и посмотрела на оставшихся в живых девушек, которые тихо плакали и пытались хоть немного прийти в себя.

— Девчонки, держитесь. Я уезжаю. Карина, сейчас приедет «скорая». Обязательно выздоравливай. Я с тобой незнакома, но я уверена, что ты очень хорошая девушка.

Лежавшая на куче пепла перебинтованная девушка с трудом улыбнулась и глазами ответила мне, что все будет хорошо. Двое арабов из службы безопасности постарались меня остановить, на ломаном русском объясняя мне, что я должна дожидаться полиции и дать показания, но остановить меня было невозможно.

Выйдя за ворота, я увидела машину своего гида Махмеда, который тут же выскочил из автомобиля и бросился мне навстречу.

— Маша, мне позвонили. Через пару минут здесь уже будет полиция и «скорая». Где Анатолий?

— Уплыл на катере.

— Куда?

— Понятия не имею. Он передо мной не отчитывается.

— А ты куда?

— В аэропорт. У меня уже регистрация заканчивается, а мне в любом случае улететь надо, несмотря на то, что у меня на руках даже билета нет.

— Я отвезу тебя в аэропорт и отправлю ближайшим рейсом. У меня там знакомые. Тебе самой не улететь.

Я недоверчиво посмотрела на Махмеда, но поняла, что выбора у меня нет, и села в машину.

Как только машина поехала в сторону аэропорта, Махмед закурил и заметно занервничал.

— У тебя вообще багажа нет? — спросил он.

— Какой багаж, все сгорело.

— Говорят, в Москве двадцать с лишним градусов мороза.

— Ну и пусть.

— И как же ты без шубы и зимних сапог?

— Как-нибудь доберусь.

— Тебя кто-нибудь встретит?

— Нет.

— Почему?

— Потому, что меня могла бы встретить моя подруга, но мне неоткуда ей позвонить.

— Держи.

Махмед протянул мне мобильник.

— А вдруг я этим рейсом не улечу?

— Я же сказал тебе, что я тебя посажу.

— Но я не знаю номера рейса.

— Тогда давай я позвоню ей сам. Диктуй номер. Я продиктовала номер телефона своей подруги.

Махмед довольно быстро дозвонился до Ладки. Когда он назвал номер рейса и время прибытия в аэропорт, он протянул трубку мне.

— Лад, ты меня встретишь? А то я без зимних вещей...

— А где твоя шуба? — слышалось на том конце провода.

— Потом расскажу. Телефон не мой, а связь денег стоит. Так ты меня встретишь?

— Встречу, конечно.

Я отключила телефон и протянула его Махмеду.

— Меня встретят, — улынулась я.

— Только перед отлетом тебе нужно в туалет забежать и умыться. Ты вся в саже. Если ты помотришь на себя в зеркало, то не поверишь, что это ты.

— У меня нет никакого желания смотреться в зеркало, — нервно произнесла я и отвернулась в окно.

— Я тебя понимаю, но ведь в самолете сидят люди. Ты можешь их напугать.

Всю дальнейшую дорогу до аэропорта мы ехали молча и старались не смотреть друг на друга. Я закрыла глаза и подумала о том, что еще совсем недавно я смогла бы погибнуть точно так же, как и те девушки, лежащие у взорванного дома. Наверно, это очень страшно, когда жизнь продолжается... Когда на улицах цветут цветы, во дворах бегают ребятишки, когда идет снег, проезжают машины, работают рестораны, проходят различные презентации и выставки, рождаются дети, влюбляются друг в друга люди, создаются новые семьи и расходятся те, которые не прошли испытание отечественным бытом, а тебя в этой жизни нет. Тебя нет. Ты умерла. Ты больше никогда не увидишь, как идет снег, не сможешь ловить снежинки, не увидишь, как кружит листопад и как ласковое солнышко заставляет изнывать от жары. Все это будет у кого-то, но этого не будет у тебя, потому что тебя просто нет... Я никогда не верила в загробную жизнь, и я твердо знала одно: что со смертью всему приходит конец. И я страшно боялась смерти, потому что мне очень хотелось жить, несмотря на те трудности и неудачи, которые постоянно подкидывала мне эта самая жизнь. Хотя по большому счету я полагала, что смерть — это свобода от всего. Это просто свобода. Свобода от всех жизненных трудностей, обязанностей, условностей, различных стереотипов и отношений с людьми.

...А еще я подумала о Боге и о том, почему он допускает подобные несправедливости. Почему умирают молодые и здоровые? Почему так долго живут спившиеся и опустившиеся? Почему на свете столько зла и неправды? Почему жизнь кого-то испытывает, а кого-то балует и оберегает от неудач?

Я открыла глаза, посмотрела на Махмеда и задумчиво задала ему вопрос:

— Махмед, а ты веришь в Бога?

— Да. Я мусульманин. Я верю в Аллаха.

— А ты в него действительно веришь или ходишь в мечеть только потому, что туда ходят все и ты должен быть таким, как все?

— Я в него действительно верю. Я с детства учил Коран.

— А твой Аллах тебе когда-нибудь помогал?

— Всегда, — ни на минуту не задумываясь, ответил Махмед.

— А как он тебе помогал?

— Аллах всегда всем помогает.

— А мне кажется, что ты лукавишь. Ты ходишь в мечеть потому, что туда ходят все, и молишься по той же самой причине. Это внушили тебе с молоком матери. Это просто внушение, слепая вера.

— Не говори так. Мусульманская вера очень сильная, и она у нас в крови. А ты к какой вере принадлежишь?

— Не знаю, — устало пожала я плечами. — У нас все говорят, что верят в Бога, но в сущности какая это вера. Это уже какая-то мода. Даже страшно подумать о том, что сейчас верить в Бога стало модно. Модно ходить в церковь, модно ставить свечи, модно слушать проповеди, модно креститься. Я и сама не знаю, существует ли Бог, и начинаю думать, что его все-таки нет. Я верю в существование Ангела-Хранителя и знаю, что он у меня есть. Он мне помогает, оберегает, предостерегает. Когда я попадаю в какую-нибудь переделку и выбираюсь из нее в целостности и сохранности, я всегда благодарю своего Ангела-Хранителя, потому что знаю: мне помог он. А вот что касается Бога... Если Бог есть, то получается, что это он сотворил этот мир с его нищетой, ложью, лицемерием, предательством, несправедливостью и одиночеством... Он должен понимать, что очень тяжело жить среди всех этих пороков и при этом оставаться чистым. Он должен знать, что не каждый человек может вынести столько, сколько ему отпущено и уготовано судьбой, что у человеческих сил есть предел, что предел есть у всего, даже у терпения и понимания... Не каждый человек может быть сильным и справиться с тем, что ему уготовано. Далеко не каждый. Если Бог есть, то зачем же он сделал этот мир таким жестоким? Зачем он сделал все так, чтобы люди мучились?

— Жестоким мир сделал не Бог, а сами люди. Это не божьи пороки, а людские. Это люди лицемерят, врут, предают, изменяют, убивают.

— Неужели ты искренне веришь в то, что Бог есть?

— Верю.

— А как же толстые попы, от которых пахнет перегаром, которые набивают себе карманы и животы людскими приношениями?

— В семье не без урода. Я был в России и видел ваши церкви. Я видел то, о чем ты говоришь. Я видел пьяного попа, который отказывался крестить ребенка, потому что у этого попа голова трещала с похмелья. Ты не верь в церковь. Не верь в тех людей, которые стоят между церковью и Богом, потому что, как правило, эти люди не достойны служить церкви, и их большинство. Ты верь в Бога. Ты обязательно в него верь.

— Я буду. — Я всхлипнула и почувствовала, как у меня на глазах появились слезы.

— Ты просто живи и никогда не ищи в этой жизни смысла. Если ты будешь его искать, то ты наживешь себе ненужные проблемы.

— Я знаю, — кивнула я головой. — Я никогда не искала смысла жизни. Ни когда училась в школе, ни когда уже выросла. Я знаю, что смысл жизни в отсутствии всякого смысла. Я знаю, что я появилась на этот свет для того, чтобы пройти через все трудности, и я не думаю, что моя жизнь бесполезна.

— Ты появилась на этот свет для того, чтобы жить.

— Все верно, а трудности — это лишь составляющая моей жизни, и притом очень важная и серьезная составляющая. Махмед, а где ты выучился так хорошо говорить по-русски?

— У меня два высших образования, — улыбнулся Махмед. — Ну, вот мы и приехали. Ты сейчас зайдешь в туалет и постарайся привести себя в порядок, а я быстро найду нужного человека, чтобы тебя посадили в самолет. У тебя деньги на билет есть?

— Есть, — кивнула я головой.

— Хорошо, — встречаемся через пять минут в зале регистрации. — Только не тяни, регистрация уже закончилась.

— Само собой.

Зайдя в туалет, я посмотрела на свое отражение в зеркале и даже вскрикнула. Черное, запачканное сажей лицо... Грязная одежда, порванная в нескольких местах, и волосы все в саже.

— Бог мой. — Я посмотрела на часы, схватила лежащее на раковине мыло и сунула голову под кран.

Проходящие мимо женщины откровенно возмущались, показывали на меня пальцем, смеялись, но я не обращала на них ни малейшего внимания. Хорошенько вымыв голову, я оторвала как можно больше туалетной бумаги и использовала ее вместо полотенца. Посмотрев на свою изодранную одежду, я принялась ее замывать и пришла к выводу, что мои темные джинсы смотрят очень даже ничего. Затем, не придумав ничего лучшего, стянула с себя блузку и принялась ее стирать все под тем же злосчастным краном.

Следившая за чистотой в туалете девушка-арабка, закутанная по самые уши в теплую ткань, заморгала глазами, с ужасом посмотрела на мою обнаженную грудь, подскочила ко мне, замахала руками и что-то защебетала на своем языке. Постирала блузку, я принялась сушить ее под сушилкой для рук и успокаивать возмущавшуюся арабку, которая, по всей вероятности,

вымогала с меня деньги за то, что я нарушила какие-то местные туалетные правила.

— Успокойся, дорогая, — ласково улыбнулась я. — Ты думаешь, мне приятно стираться в этом свинарнике? Здесь же дышать нечем. Ты бы лучше шла туалет убирать или попрыскала чем-нибудь, а то ведь сюда можно только в противогазе заходить. И не смотри ты так на мою грудь. У меня грудь очень красивая, я и сама это знаю. А вот ты зря так запаковалась, на тебя ни один мужик не взглянет. Хотя ваши мужики на вас вообще не глядят. Они только в нашу сторону смотрят. Ты бы блузку какую обтягивающую надела с декольте, а то нацепила черт-те что. Балахон какой-то. И не кудахчи мне прямо в ухо. У меня от тебя голова болит.

Разумеется, арабка не понимала ни единого моего слова, и, когда я показала ей на швабру — мол, поди лучше приберись, — она раскипятилась еще пуще. В ее потоке арабской речи несколько раз прозвучало английское слово «мани».

— Нет у меня мани, рэкетирка чертова. Я бы тоже от мани не отказалась. А мани зарабатывать надо. Так что иди, зарабатывай свои мани. И распакуйся хоть немного. А то тело совсем не дышит.

Когда блузка немного подсохла, вставшая у другого крана русская женщина осуждающе покачала головой и заступилась за кричавшую арабку.

— Девушка, вы зачем тут такое устроили?! Разве так можно?! Это же туалет, а не баня! Вы бы еще тут подмываться прилюдно начали!

— Будет нужно, начну, — злобно ответила я и принялась надевать блузку.

— Вот по таким, как вы, о нашей нации и создается впечатление. Как они могут относиться к русским, если они видят подобное? Из-за таких, как вы, нас селят в самые плохие номера на первый этаж и без балконов. И из-за таких, как вы, нас обзывают на улицах и смеются нам вслед.

— Они не из-за меня вас на улицах обзывают, — совершенно спокойно ответила я и принялась застегивать пуговицы. — Я здесь ни при чем. Просто нация такая бестолковая, и развитие у них соответствующее. А насчет того, что нас селят в плохие номера, так это не я, это все мы виноваты, что считается, мол, для русских сойдет и так. Потому что мы не привередливы и не умеем отстаивать свою честь. А еще потому, что мы не дружные. Вон немцы какие дружные, их черта с два на первый этаж поселят. Они такую бучу поднимут. А русские сразу деньги суют, там где их совать совсем не нужно.

— И все-таки все это происходит из-за таких, как вы! — воскликнула разнервничавшаяся и раскрасневшаяся женщина и вышла из туалета.

Надев блузку, я тряхнула мокрыми волосами и с трудом удержалась, чтобы не стукнуть мыльницей по голове кричавшую арабку.

— Хватит орать! Дура набитая! Возьмешь мани в другом кармане!

Когда я вышла к Махмеду, он тут же схватил меня за руку и повел к какой-то регистрационной стойке.

— Быстрее! Быстрее. Ты почему так долго?! Люди уже в самолете сидят!

— Я в порядок себя приводила.

— Долго ты себя в порядок приводила.

— Быстрее не получалось. Как я хоть выгляжу?

— Чистая, но очень мокрая.

— Пусть я лучше буду чистой, но очень мокрой, чем грязной, но сухой.

Когда в моих руках появился билет на самолет, я пожала Махмеду руку и отвела глаза в сторону. Махмед пожелал мне летной погоды и как-то виновато добавил:

— Не держи на меня зла за то, что произошло той ночью. Я же мужик, а тот, кто прилетел сюда с тобой, просто сволочь.

— Ты тоже сволочь, — не сдержалась я. — Таких сволочей еще поискать надо. Ладно, давай. Удачи тебе.

Помахав расстроенному Махмеду рукой, я пошла на посадку и старалась не оборачиваться назад... Потому что теперь, после всего, что со мной случилось, я дала себе установку: НИКОГДА И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕ ОБОРАЧИВАТЬСЯ НАЗАД.

ГЛАВА 18

Как только самолет взлетел в небо, я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Перед глазами возник падающий от выстрела Анатолий. Я видела перепуганные глаза, его предсмертную гримасу, слышала его душераздирающий крик. Наверно, как только он увидел в моей руке пистолет, то понял, что ему не уйти от пули. Я содрогнулась от сознания того, что Анатолия уже нет, что катер будет возить мертвеца по морю до тех пор, пока не кончится топливо. А затем... Затем, возможно, его найдут. Быть может, какое-то другое, проплывающее мимо судно. Установят его личность и будут расследовать его смерть и искать убийцу. Его тело перевезут на родину, а затем расследование обязательно продолжится в России. Взрыввиллы... Смерть девушек... Все это соберут и непременно выйдут на меня. Кто видел, что это я выстрелила в Анатолия? Никто. Только Катерина видела, что я подходила к катеру, о чем-то разговаривала с Анатолием, а затем катер уплыл. Она видела только это, и по ее поведению я поняла, что она не видела ничего лишнего. А почему кто-то должен подумать, что в Анатолия стреляла именно я? Быть может, его застрелили те, кто так и не смог его взорвать? Я-то тут каким боком в их разборках?

От этих мыслей у меня окончательно голова пошла кругом, и, не придумав ничего лучшего, я открыла глаза и посмотрела на сидящих рядом со мной пассажиров. Я вдруг подумала о том, что те двое бандитов, которые хотели взорвать дом, летят утренним рейсом, и, возможно, моим. Возможно, они сидят со мной в одном самолете и наблюдают за мной со стороны. Возможно... Мною тут же завладел необъяснимый страх, и я заметно съежилась и стала нервно стучать пальцами по коленям. И почему мне так страшно? Почему? Даже если эти двое летят со мной одним рейсом, это еще не говорит о том, что мне угрожает опасность. И в конце концов если они хотели убить Анатолия, то это не значит, что они хотят убить меня. Да и за что меня убивать? Меня убивать просто не за что. Я не сделала им ничего плохого, не видела их лиц, я просто слышала их голоса, но они об этом не знают. Они даже и подумать не могут о том, что я знаю об их существовании, что я слышала весь разговор. Самолет забит до отказа, и я при всем желании их не узнаю, потому что нельзя узнать людей, которых ты никогда в жизни не видела.

— Девушка, вам плохо? — поинтересовалась сидящая рядом со мной старушка.

— Плохо, — кивнула я головой.

— Может, вам лекарство какое требуется? Можно спросить у стюардессы. Я сразу обратила на вас внимание, вы зашли сюда какая-то мокрая, странная... Я сейчас позову стюардессу.

Старушка нажала кнопку вызова стюардессы, а я даже не обратила на это внимания. Я смотрела прямо перед собой, вспоминала все, что произошло со мной на так называемом отдыхе, и дрожала как в лихорадке. Я даже не услышала, как к моему креслу подошла стюардесса; я поняла, что она рядом, только когда она слегка потрясла меня за плечи.

— В чем дело?

— Ваша соседка меня вызвала. Вам очень плохо?

— Мне нехорошо, — с трудом выдавила я из себя.

— Что вас беспокоит?

— Что? — Я посмотрела стюардессе прямо в глаза и нервно усмехнулась.

— Я говорю, что вас беспокоит?

— Вам лучше не знать о том, что меня беспокоит. Живите себе спокойно и никогда не лезьте в беспокойства других. Чем меньше знаешь, тем спокойнее спишь.

— Я же вам говорю, что она очень странная, — слегка отодвинулась от меня старушка.

Ничего не понимающая стюардесса посмотрела на меня подозрительным взглядом и уже не так участливо произнесла:

— Своей соседке вы сказали, что вам очень плохо. Вы так говорили?

— Мне не плохо. Мне просто паршиво. Паршивее не бывает.

— У вас что-нибудь болит? Сердце?

— Сердце...— Я задумалась и утвердительно кивнула.

— У меня очень болит сердце, но еще больше душа.

— Так вам дать какое-нибудь лекарство или нет? — начинала терять терпение стюардесса.

— А у вас есть что-нибудь от души?

— От души?!

— От души.

Стюардесса переменялась в лице и недовольно фыркнула.

— Девушка, вы надо мной издеваетесь?

— Нет.

— Вы знаете, как русские люди лечат свою душу?

— Как?

— Водкой. Если хотите, то можете купить бутылку. Мы вам с удовольствием ее продадим.

— Водкой душу не вылечишь.

— Как знаете. Если что, обращайтесь, а то к концу полета может быть поздно. Все разберут.

— Я подумаю.

Как только стюардесса ушла, дотошная старушка посмотрела в мою сторону и осторожно спросила:

— Муж, что ли, бросил?

— У меня нет мужа.

— Ну, любимый...

— Если тебя бросает любимый, то это еще не самое страшное. Куда как страшнее, если у тебя его вообще никогда не было. С потерей любимого жизнь продолжается. Это уж я теперь точно знаю.

— Умер что ли тогда кто?

— Умер.

— А кто?

— Да много народа полегло.

— Все там будем, — вздохнула старушка. — Ничего уж тут не поделаешь. А вы должны взять себя в руки. На вас же смотреть страшно.

— Почему страшно? Я вроде помылась.

— Бог мой, да вы и в самом деле не в себе.

— Может быть.

Я посмотрела на старушку пустым взглядом, и та сразу же взяла газету, нацепила очки и углубилась в чтение.

Когда разнесли обед, я с огромным трудом заставила себя проглотить кусок курицы, попила чаю и вновь закрыла глаза. Прямо передо мной ругалась семейная пара, подсчитавшая свои финансовые потери после поездки.

— Это все ты виновата. Набрала столько сувениров, что даже на такси не осталось, — злобно ругался муж, ничуть не стесняясь соседей.

— А что ж, нам надо было с пустыми руками что ли лететь? — недоумевала жена. — Нужно же всей родне сувениры подарить.

— Да то говно, которое ты набрала, столько не стоит. Это говно можно у нас на рынке у китайцев купить.

— Китайцы такое не смогут сделать. Такое смогут сделать только египтяне. И в конце концов мы же не из Китая летим, а из Египта.

— Из-за твоих сувениров нам придется тащиться на автобусе.

— Прокатимся на автобусе. Ничего страшного.

— С такими баулами!

— А хоть бы и с такими баулами. Я же тебе говорила, что нужно взять денег как можно больше.

— Да тебе сколько ни бери, все мало. У тебя все в трубу вылетает.

— Зарабатывать нужно больше.

— Найди себе того, кто зарабатывает больше, чем я.

— Захотела бы — за один день бы нашла. И вообще непонятно, что я с тобой, дураком, связалась и столько лет прожила?!

— Так не живи!

— Я уже тысячу раз пожалела о том, что вышла за тебя замуж.

Я улыбнулась, почувствовала невольную неприязнь и постаралась отключиться от этой свары. Я никогда не была замужем, но хорошо знаю, что у брака есть не только хорошие стороны, но и целая масса отрицательных сторон. Одна из отрицательных сторон брака — это деньги. Мужчина, не умеющий их зарабатывать в нужном количестве, и женщина, не умеющая их тратить... Я бы не хотела так жить. Я бы хотела жить так, чтобы ни о чем не жалеть. Я бы хотела встретить мужчину, который бы сам умел решать свои мужские проблемы, а не перекладывал их на хрупкие женские плечи, не списывал бы на меня свои неудачи, баловал бы меня, как ребенка, и любил. Я бы хотела встретить мужчину, который смог бы защитить меня от себя самой, и тогда наша с ним связь была бы поистине нерушимой. Я бы не хотела повторить судьбу многих женщин, которые вступают в брак счастливыми и окрыленными, а в браке становятся бескрылыми и несчастными. Я бы не хотела встретить мужчину, быть счастливой, прожить с ним какой-то отрезок времени и стать несчастной. Я бы так не хотела. Я бы не хотела ходить с красными от слез глазами и жалеть о том, что я так глупо и совершенно необдуманно устроила свою судьбу. Я бы хотела гармонии взаимоотношений, и я бы хотела знать, что если я развиваюсь и двигаюсь дальше, то человек, который находится рядом со мной, тоже не стоит на месте. Я бы хотела встретить того, с кем бы мне было легко и спокойно и с кем бы я чувствовала подлинное удовольствие от того, что он рядом. Наверно, я слишком много хочу. Слишком много. Именно поэтому я и одна. А впрочем... Впрочем, пусть лучше я буду одна, чем я буду с кем-то и ждать от этого кого-то того, чего он не может мне дать...

Когда голоса спереди стихли, я постаралась отключиться от своих мыслей и прислушалась к тем голосам, которые раздавались сзади меня.

— Михей, что-то меня опять колбасит.

— Сейчас домой прилетишь, и тебя будет еще больше колбасить. Акклиматизация тяжелая штука, тем более если ты приезжал только на сутки. Давай лучше водочки накатим.

— Давай по водочке.

Как только до меня донесся запах спиртного, я напряглась и принялась слушать дальше.

— Послушай, а ты девку, которая сидит впереди, видел?

— Не-а. Эта которая?

— Да вот, прямо перед нами сидит. К ней еще стюардесса подходила.

— Я спал.

— Я заметил ее еще, когда она в самолет вошла. Странная она какая то, мокрая.

— Какая?

— Мокрая.

— Где мокрая?

— Дурак, ты не о том подумал. Башка у нее мокрая.

— Может, она только из моря вылезла?

— У нее башка бы уже высохла.

— А может, ее в туалете кто искупал?

— Короче, пока ты спал, к ней стюардесса подходила, только я не слышал, о чем они разговаривали. У меня наушники от плеера были надеты. Дурак я, надо было снять, послушать.

— И что ты к этой девке-то привязался? На кой она тебе сдалась?

— Просто лицо у нее знакомое. Где-то я его видел. Я просто уверен, что мы с ней где-то раньше встречались. В голове прямо крутится, а вспомнить не могу. Хоть убей, не могу вспомнить.

— Может, у вас с ней чего было?

— Дурак ты, не было у нас с ней ничего. И не могло быть... Все, вспомнил! Знаешь, она на девку Молотка похожа.

— Ты гонишь.

— Падла буду.

— Но ты же понимаешь, что этого не может быть?

— Понимаю, да только кажется мне, что это она.

— Да ты точно водки перебрал. У тебя башню окончательно снесло.

— Это у тебя башню снесло. Моя башня всегда стоит на месте. Между прочим, эта девка в

самолет вошла без багажа.

— Ну и чего?

— Ну и ничего. Просто без багажа, и все.

— Можно подумать, ты с багажом в самолет вошел!

— Я хоть с пакетом вошел, в котором дубленка лежит, а у нее вообще ни хрена нет.

— Может, и у нее какой пакет был.

— Да не было у нее никакого пакета.

— Может, она его в багаж сдала?

— А на улицу она что, в босоножках пойдет и в летней блузке? Где ее сапоги и кофта?

— Не забывай, что мы на аэробусе летим. Некоторые свои пакеты в нижнем отсеке оставляют.

— Может быть. Но, по крайней мере, она единственная в этом самолете, кто в него пустой вошел. У нее даже женской сумочки нет.

— А на хрена ей женская сумочка?

— Чтобы перед зеркалом прихорашиваться. Бабы всегда перед прилетом прихорашиваются. Носы пудрят, губы мажут.

— Да ладно тебе. Ясный месяц, она свои вещи в нижнем отсеке оставила. И не все бабы свои носы пудрят. Некоторые краску на дух не переносят. Я вообще не пойму, что ты к этой девке привязался? Понравилась она тебе, что ли?

— Я сейчас к стюардессе схожу воды взять и еще раз на нее посмотрю.

Услышав последнюю фразу, я тут же закрыла лицо волосами и прикинулась спящей. Теперь я уже не сомневалась в том, что лечу в одном самолете с теми, кто взорвал виллу. Когда бандит пошел к стюардессе, я слегка прищурила глаза и сквозь упавшие на лицо волосы постаралась его разглядеть.

— Михей, она спит. Ни черта не видно.

— Ладно тебе, хорош гнать. Ты щас еще рюмку выпьешь, и тебе Молоток, царство ему небесное, живой померещится в соседнем салоне. Давай лучше по водочке.

— Давай. А ты уверен, что Молотку царство небесное?

— Уверен. Ты сам видел, как система идеально сработала.

— Надо было хоть дождаться, пока все стихнет, и убедиться, что он помер.

— Оставаться в кустах после того как все произошло, все равно, что лишний раз спалиться. Тем более народу столько полегло. Мы сделали все правильно. Как только громыхнуло, нас и след простыл.

— Нет, неправильно. Мы не убедились, что все сработало.

— Да сработало все в лучшем виде.

— Доверяй, но проверяй. И вообще, чего это мы с тобой такие разговоры затеяли? На кой черт они в самолете сдались?

— Ты сам начал.

— Это ты сам начал. Давай лучше по водочке...

Я сидела ни жива ни мертва и по-прежнему притворялась спящей. Голова просто раскалывалась, а на виски давило с такой чудовищной силой, что я с трудом сдерживала страшную боль. Когда самолет пошел на посадку, почти все пассажиры начали утепляться, обувая зимние сапоги и натягивая теплые вещи. Стюардессы принялись усаживать переодевающихся пассажиров по своим местам и заставлять всех пристегиваться ремнями безопасности.

— Немедленно сядьте! Самолет идет на посадку! Моя старенькая соседка натянула на себя теплый свитер и не переставала следить за мной любопытным взглядом.

— А вы почему не одеваетесь? Передали, что в Москве двадцать два градуса мороза.

— Не хочу.

Старушка посмотрела на мои босоножки и покачала головой.

— Ну хоть носки наденьте и обувь какую-нибудь потеплее.

— Самолет еще не произвел посадку! Сказали всем сидеть на своих местах! Вы бы закрыли глаза, сосали свой леденец и не доставали меня своей болтовней! — неожиданно вырвалось у меня.

— Да ради Бога. И не нужно на меня кричать.

— А вам не нужно меня доставать.

Как только самолет коснулся земли, пассажиры дружно зааплодировали, по традиции благодаря экипаж за прекрасный полет и мягкую посадку.

Старушка по-прежнему не сводила глаз с моих босоножек.

— Вы так и будете на меня тарашиться или все-таки пройдете к выходу?

— А вы что, так и пойдете раздетая?

— А может, я одежду в нижнем отсеке оставила? — еще больше занервничала я и даже затылком почувствовала, как за мной наблюдают пассажиры, сидящие сзади.

— А обувь? — никак не унималась старушка.

— А может, я морж?! Может, мне вообще теплой одежды не требуется? Может, я в прорубь ныряю? И вообще, разрешите пройти.

Недолго раздумывая, я перелезла через старушку и направилась к выходу. Мои надежды на то, что нас проведут в здание аэропорта по так называемому рукаву, не оправдались. Вместо теплого рукава нас вывели на улицу и подогнали автобусы. Запрыгнув в первый попавшийся автобус, я застучала зубами и принялась растирать заледеневшие руки.

— Девушка, а вам не холодно?

Рядом со мной встал один из сидевших за мной мужчин, от которого за версту сильно несло перегаром.

— Холодно, — буркнула я и отвернулась.

— И где же ваша теплая одежда?

— Меня встречают. Мне теплые вещи привезли. Я просто не хочу с ними таскаться. Я так всегда делаю — когда в жаркие страны уезжаю, то переодеваюсь в летнее прямо в аэропорту и отдаю одежду своим близким, а когда прилетаю, то утепляюсь после того, как меня встречают. Обычно всех пассажиров через теплый рукав проводят, а тут на мороз выгнали.

Мужчина посмотрел на мои босоножки и покачал головой:

— Что, и кроссовок не взяли?

— Я кроссовки вообще не ношу. — Двери автобуса наконец-то закрылись, и я смогла облегченно вздохнуть. — Это не мой стиль. У меня спортивные вещи дома разве что для фитнеса.

— А что, у вас вообще никакого багажа нет? — подозрительно задал мне вопрос второй мой сосед.

— Нет. Я свой багаж в гостинице потеряла.

— Каким образом?

— Как багаж теряют? Обыкновенно. Приятного мало. Кто-то увел. Такая вот неприятная история приключилась со мной на отдыхе. Хорошо, что хоть под конец, а если бы в самом начале, то была бы настоящая катастрофа. Все увели — шмотки и пакет с сувенирами.

— А кто увел-то?

— Не знаю. Кто может увести багаж? Понятно, что кто-то из русских туристов. Я сумку собрала, поставила ее в холле и пошла в бар расслабиться на дорожку. Возвращаюсь, а сумки-то и нет. Вот такие дела. Что-то искать и куда-то заявлять уже поздно.

А тут как раз автобус подали, чтобы в аэропорт ехать. Вот я и отправилась домой без багажа.

— Да, паршивая история. А в каком отеле вы отдыхали?

— Я?

Увидев, что двери автобуса открылись, я не ответила на заданный мне вопрос и бросилась на улицу. Добежав до паспортного контроля, я огляделась по сторонам и встала в очередь.

— Девушка, так вы не ответили, в каком отеле вы отдыхали? А то, может, мы с вами соседями

были? Уж больно лицо знакомое...

Я побледнела, повернулась и увидела, что в очереди за мной стоят все те же двое.

ГЛАВА 19

— Я была в отеле «Гранд Хилтон», — громко соврала я.

— А где это? Что-то мы о таком не слышали...

— Тут отелей полно, обо всех невозможно слышать. Кстати, отель очень хороший, вот только вещи там воруют. Но, видно, такая уж у меня судьба. А вообще-то я с удовольствием в нем отдохнула и вам советую.

Отвернувшись от мужчин, я нервно поправила волосы и принялась ждать, когда же подойдет моя очередь. Но, как назло, она двигалась очень медленно.

— Девушка, а вас кто-нибудь встретит? Может, вас довезти? — опять послышалось сзади.

— Спасибо. Меня встречают.

— А кто?

Повернувшись к мужчинам, я изменилась в лице, собрала остатки самообладания и, превратившись в комок нервов, процедила сквозь зубы:

— Послушайте, ребята, может, хватит меня допрашивать?! Вам что, больше делать нечего? Может, вы еще спросите, с кем я буду спать сегодня ночью?!

— И с кем же вы будете спать сегодня ночью? — ничуть не смутился тот, которого звали Михеем.

Я демонстративно отвернулась и перестала обращать внимание на стоявших за мной мужчин.

— Странная вы какая-то, девушка, — послышалось сзади. — Мы к вам по-хорошему, до дома хотели подвезти, а вы в амбицию. Даже познакомиться не хотите. Девушка, а может, вы мне симпатичны? Девушка, а может, я вас в кино хочу пригласить на последний ряд? А может, я вас там хочу немного потискать?

— Михей, кончай, видишь, девчонка покраснелась вся. Ты ее уже достал.

— А может, я ее хочу. Девка-то классная. Все при ней. Все в шубах стоят и в зимних шапках, а она в блузочке и в босоножках. Возбуждает.

— Михей, прекрати.

— А вот и не прекращу. Девушка, а вы мне свой телефончик не оставите? Девушка, а может, адресок подкинете? Я к вам как-нибудь заскочу с бутылкой шампанского, двумя яблоками и пачкой презервативов.

— Михей, ты гонишь. Ты перепил.

— Я не перепил, просто эта девка меня так с ума свела.

Я не обращала внимания на своего подвыпившего «ухажера» и с нетерпением ждала, когда же я смогу наконец покинуть зону паспортного контроля, перестану слушать бредни пьяных головорезов и встречу с Ладкой. Я твердо знала одно — сейчас эти типы не сделают мне ничего плохого. Во-первых, у них нет с собой никакого оружия, в самолет-то его не пронесешь. Во-вторых, они даже и не догадываются, что я знаю, кто они такие. В-третьих, в аэропорту слишкомлюдно, а значит, эти двое не станут здесь светиться. Когда подошла моя очередь, я показала свой паспорт, прошла по зеленому коридору и вышла в зону получения багажа. Так как никакого багажа у меня не было, то я тут же прошла в зал прилета и, увидев ожидающую меня Ладку, бросилась к ней на шею.

— Ладка, Ладка! Господи, ты и не представляешь, как я рада тебя видеть! Ладушка!

Я вела себя, что называется, крайне неадекватно: громко ревела, точно так же громко смеялась и смотрела на Ладку глазами, полными счастья.

— Маш, успокойся. Ну что с тобой творится. Люди смотрят.

— Ну и пусть смотрят. Какое мне дело до этих людей. Плевать я на них хотела.

— Маш, на людей плевать нельзя. С ними считаться нужно.

— Меня не интересуют другие люди. Я просто очень рада видеть тебя и безумно рада тому, что я вернулась. Ты мне взяла что-нибудь из теплых вещей?

— В машине лежат. А я и не думала, что ты такая раздетая. А где твои вещи-то?

— Ладка, долго рассказывать. Не сейчас.

Лада опустила глаза и посмотрела на меня виноватым взглядом.

— Лад, ты мне что-то хочешь сказать?

— Я даже не знаю, как мне это сделать.

— Говори как есть. Что-то случилось?

— Я не одна.

— Ас кем ты?

— С Вадимом.

— С Вадимом?! А где он?

— Вон он стоит.

Ладка махнула рукой, и ко мне подошел Вадим с огромным букетом цветов. Протянув мне букет, он поцеловал меня в щеку и тихо спросил:

— Тебя можно довести до дома?

— Ну, если только до дома...— Мое сердце куда-то ухнуло, и мне даже показалось, что оно остановилось. Я посмотрела на его губы и тут же вспомнила их необычный вкус. Они были слишком чувственные и немного соленые. Но я не хотела показывать Вадиму, что я

почувствовала, увидев его после всех моих приключений. Я старалась быть сдержанной и по возможности безразличной.

— Тогда я сейчас машину подгоню прямо ко входу, а то ты совсем раздетая. В машине есть теплые вещи. Я печку включу, и ты сразу во все теплое оденешься.

Вадим пошел за машиной, а я прижала к себе букет и посмотрела на Ладку.

— Маш, ну не злись на меня, — виновато произнесла моя подруга. — Ты понимаешь, в последнее время творился кошмар.

— Какой кошмар?

— Мне кажется, что Вадим сошел с ума. Да, да, прямо умом рехнулся. Понимаешь, он прибежал ко мне на работу, устраивал скандалы, а один раз меня чуть не задушил. Я чудом осталась жива.

— Как это — чуть не задушил?

— Так, схватил меня за горло и стал требовать твои координаты. Мол, как твой отель называется и с каким мужиком ты улетела. Кричал, что застрелит вас обоих, требовал новый номер твоего мобильного. Он себя еще никогда в жизни так не вел. Просто буйный какой-то. Знаешь, мне было по-настоящему страшно. Я очень сильно перепугалась. Я и в самом деле подумала, что это конец. У него даже пена у рта выступила. А тут у меня мобильный зазвонил. Он решил, что это ты звонишь, и схватил мой телефон без разрешения. А на том конце провода твой ухажер египетский, Анатолий, или как его там. Ты бы слышала, как они сцепились. Этот ему трехэтажным, а тот пятиэтажным. Я даже уши заткнула. Хорошо, что это было только по телефону, а то если бы они встретились в жизни, то уже точно бы друг друга завалили.

— Ужас какой. — Я испуганно захлопала глазами. — Вадим отродясь себе не позволял ничего подобного.

— Я же тебе говорю, что у него крышу снесло. Если бы я его сюда не взяла, он бы меня на тот свет отправил. Это он сейчас такой смирный, с цветами, улыбается, а ты бы видела его несколько часов назад.

— Привет. — Я почувствовала, что кто-то хлопнул меня по плечу, и тут же оглянулась. Позади меня стояли все те же двое моих попутчиков, улыбались и внимательно всматривались в мое лицо.

— Кто это? — поинтересовалась Лада.

— Эти двое меня еще в самолете достали.

— Мы просто хотим вас с подругой подвезти.

— Спасибо. Меня встречают.

— Кто?

— Конь в пальто.

Я взяла Ладку за руку и потащила к выходу.

— Маш, ты что с ними так грубо? Вроде ребята неплохие, только выпившие.

— Пошли быстрее. Это бандюги.

— Какие бандюги? Нормальные ребята.

Ладка попыталась оглянуться, но я изо всей силы дернула ее за рукав.

— Не оглядывайся и не смотри на них. Я же тебе сказала, что это бандюги. Быстро садимся в машину и дергаем отсюда.

— С чего ты взяла, что они бандюги? Ребята отдыхать ездили.

— Ребята не отдыхать, а работать ездили. Я тебе потом все расскажу, когда Вадима не будет.

— Да, похоже, ты влипла в паршивую историю.

— Не то слово.

Выйдя из аэропорта, мы тут же сели в машину Вадима и поехали в направлении города.

— Маша, я тебе дубленку свою старую привезла. Сапоги, правда, не очень, но зато теплые. У нас с тобой размер одинаковый. Свитер, юбка. Переодевайся, а то дрожишь вся.

Я принялась переодеваться, но, как только коснулась больной ноги, то тут же взвыла от боли.

— Ой, мамочки! Мамочки!

— Маш, что с тобой? — в один голос воскликнули Ладка с Вадимом.

— Нога... — прохрипела я.

— Что с ней?

— Не знаю. Опять кровь потекла. Мне кажется, ее подштопать нужно.

— А что с ногой-то? — встревожился Вадим.

— Там рана.

— Может, в больницу заскочим? Здесь на Ленинградке недалеко.

Я закивала головой и скорчилась от боли.

— Вот те раз, — растерянно произнесла Ладка. — И где тебя так угораздило? На ежа что ли на какого морского наступила? Или рыба укусила?

— Да, нет осколки в ногу попали. — Я села прямо на пол и громко застонала. — И зачем я стала сапоги натягивать?! Надо было в босоножках домой идти. Опять кровь пошла. Где больница-то?

— Уж почти приехали. Тут есть пункт, где оказывают первую помощь.

— А, что за осколки-то? — спросил Вадим.

— От взрывчатки, — еще больше застонала я.

— От какой взрывчатки? Где ты ее нашла? Несмотря на адскую боль, я сразу смекнула, что Вадиму не стоит знать лишнего, и тут же соврала:

— Да я случайно на гранату наступила. Вернее, даже не наступила, а просто наткнулась.

Вадим чуть было не въехал в столб, но все же справился с управлением и подъехал к больнице.

— Какую гранату? Ты что несешь? Откуда там гранаты?

— Да так, в пустыне лежала. Я шла мимо, смотрю, валяется. Думаю, дай я ее, как мячик футбольный, попинаю. Ну и пнула сдуру...

— Послушай, что ты несешь? Если бы все так было, как ты говоришь, то тебя бы на куски разорвало. Нам бы тогда встречать было некого.

— Я и сама не понимаю, почему меня тогда не разорвало... Почему я живой осталась.

— Ерунду потому что говоришь. Полную туфту.

Вадим вышел из машины, нежно взял меня на руки и понес в пункт оказания первой медицинской помощи. Ладка закрыла машину и пошла следом за ним.

— Вадим ты меня прямо как в загс несешь, — вымученно улыбнулась я.

— При чем тут загс, я тебя доктору хочу показать, — смутился Вадим.

— Жаль.

— Что тебе жаль?

— Жаль, что только доктору.

— А куда же ты еще хочешь? — заметно разволновался тут же покрасневший Вадим.

Но я уже не ответила на этот вопрос, я отвернулась и вновь застонала от боли.

Когда меня осмотрел врач, он удивленно покачал головой и в полнейшем недоумении спросил:

— Девушка, а вы как себя чувствуете?

— Нормально.

— Что значит нормально? Если бы вы чувствовали себя нормально, то вы бы просто сюда не приехали.

— Нога ноет. И надо мне было эти джинсы снимать.

— И сколько бы вы не снимали свои джинсы?

— Пока бы нога не зажила, — немного смутилась я.

— Так вот, если бы вы еще какое-то время не снимали свои джинсы, то у вас бы началась гангрена и нам бы пришлось вашу ногу ампутировать.

Я посмотрела на доктора глазами, полными слез, и тихонько всхлипнула:

— У меня что, настолько все запущено?

— Просто для меня удивительно, как вы терпели эту боль раньше. У вас в ноге торчат осколки, а один участок оголен прямо до кости.

— Что?

— Такую боль можно терпеть только в шоковом состоянии. Вы на войне что ли были?

Больше я ничего не помню. Перед глазами все поплыло, а тошнота не давала возможности даже дышать. Слегка приподняв голову, я тут же ее уронила и окунулась в туман...

...Когда я пришла в себя, то я как-то боязливо посмотрела по сторонам и, облизнув пересохшие губы, хрипло спросила:

— Где я?

— Вообще-то говоря, вас нужно положить в больницу. — Доктор наклонился надо мной и помог мне подняться.

— Я не лягу в больницу.

— Почему?

— У меня аллергия.

— На что? — удивился доктор.

— На больницу. Я как в больницу попадаю, то сразу чувствую себя плохо. Начинаю задыхаться.

— Хорошо. Вы можете лечиться и амбулаторно. Это ваше право, и никто его у вас не отнимает. Я сделал все от меня зависящее.

— А что вы сделали?

— Прочистил вашу рану, запущена она была просто ужасно. Наложил швы. Я выписал вам таблетки, будете их принимать десять дней. Можно поделаться уколы. Я все написал. И не забудьте снять вовремя швы. Некоторое время вы были под наркозом, поэтому сейчас ваше самочувствие будет не совсем хорошим. Как только доберетесь до дома, то сразу ложитесь в кровать. И не забудьте показаться местному хирургу. А еще я выписал вам успокоительное. Вам необходимо его попить, и прошу вас от него не отказываться. Кстати, ответьте мне, пожалуйста, на вопрос, где это вас так угораздило? Я внимательно осмотрел ваши осколки. Это была нешуточная взрывная волна. Неужели опять террористы?

Я молча посмотрела на доктора и попыталась изобразить что-то наподобие улыбки.

— Я вас понял. Я задал вопрос, на который не услышу ответ. Будем считать, что я ни о чем вас не спрашивал.

Протянув мне целую кучу рецептов, врач открыл дверь, потер ладони и пригласил в кабинет Вадима и Ладугу.

— Можете забирать.

Вадим протянул доктору несколько сложенных вдвое купюр и со словами «спасибо, доктор» бросился ко мне для того, чтобы помочь мне подняться.

— Маш, как ты?

— Жива.

— Я вижу, что не мертва. Как ты себя чувствуешь?

— Представляешь, мне хотели отрезать ногу, но не отрезали. И от этого я чувствую себя потрясающе.

— Так уж и потрясающе. Держись за меня. Прямо в коридоре я столкнулась с Михеем и его другом, которые сидели на стульях и ждали, когда я выйду из кабинета. Увидев их, я слегка растерялась и невольно вздрогнула.

— А вы что здесь делаете?

— Да я с аэропорта вышел, поскользнулся и руку зашиб, — сказал тот, что предлагал пойти с ним в кино на последний ряд.

— Поскользнулся?!

— Поскользнулся, — кивнул он. — Поскользнулся, упал, закрытый перелом...

— Надо же...

— Хочу, чтобы доктор меня посмотрел.

— Ну, пусть посмотрит. — Мое состояние ухудшалось прямо на глазах, и я почувствовала, как у меня подкосились ноги. Но я не упала, потому что я была в надежных руках. Вадим крепко меня держал и всем своим видом внушал мне, что я не одна, что за меня есть кому заступиться.

— А у тебя что?

— Да нога.

— Тоже поскользнулась?

— Поскользнулась. Вроде бы приличный аэропорт, а такое безобразие творится. Люди падают и все на свете себе ломают. Хоть бы песком посыпали, что ли. Никому нет никакого дела.

— Ну как, полечили ножку-то?

— Полечили.

— А я руку пошел лечить.

«Сладкая парочка» тут же вошла в кабинет доктора и закрыла за собой дверь. Я почувствовала, как сильно застучало мое сердце и, посмотрев на Ладку с Вадимом, испуганно произнесла:

— Быстрее в машину!

Я даже пошла самостоятельно, потому что мне вкололи лошадиную дозу обезболивающего и идти было совсем не трудно.

— Маш, это опять те двое бандюг, — испуганно пробормотала Ладка. — Получается, что они за нами ехали. А тот что, и вправду поскользнулся и руку зашиб?

— Ага, и голову заодно?! Они за нами следили, а сюда приехали, чтобы узнать, что со мной случилось. Сейчас у доктора сидят, требуют, чтобы он им все про меня рассказал. Врач-то сразу просек, что меня мощной взрывной волной откинуло. Сейчас они его к стенке прижмут, и он сдуется как мыльный пузырь. Все им расскажет. Им нужно мой адрес вычислить. Короче, они поняли, кто я такая.

— А ты врачу свой адрес говорила? — больше меня перепугалась Ладка.

— Нет. Только фамилию и имя. Он мне рецепты выписывал.

— А карточку он на тебя не заводил?

— Да вроде нет. Я же отключилась и сознание потеряла. А когда проснулась, он сразу свои рецепты мне протянул и все. На рецептах только моя фамилия была.

— Твою фамилию я сказала. Ему ее нужно было в журнал записать. Он записал фамилию и инициалы, и все. Если адрес ни ты ни мы не говорили, значит, адреса у них нет.

Вадим открыл двери машины и посадил меня на заднее сиденье.

— Тебе здесь удобнее будет. Можешь ногу вытянуть.

Ладка села спереди и тут же уставилась на стоящую рядом с нами иномарку с темными стеклами. Как только мы тронулись, Михей с напарником сели в иномарку и поехали следом за нами.

— Их трое в машине, — возбужденно проговорила Ладка.

— Откуда ты знаешь? Там стекла тонированные. Ничего не видно.

— Я видела. Они оба открыли задние двери и вдвоем сели сзади. Значит, за рулем сидит кто-то другой. Маша, а они правда бандюги?

— Правда. Это люди Спартака.

— Какого еще Спартака?

— Не знаю. Я его никогда в жизни не видела и дай Бог никогда его не увидеть. Я о нем только слышала. Этот Спартак тоже бандюга конченный. И Молоток. Все они бандюги.

— Какой еще Молоток?

— Тот, с которым я летала.

— Анатолий, что ли?

— Он самый.

Наш разговор прервал Вадим. Он посмотрел в зеркало заднего вида и как-то сухо сказал:

— Насколько я понял, Маша вляпалась в крайне неприятную историю. И у нее большие проблемы. Иномарка висит у нас на хвосте.

— За нами погоня? — Ладка обернулась назад и схватилась за сердце.

— Да нет, — покачал головой Вадим. — Погоня — это когда один убегает, а другой его догоняет. В нашем случае все совсем не так. Мы просто спокойно едем, а иномарка так же спокойно висит у нас на хвосте. Она не пытается нас ни догнать, ни перегнать. Она едет ровно. Если я прибавляю газу, она тоже разгоняется. Если я начинаю маневрировать, она делает то же самое. Возможно, эти ребята просто хотят проследить наш маршрут. Они хотят посмотреть, куда мы в конце концов приедем.

— А нас не убьют? — еще больше занервничала Ладка.

— Нет, — не очень уверенно ответила я. — Никто нас не убьет. Им нужно просто знать, где я живу.

— А зачем?

— Затем, что они окончательно убедились в том, кто я такая.

— А кто ты такая?

— Я любовница Молотка, которая должна была погибнуть вместе с ним при взрыве.

— Почему ты любовница Молотка?! — возмутился Вадим — Ты моя любовница. Вернее, ты моя любимая женщина.

— Потому, что с тех пор как мы с тобой расстались, слишком много всего произошло.

— А мы с тобой не расставались. С чего ты взяла? Я и хочу поговорить с тобой на эту тему. Давай завезем Ладу домой и где-нибудь перекусим. Мы с тобой поговорим, а затем я отвезу тебя к Ладе домой, и вы наболтаетесь вдоволь.

— Ты приглашаешь меня в ресторан? — не поверила я своим ушам.

— Ну да.

— У нас на хвосте висит иномарка, а ты приглашаешь меня в ресторан!

— А ты хочешь, чтобы она не висела?

— Конечно, хочу.

— Тогда вам лучше пригнуться, потому что сейчас-то и начнется настоящая погоня.

— А нас не убьют? — вновь заперезживала Ладка. — Нас точно не убьют?

— Не убьют! — крикнула я ей и заставила ее пригнуться.

— Тогда зачем мы пригибаемся? Затем, чтобы в нас не попали пули? Да?!

— Затем, что сейчас Вадим будет ехать на бешеной скорости, маневрировать и петлять. Ты можешь удариться головой о стекло. И вообще, лучше пригни голову и не смотри, что происходит.

— Вот здесь много улочек. Сейчас попробуем уйти, — нервно сказал Вадим и надавил на газ.

Ладка слегка вскрикнула, обхватила голову руками и попыталась удержать равновесие, потому что машину стало кидать из стороны в сторону.

— Маш, тебе страшно?

— Нет.

— А мне страшно. А почему ты не боишься?

— Потому, что я уже устала бояться.

— Что значит устала?

— Я боялась целую неделю. Боялась каждый час, каждую минуту и каждую секунду. У меня больше нет сил. По сравнению с тем, что я пережила, это просто мелочи.

— Ничего себе мелочи. А если они будут стрелять?

— Не думаю. Не совсем же они дураки. Среди бела дня, прямо на улице.

— Да сейчас все только среди бела дня и стреляют. Ты включи телевизор и посмотри хоть какую-нибудь криминальную передачу.

— О нет. Только не это. Я теперь такие передачи вообще смотреть не буду. Я бы лучше что-нибудь про любовь посмотрела.

— Ну, Машка, ты и влипла. Съездила отдохнуть, называется. А где ж теперь этот Анатолий или как там его, Молоток?

— Не знаю и не хочу знать.

— Как это не знаешь?

— Я только видела, как он уплыл на катере. Может, его кто грохнул, а может, он куда сбежал.

— Во дела...

— Девчонки, помолчите немного! — нервно закричал Вадим. — Своей болтовней совсем сосредоточиться не даете. Не могу я про Машкиных хахалей слушать!

Вадим включил громкую музыку, и машину закружило в бешеном ритме. Мы то яростно неслись, то где-то стояли и что-то пережидали, то ехали вновь и проскакивали все светофоры... Но наконец Вадим достал из кармана платок, вытер выступивший на лбу пот, выключил музыку и в изнеможении произнес:

— Все чисто. Как обещал. Сейчас я завожу Ладку домой, а Машу приглашаю в ресторан.

— Где они? — подняла голову Лада.

— Думаю, что они уже в другом районе. Маша, так ты посидишь со мной в ресторане?

— Да, — тихо ответила я и смахнула нечаянно нахлынувшие слезы.

ГЛАВА 20

Мы сидели в небольшом ресторанчике, слушали тихую музыку и смотрели друг другу в глаза. Вадим заметно нервничал и постукивал пальцами по крышке стола. Я пристально смотрела ему в глаза и думала о том, что я знаю этого человека уже черт знает сколько лет и все эти годы он никогда не рвал связующие нас нити и даже никогда не делал большой промежуток между нашими звонками. Ему всегда было спокойно от того, что я есть и что я рядом, да и просто от того, что я существую. С годами мы даже менялись ролями. Я постепенно утрачивала вкус нашей любви, а он, наоборот, загорался ко мне все большей и большей страстью. Я вспомнила наше знакомство и наши первые встречи. Инициатором наших с ним отношений была именно я, потому что Вадим не желал играть с огнем и попытался держаться от меня на расстоянии. Но он не учел, что со мной очень трудно соблюдать дистанцию, потому что я женщина, которая притягивает к себе, как магнит. Я запретный плод, и тот, кто меня вкусил, уже не сможет обо мне не думать и не вспоминать моих горячих объятий и тех страстных ночей, которые я способна дарить. Однажды я встретила Вадима, сбива его с верного семейного пути и с головой окунувшись в свое новое, бурное и страстное увлечение. Тогда, в самом начале наших отношений, я не обратила внимания на то, что он женат, и не придавала этому особого значения; я поняла это только тогда, когда наши чувства стали слишком сильны, а наши » встречи — чересчур частыми. Я поняла, что значит любить и при этом делить мужчину с другой женщиной... Я очень хорошо это осознала и смогла ощутить. Слишком много было пролито слез, и слишком много он мне недодал, потому что какую-то часть себя он давал той, другой, которая была у него всегда по ту сторону жизни. С годами все изменилось. Его взгляд, полный нежности, уже не трогал меня так, как раньше... Его слова уже не цепляли за душу, а его уговоры уже практически перестали на меня действовать. Да и не могло уже все быть точно так же, как было вначале, потому что годы идут и их уже никогда не остановишь. Возможно, мы просто стали старше, а может, отношения в нашем треугольнике кое-где дали трещину. Уже не было той магической силы, которая толкала нас в объятия друг к другу, наше обоюдное влечение стало каким-то блеклым и растеряло все краски, которые были ранее. Сила, которая постоянно толкала меня к Вадиму, умерла, а мои несбыточные и ранее желания просто прекратили свое существование и потеряли всякое право на жизнь. Я устала воровать собственное счастье через страдания, и во мне поубавилось того света, который может давать только влюбленная женщина. И все же, несмотря ни на что, именно этот мужчина смог разбудить во мне ту силу любви, которая затянулась на годы. Именно он заставил меня полюбить так, что я отреклась от обустройства собственной жизни и с головой окунулась в любовь, несмотря на все ее промахи, ошибки и разочарования.

— Как отдохнула? — нарушил тишину Вадим.

— Спасибо. Хорошо.

— Я это понял, когда встретил тебя в аэропорту.

— Правда?! Ты увидел, какая я отдохнувшая и загорелая?!

— Именно это я и увидел.

- Мне приятно, что ты так хорошо видишь. Вадим тут же посерьезнел и со всей возможной деликатностью спросил:
- Почему ты улетела?
- Потому, что я должна была от тебя улететь. От тебя, от себя и от наших с тобой отношений. Я устала, Вадим. Я просто очень устала. И вообще, что мы все обо мне да обо мне... Мне даже неудобно как-то... Ты-то как живешь? Как складывается все у тебя?
- Спасибо, паршиво.
- Почему?
- Потому, что у меня не было тебя.
- А сейчас я у тебя есть?
- Я сделаю все возможное, чтобы ты была рядом.
- Ты хочешь сказать, что ты уйдешь из семьи?
- Конечно. Это же не может продолжаться вечно.
- Ты уйдешь из семьи, когда пойдешь на пенсию? Вадим, я не хочу жить с пенсионером. Мне хочется пожить с еще работающим мужчиной.
- Ты хочешь сказать, что, когда я уйду на пенсию, я тебе буду не нужен? — нервно усмехнулся Вадим.
- Я хочу сказать, что, когда ты уйдешь на пенсию, ты будешь жить со своей женой. Встречай старость с тем же, с кем ты встретил молодость.
- Значит, когда я состарюсь, ты мне не будешь жесткие куски разжевывать? — попытался перевести все в шутку Вадим, но шутки не получалось. Она была какой-то грубой, жестокой и неумелой.
- Когда ты состаришься, ты будешь жить в своей семье и перестанешь кормить меня завтраками. Мне ничего не нужно. Все наши желания должны сбываться вовремя, а когда уже прошел отпущенный срок, они становятся не нужны. Ты мне не нужен Вадим.
- Маш, ну зачем ты так?
- Как?!
- Так!
- Как жена? Как дети?
- Маша, прекрати. Может, хватит уже? Ну сколько можно? Тебе нравится надо мной издеваться?
- Почему ты решил, что если я спрашиваю тебя о твоей семье, то я над тобой издеваюсь? Это часть твоей жизни, и я хочу про нее знать. За столько лет я имею право знать все.

— Маш, ну прекрати, а? Мы же здесь встретились не для того, чтобы разговаривать о моей семье.

— А для чего мы здесь с тобой встретились?

— Для того, чтобы поговорить о нас с тобой.

— А что о нас с тобой разговаривать? Мне кажется, что уже давно все ясно.

— Ничего не ясно. Это ты непонятно что надумала.

— Я просто хотела узнать, как здоровье твоих близких?

— Спасибо. У моих близких нормальное здоровье, — раздраженно ответил Вадим и нервно полез за сигаретой.

— Слава Богу. Это самое главное.

— Что самое главное?

— Самое главное, что у твоих близких все в полном порядке.

— Для меня это не самое главное. — Вадим нервно закурил и пустил колечки дыма в противоположную от меня сторону.

— А что же для тебя самое главное?

— Ты!

— Я?!

— Да, ты.

— Надо же, а с каких пор?

— Так было всегда. Просто ты это как-то не замечала.

Я усмехнулась и посмотрел на официанта, который принес нам великое множество красивых итальянских деликатесов.

— И куда ты столько заказал?

— Тебе. Я подумал, что ты с дороги голодная.

— У меня аппетита нет.

— Быть может, ты все-таки немножко поешь?

— Ну, если только совсем немножко.

Я взяла вилку и принялась без особого аппетитаковыряться в своей тарелке. Вадим не сводил с меня глаз, курил, хмурил брови и усиленно думал.

— Может, ты мне все-таки расскажешь, что же с тобой произошло. Мне показалось, что тебе нужна защита.

— Со мной столько всего произошло, что тебе лучше всего не знать.

— И все же. Мне кажется, что тебе нужно выговориться.

Я бросила вилку в тарелку, посмотрела на Вадима и подумала о том, что я и в самом деле должна выговориться этому человеку, что я могу ему доверять, что нас связывают долгие годы, что этот человек всегда дарил мне высшую степень любви — любовь-отчаяние, что если он чужой муж, то это не значит, что он чужд мне, потому что у нас было много хорошего.

— Ты и вправду хочешь знать, что же со мной произошло?

— Хочу.

— Хорошо, я расскажу. Только с одним условием: выслушав меня, ты не скажешь мне, что я сумасшедшая. Договорились?!

— Договорились.

— Ты не скажешь, что мне нужно провериться у психиатра?

— Да как ты можешь обо мне такое подумать?

Я наклонилась к Вадиму и взволнованно заговорила:

— Понимаешь, какая чертовщина приключилась. Если бы мне кто другой рассказал про такое, я бы никогда не поверила. Я согласилась полететь на Красное море с одним мужчиной, которого знала несколько часов. Мы познакомились с ним в баре. Я приехала туда от психолога и хорошо приняла на грудь. Он тоже выпил порядочно. Как говорится, встретились два одиночества, еще больше приняли на грудь, поплакали друг другу о своей судьбе и решили вместе съездить отдохнуть.

— Ты поехала в чужую страну с первым встречным?! — изумился Вадим.

— Вот именно. Взяла и поехала, — нисколько не смущаясь, сказала, как отрезала, я.

— Но ведь это уму непостижимо.

— Вадим, давай сейчас ты не будешь меня осуждать, а постарайся меня выслушать и, по возможности, мне помочь. Меня не интересует твое мнение. Меня интересует только то, как мне теперь жить дальше и какие последствия будут после этой поездки. Так вот. Тогда я не знала, что человек, с которым я полетела на Красное море, какой-то крутой бандюган, что в Москве он ходит с охраной, что у него есть враг по имени Спартак и что этот Спартак хочет его убить. Мы поселились на шикарной вилле, и тут началась настоящая мистика.

— Какая еще мистика?

— Ты когда-нибудь верил в мистику?

— Нет, — замотал головой Вадим.

— Я тоже, пока не столкнулась с ней лоб в лоб.

— Ну, расскажи.

- Только не говори, что я сумасшедшая. На вилле начал ходить какой-то ковбой, который хотел меня убить.
- Какой еще ковбой?
- В длинном плаще, шляпе с огромными полями и больших ковбойских сапогах...
- В общем что-то типа всадника без головы?
- Что-то типа того, но голова у него все же была.
- Ну, дела...
- Он выходил в основном по ночам. Один раз он убил спасателя, но спасатель почему-то ожил.
- Как ожил? — недоверчиво посмотрел на меня Вадим.
- Сначала я видела его мертвым с торчащим в груди кинжалом, а на следующий день... он разгуливал живехонек! У меня началась истерика, и все приняли меня за душевнобольную. Но я тебе клянусь, что было именно так!
- Да, действительно какая-то мистика.
- Чуть позже на виллу приехала любовница Молотка, Кира.
- У вас там что, гарем что ли был? Ему тебя одной оказалось недостаточно?! Он что, такой Казанова? — язвительно поинтересовался Вадим.
- Просто так получилось. Никто и не думал, что она приедет. Они с Молотком думали лететь вместе, но перед самым отлетом поругались, и Кира решила остаться с мужем.
- А, так эта Кира еще и замужем?!
- Замужем. А ты думал, что только ты один от семьи гулять можешь? Да от семьи каждый второй гуляет, если не каждый первый. Сейчас само слово «семья» уже давно утратило свою актуальность.
- Обычно от семьи гуляет мужчина, но чтобы гуляла женщина?!
- Двадцать первый век на дворе.
- А ты тоже будешь гулять от семьи? — Вадим напрягся, словно струна, и заглянул мне в глаза.
- У меня нет семьи, — злобно ответила я.
- А когда будет?
- Смотря какая семья...

Вадим почесал затылок и обиженно проворчал:

- Я не гуляю от семьи. Ты неправильно выразилась. Я просто тебя люблю. Я очень сильно тебя люблю. Я приезжал и виделся со своей любимой женщиной.

— А что ж ты не сошелся со своей любимой женщиной?! — неожиданно взорвалась я. — Что же ты с одной жил, а другую любил?! Что ж ты смалодушничал?! Что ж ты погряз во вранье?! А может быть, ты и не любил меня никогда?! Может быть, ты и любил ту, с которой жил, а со мной просто отдыхал от семейного быта!

— Маша, мы сейчас не об этом.

— А о чем мы?

— На виллу прилетела Кира, — тут же напомнил мне Вадим и судорожно хлебнул кофе.

— Короче, Молоток выбрал меня.

— Поздравляю, — ехидно произнес Вадим и занервничал еще больше.

— Мне не нужны твои поздравления. Кира осталась на вилле под тем предлогом, что она якобы очень плохо переносит акклиматизацию, а ночью случилось самое страшное. Этой ночью за мной опять гнался ковбой. Я убежала от него прямо в доме, забежала в спальню, нашла пистолет Молотка, выстрелила в этого гребанного ковбоя, а им оказалась Кира.

— Ты убила женщину?! — побледнел Вадим.

— Это была самооборона. Если бы я не убила Киру, то она бы убила меня. Тем более я не знала, что это Кира. Она была в костюме ковбоя. Я только не поняла, откуда взялся тот ковбой, который там гулял, когда Кира еще не приехала. По всей вероятности, ей рассказали о моих видениях, и она решила меня добить. Она решила доказать всем, что я душевнобольная, и расквитаться со мной за Молотка. Нашла костюм ковбоя и решила меня поугатать. Вернее, даже не поугатать, а убить, ведь я отняла у нее того, к кому она прилетела, отняла связанные с ним надежды и планы. До этого она убила спасателя. Совершенно непонятно, зачем она это сделала.

— А ты уверена, что спасателя убила Кира?

— А кому еще это нужно?

— А Кире зачем это нужно?

— Не знаю, — пожала плечами я и призадумалась. — Я вообще ничего не понимаю. Прямо головолетка какая-то. Получается, что на вилле был еще один ковбой. Короче, с этими ковбоями вообще неразбериха какая-то. Когда я хоть кому-то об этом говорила, все сразу считали меня душевнобольной. А ты тоже думаешь, что я ничего не видела, что это были видения и что я несу бред?

— Совсем нет. Я знаю тебя долгие годы, и никогда за все это время у тебя не было никаких видений. Просто тебя кто-то умело подставлял. Кто-то делал из тебя дуру, и если здесь немножко покопаться, то можно дойти до сути. При желании можно вычислить, кто это был.

— Спасибо.

— За что?

— Ты единственный человек, который мне верит и не говорит, что по мне дурдом плачет.

— Просто я слишком хорошо тебя знаю. Нужно навести справки про эту Киру. Возможно, и в

самом деле ковбоя убила именно она.

— Я не знаю даже ее фамилии.

— Предоставь это мне. Я всем займусь. Нужно узнать, каким рейсом она вылетела в Египет и подали ли на нее в розыск.

— Ты и вправду попытаешься мне помочь?

— Конечно, я ведь тебя люблю, и у меня хорошие связи. Я постараюсь сделать все возможное и невозможное тоже. У меня есть кое-какие подозрения насчет твоего ковбоя, но я тебе пока не буду говорить, сначала проверю.

— Ну скажи мне, пожалуйста, — взмолилась я.

— Скажу, когда проверю. Возможно, эта Кира вылетела в Египет намного раньше, чем ты думаешь. Она очень коварна, и судя по твоему рассказу она смогла устроить неплохой спектакль, в котором были как зрители, так и действующие лица. Причем самым главным действующим лицом была ты.

— С чего ты взял? И вообще, к чему ты клонишь?

— Я тебе сказал слово «возможно». У меня нет точных сведений. У меня одни предположения.

— А зачем она вылетела раньше? И где бы она жила? Зачем вообще ей это было нужно? Я хорошо помню тот день, когда она прилетела. Она была уставшая и не очень хорошо выглядела. Оно и понятно, человек прямо с самолета. Если у тебя есть хоть какие-то предположения, быть может, ты мне хоть что-нибудь объяснишь?

— Я же сказал тебе, что мы поговорим с тобой об этом позже.

— Когда это будет? — Я посмотрела на Вадима умоляющими глазами.

— После того как я проверю свои предположения. А теперь ответь мне на один вопрос.

— Пожалуйста.

— Ты точно убила любовницу Молотка, женщину по имени Кира? — После того, как Вадим задал этот вопрос, он побледнел еще больше.

— Точно.

— Ты понимаешь, что ты совершила убийство?

— Я хорошо это понимаю, но у меня не было никакого выбора.

— Это будет слишком тяжело доказать.

— Я в нее выстрелила, когда она выломала дверь и защелка от двери отлетела. Она ворвалась в костюме ковбоя в спальню Молотка. У меня в руках был пистолет, а в руках ковбоя, вернее Киры, огромный нож, похожий на кинжал, точно такой же, как тот, который торчал в груди у спасателя. Я в нее и выстрелила. Если бы я этого не сделала, то меня бы ожидала участь спасателя.

— А где в это время был сам Молоток?

— Не знаю. Он говорил, что он сидел в домике у охранников из службы безопасности и курил там кальян.

— Хорошая же там служба безопасности. В доме людей убивают, а им все нипочем. Сидят себе спокойно, и кальян курят.

— А Египте на каждом шагу кальян курят.

— Значит, ты ее убила. — Вадим тяжело вздохнул. Он взял свой уже остывший кофе и чуть было его не разлил. Его руки слегка дрожали.

— Убила, — кивнула я головой и смахнула слезы.

— А теперь слушай. Я единственный человек, который об этом знает. Если кто-то другой задаст тебе подобный вопрос, то ты должна все отрицать. При любых обстоятельствах ты должна все отрицать. Что бы ни случилось — все отрицать! Дай установку даже самой себе, что ты никогда и никого не убивала. И не вздумай сказать об этом Ладке. Дружба дружбой, а все бабы болтливы. Я первый и последний человек, который об этом знает. Ты все поняла?

— Поняла.

— Рассказывай, что было дальше.

— Я потеряла сознание, а когда я очнулась, то увидела, что Кира лежит мертвая, но от костюма ковбоя не осталось даже следа. Кто-то ее передел.

— Все понятно. Этого и следовало ожидать. У Киры в доме был сообщник.

— Молоток закричал, что меня посадят в тюрьму, и решил мне помочь избавиться от трупа, — всхлипнув, продолжила я. — Вместе с горничной Леной, которой он пообещал очень большие деньги за содействие, он погрузил в катер Киру и спасателя. А затем мы отплыли далеко в море. Там мы сбросили трупы, и тут Молоток убил Лену. Он сказал, что она лишняя свидетельница и что она потребовала слишком много денег за молчание. Я даже, грешным делом, подумала, что Молоток убьет и меня, но он поклялся, что у него и в мыслях такого не было, что он только хотел мне помочь. Увиденное произвело на меня страшное впечатление. Я попробовала сбежать, но эта попытка была обречена на провал. Мне пришлось остаться в доме. В доме осталась еще одна горничная по имени Катя. Молоток решил снять чудовищный стресс настоящей оргией. Он устроил грандиозную попойку, напился до чертиков и приказал Кате позвать девушек из соседнего отеля, которые танцуют танец живота. Приехали пять девушек. Они стали развлекать Молотка. Музыка орала на полную катушку. А я ходила по дому и вынашивала план своего побега. Вышла на улицу и услышала какие-то чужие мужские голоса. Я спряталась и постаралась подслушать, о чем они говорят. Из этого разговора я поняла, что дом заминирован и взлетит на воздух через десять минут. Я тут же бросилась к Молотку. До этого я попыталась остановить танцующих девушек, но не смогла этого сделать. Тогда я подошла к Молотку и быстро все ему рассказала. И Молоток решил не останавливать танцующих девушек. Он сказал, что после того как дом взлетит, в нем обязательно должны быть трупы... Молоток взял меня за руку, приказал девушкам не останавливаться, пообещал им заплатить в тройном размере и вместе со мной вылез через окно, чтобы мы уплыли на катере. Я не знаю, почему я бросилась бежать вместе с ним. Наверно, я была в шоке и плохо соображала. Да, я забыла сказать, что у меня в кармане был пистолет. Еще один. Я взяла его у Молотка.

— Да сколько же у него пистолетов?

— Он покупал их у гида Махмеда. Они там вместе крутили какие-то дела с оружием. Кроме пистолета, в моем кармане еще лежали деньги на обратный билет и паспорт. Я не могла допустить, чтобы девушек взорвали, за считанные секунды пришла в себя, вылезла из катера и побежала обратно к дому.

— Ты рисковала.

— Тогда я вообще ни о чем не думала. Я просто хотела их спасти. В доме было ровно шесть девушек: Катя и те пять, которые приехали танцевать из соседнего отеля.

— Тебе это удалось?

— Я стала кричать, девушки остановились и прекратили свой смертельный танец. Они попытались ко мне прислушаться и поверить в то, что я говорю. Но уже было слишком поздно. Кричавшие девушки, расталкивая друг друга, бросились к окну. А затем прогремел взрыв. Меня откинуло взрывной волной на приличное расстояние от дома. Из окна успели выскочить ровно четыре девушки. Одна из них была тяжело ранена, две погибли. А затем...

— Что было после взрыва? — Вадим взял меня за руку и пристально посмотрел мне в глаза.

— Затем я подошла к катеру, в котором был Молоток. Молоток завел мотор и закричал, чтобы я немедленно залезла в катер. Я отказалась с ним плыть и..

— И что? Что ты сделала?

— Я выстрелила в Молотка. Катер поплыл, но уже с мертвым Молотком.

— Кто-нибудь видел, как ты его убила?

— Никто.

— Ты в этом уверена?

— Вполне. Все подумали, что Молоток просто уплыл на катере, и все. Сбежал, одним словом. Что было дальше, ты знаешь. В самолете на меня обратили внимание двое мужчин. Они узнали меня в лицо. Это и были те люди, которые прилетели убить Молотка и взорвали этот злосчастный дом. Вот и все, что произошло.

— Только и всего?

— Только и всего.

— Да, Машка, ты влипла по самые уши. Надеюсь, что ты получила хороший урок. Теперь ты понимаешь, что не стоит ездить за границу с совершенно незнакомыми людьми.

— Это я уже давно поняла, — резко перебила я Вадима. — Скажи, что мне теперь-то делать? Что?! Какие теперь будут последствия? Ведь не важно, что это произошло в Египте, расследовать-то это будут здесь. В любом случае на меня выйдут, как ни крути. Смерть Киры, взрыв виллы, гибель девушек и смерть Молотка. За какую ниточку ни потяни, все они ведут ко мне. А эти двое с самолета? Ведь они же теперь повсюду будут меня искать. Что они со мной сделают, если найдут?! Я даже не знаю, кого именно мне сейчас нужно бояться. Милиции, которая может в любой момент прийти по мою душу, или людей из криминального мира? Кого

мне теперь бояться?! Кто первый постучит в мою дверь?!

Вадим прижал мою руку к своему сердцу и без каких-либо колебаний сказал:

— Я постараюсь тебе помочь. Я сделаю все возможное. Я подниму нужных людей и использую все свои связи. Я очень тебя люблю. Я думаю, что, пока все не прояснится, тебе не нужно возвращаться домой.

— А где я, по-твоему, должна жить? У Ладки? Но у нее своя жизнь.

— Ты на работе отпросилась ровно на месяц?

— Да, — кивнула я. — Но я хотела выйти раньше.

— Я думаю, что тебе не стоит выходить раньше. Тебе нужно привести себя в порядок. Сама посуди, ну как ты выйдешь на работу в таком состоянии, тем более что пока это опасно. Ты можешь пожить пару недель на квартире у моего друга. У меня есть ключи. Он уехал в командировку. А я за эти две недели попробую что-нибудь выяснить и как можно больше для тебя сделать. Я подниму на ноги всех, как-никак это дело касается женщины, которую я люблю. Твои проблемы — это мои проблемы. Твои неприятности — это тоже мои неприятности. Так было и так будет всегда. Я за тебя жизнь отдам и любого порву.

— Ты и вправду отдашь за меня свою жизнь?

— Отдам, не раздумывая ни минуты.

— Ты говоришь такие вещи...

— Сейчас ты поживешь на квартире моего друга.

— А что будет потом, когда пройдут две недели?

— Потом что-то должно проясниться.

— А в какую сторону, в лучшую или в худшую?

— Будем надеяться и верить, что в лучшую. И пожалуйста, если к тебе придет Лада, то постарайся ей рассказать как можно меньше, а по возможности вообще упусти все самое важное. Это в твоих интересах.

Я кивнула головой, а Вадим поцеловал мне руку.

— Я люблю тебя, — прошептал мне Вадим и сильно сжал мою руку.

А я... Я на минуту закрыла глаза и подумала том, что он опять рядом, а это значит, что я опять возвращаюсь в прошлое и начинаю жить этим прошлым, потому что будущего у меня нет. Вадим рядом. Он все так же говорит мне о любви, сжимает мою руку и преданно смотрит мне в глаза... Он рядом, но уже что-то не так. Что-то не так... Что-то нарушено и что-то уж не вернуть, потому что оно безвозвратно ушло... Чем больше я думала о сидящем рядом Вадиме, тем больше и больше во мне просыпались воспоминания, а говорят, что возвращаться в прошлое, совершенно не имея будущего, не самый хороший знак. Видимо, мои чувства к сидящему напротив мужчине не выдержали испытания временем по той причине, что в этой игре нас трое. И эти чувства затрещали по швам.

Этой ночью, проведенной в объятиях Вадима, я вдруг подумала о том, что я так долго мечтала разорвать эту многолетнюю и совершенно бесперспективную связь, но сейчас получилось наоборот: этот клубок закрутился еще больше, и, надеясь на помощь Вадима, я попала в какую-то незримую зависимость от него, так что о прекращении этой связи не могло быть даже и речи.

Перед тем как уйти, Вадим нежно обнял меня за плечи и положил на стол ключи от квартиры и деньги.

— Чувствуй себя как дома. Ешь, смотри телевизор, можешь пригласить сюда Ладку. Это деньги на продукты или на что-нибудь еще, если тебе что-то потребуется купить. Дома и на работе тебе пока появляться не стоит. Я попытаюсь сегодня же что-нибудь узнать. Ты же знаешь, что у меня есть связи, как среди братвы, так и среди милиции. Как только у меня появится свободная минутка, так я тут же к тебе приеду. Я буду постоянно тебе звонить. Договорились?

— Договорились. А ты куда, к жене?

— Я на работу, — тут же занервничал Вадим.

— Ты забыл свой мобильный. — Я протянула Вадиму его телефон и грустно улыбнулась. — И не забудь его включить, а то там твоя благоверная обзвонилась уже вся. Все-таки дома не ночевал.

— Я отключил его, чтобы он не разрядился. Я же не взял с собой подзарядник, — как и во все прошлые годы, принялся оправдываться Вадим.

— Вадим, мы с тобой столько лет вместе, и я имею представление, зачем женатый мужчина отключает мобильный телефон на ночь, когда остается у своей любовницы.

— Ты мне не любовница.

— А кто, жена?

— Ты моя любимая женщина. И пожалуйста, прекрати все это.

— Что прекратить-то?

— Все.

— Что все?

— Мучить меня прекрати.

— Это ты меня уже всю измучил.

— Ну ладно, Маша, я побежал. Если что, сразу звони. И пожалуйста, постарайся без глупостей, — в голосе Вадима было так много искренности, что я тут же сменила гнев на милость и убавила тон.

— Хорошо, постараюсь.

Как только за Вадимом закрылась дверь, я тут же позвонила Ладке, продиктовала ей свой новый адрес, и она пообещала как можно быстрее приехать.

ГЛАВА 21

Как и советовал мне Вадим, я не стала посвящать Ладку в подробности, а рассказала ей все лишь в общих чертах. Лада внимательно меня выслушала с горящим лицом, выкурила сигарету и почесала затылок.

— Да, дела. Ну ты и влипла. Послушай, у Вадима же связи выше крыши. Пусть он тебя вытаскивает из этого дерьма и побеспокоится о твоей безопасности.

— Он пообещал мне помочь.

— Маш, а ведь как ни крути, все стрелки на Вадиме пересекаются. Получается, что ты опять с ним осталась. Какая-то неразрывная эта связь. А может, это и правильно...

— Что правильно?

— Правильно то, что пусть хоть не свой, а зато мужик. Иначе кто твои проблемы расхлебывать будет?!

— Ты о чем? — посмотрела я на грустно задумавшуюся Ладку.

— О том, что мужиков сейчас нет. Как ни крути, ни фига их нет. Я имею в виду холостых. Как ни познакомишься, так обязательно женатый. Если какой разведется, то его тут же хватают. Он даже до нужной инстанции, то бишь до нас с тобой, не дойдет. Время сейчас такое тяжелое. Всех подчистую хватают, и вдовцов, и разведенцев. Тяжело что-то найти, когда тебе уже тридцать. Правильно говорят, что свою судьбу нужно устраивать, когда тебе двадцать, смолоду, значит. То прекрасное молодое время даже вспомнить приятно. Холостой мужик сидит на холостом мужике и холостым мужиком погоняет. Хватай не хочу. А в нашем с тобой возрасте с холостяками напряженка. Мне если встретится кто из холостых, так обязательно или дебил конченный, или альфонс, который так и норовит к тебе присосаться, кошелек твой порастрасти. Мне тут одна моя приятельница говорила, что все холостые мужики на зоне сидят. Туда нужно за мужем ехать. Они прямо там и расписываются, даже не думают. Им совершенно по фигу, кто ты и что ты.

— Ну и как, нашла твоя приятельница себе мужа на зоне?

— Нашла, только когда он освободился, то обобрал ее до нитки и дальше, по другим таким же дурам, пошел. Что-то мне мужа с зоны не хочется. А на воле нет ни черта. Мужиков и так мало, так их еще пачками в тюрьму сажают или того хуже, они голубыми становятся. Нет их ни фига. Так что уж лучше одной, чем с кем попало. Я что-то раньше была против Вадима настроена, а теперь мой пыл весь вышел. Что теперь с ним рвать, если ты всю молодость на него угробила? Раньше надо было рвать, а теперь какой смысл, все равно другого-то никого нет. Ну и фиг с ним, что женатый. Зато годами проверенный, а где сейчас холостого найдешь?! Вымерли они все, как мамонты.

— А психолог сказала, что мир полон холостых мужчин...

— Да что они там понимают, эти психологи?! Ни черта они не понимают. Они жизни настоящей не видели. Сидят себе креслах в своих кабинетах и книжки почтывают. Книжек начитаются и начинают человека непонятно чему учить. К этим психологам ходить — только деньги зря тратить.

В этот момент зазвонил мобильный, и я тут же ответила. На том конце провода слышался

голос Вадима.

— Маша, привет, как ты там?

— Давно не виделись, — посмотрела я на часы. — Ладка приехала.

— Я позвонил на фирму, от которой ты улетала, и узнал инициалы Киры. Проверил, в какой день она вылетела. Она должна была вылететь через два дня после тебя, — возбужденно доложил мне Вадим.

— Все так и было. Она и прилетела через два дня, — разочарованно подтвердила я.

— Дело совсем не в этом. Дело в том, что я послал своих знакомых в аэропорт, и все оказалось, как я и думал.

— А что ты думал?

— Это я тебе потом расскажу. Сейчас у меня есть вот такая информация.

— Поделись ей со мной, а то я просто сгораю от нетерпения.

— Кира поехала в туристическую фирму в тот же день, когда улетали вы с Молотком, но ей сообщили, что ее билет уже переоформлен на другую женщину. Она устроила на фирме самый настоящий скандал, и ей смогли выписать билет, на котором стоял вылет на два дня позже вас. Отправить ее пораньше не удалось. Кира взяла этот билет и тут же рванула в аэропорт. В аэропорту она поменяла билет. Она вылетела через час, следом за вами, но уже совершенно другим рейсом, тоже вылетающим в Хургаду. Ты только представь — она прилетела следом за вами.

— Странно, но на вилле она появилась только через два дня после нашего прилета. Где же она была все это время?

— Этого я не могу знать. Отсюда понятно и происхождение этого призрака-ковбоя. Не было никакого второго ковбоя. С самого первого дня призраком-ковбоем была Кира, просто она жила в другом месте. Так она отомстила разлучнице, то есть тебе.

— Этого просто не может быть...

— Тем не менее это так. Один мой знакомый съездил в аэропорт и поднял все билеты. Кира вылетела через час после вас.

— А зачем же она убила спасателя? И как он ожил?

— Я думаю над этим и потом скажу тебе, что мне кажется. Кстати, ты хоть имеешь представление, с кем ты провела незабываемый отпуск на Красном море?

— Нет, — замотала я головой.

— Молотков Анатолий Викторович, известный криминальный авторитет, который славится своим неадекватным поведением, жестокостью и даже садизмом. Его боятся даже в интим-салонах. Там стараются с ним не связываться.

— Почему?

— Что почему?

— Почему его боятся в интим-салонах?

— Ходят слухи, что он уже не одну проститутку убил. Страшный человек, одним словом. Говорят, он избивал и свою любовницу Киру, которая терпела все унижения от него из-за денег. С мужем она имела тепло, заботу и любовь, а с Молотком все радости жизни. Поэтому она и не могла выбрать, с кем ей остаться.

— А Киру уже разыскивает муж?

— Думаю, что со дня на день ее начнет разыскивать милиция, а не муж. Уже началось следствие по делу о взрыве виллы. Попытаемся списать убийство Киры на Молотка. Есть свидетели, что он неоднократно ее избивал. Предположим, Молоток разозлился на то, что она без спроса прикатила на виллу, и ее добил. Хотя, возможно, Киру просто объявят пропавшей без вести. Никто не видел ее труп и вряд ли когда его найдут. Рыбы, они ведь прожорливые... Ладно, что-то я не о том говорю. Тем более по телефону. Я приеду сегодня вечером, и мы с тобой обо всем потолкуем.

— Ты приедешь сегодня вечером?

— А почему ты так удивилась?

— Но ведь ты вторую ночь не будешь ночевать дома? Мне кажется, что это многовато для женатого человека.

— Позволь мне решать это самому.

— А может быть, ты знаешь, кто такой Спартак?

— Из той же оперы. Два криминальных авторитета что-то между собой не поделили. На Спартака у меня есть выход, и я постараюсь решить эту проблему. Мой очень хороший друг, известный хирург, спас жизнь его дочери. Спартак перед ним в долгу.

Как только на том конце провода повесили трубку, я захлопала глазами и растерянно посмотрела на Ладку.

— Кира вылетела на виллу следом за нами, — принялась рассуждать я вслух. — Где же она жила? По всей вероятности, где-то в доме. А может быть, в домике у спасателя? Она дала ему денег и переодевалась в свой карнавальный костюм для того, чтобы окончательно свести меня с ума. Она хотела сделать меня душевнобольной, чтобы в тот день, когда она якобы приедет, Анатолий показал мне на дверь. Зачем же она убила спасателя? Должно быть, они что-то не поделили. А в тот первый раз, когда я увидела его мертвым, а затем он воскрес, они оба меня обманули. Конечно, они оба меня обманули. Кира подумала, что после этого спектакля я окончательно сойду с ума и меня отправят в дурдом. Именно на это она и рассчитывала. А потом она убила его по-настоящему. Зачем? Может, он начал ее шантажировать?! Может, он стал требовать с нее больше денег?! После того как Молоток объявил о своем решении остаться со мной, обезумевшая Кира поняла, что на вилле ей делать нечего. Сначала она убивает шантажирующего ее спасателя, а затем решает расквитаться со мной. Помимо спасателя в доме у нее еще есть сообщник. Кто-то же ее передел. Этим сообщником являлась или Лена, или Катя. Но зачем нужно было ее переодевать? Какая в этом была необходимость? Что они хотели мне доказать???

— Маша, а у тебя от всего этого голова не разболелась? — перебила поток моих мыслей хлопающая глазами Ладка.

— Разболелась.

— Я тебя послушала, и мне самой плохо стало.

— Ты только послушала, а я все это пережила.

— Ну ты тут нагородила.

— Это не я нагородила, это со мной на вилле произошло.

— С ума сойти. Непонятно только, как ты после этого и в самом деле с ума не сошла. Я бы на твоём месте точно умом тронулась. Эта Кира стерва ещё та. А где она теперь?

— Не знаю, — опустила я глаза. — Сказала, что едет в Москву, уехала с виллы, но так до Москвы и не доехала. Представляешь, а Вадим сегодня вечером опять ночует со мной! — тут же сменила я тему.

— Представляю. Наверно, жене наврал, что в командировку уехал или на охоту.

— А почему именно на охоту?

— Это у них сейчас так модно.

— У кого у них? — не поняла я Ладку.

— У женатых. Женатик говорит, что он с мужиками на охоту поехал, а сам к своей любовнице под бочок.

— Мне плевать, что он дома говорит. У меня своих проблем хватает, так что незачем мне грузить свою голову.

— Это правильно. Пусть его жена свою голову грузит, а не ты. Ты у нас женщина неотразимая. Прямо-таки гремучая смесь красоты, силы, чувственности и женского обаяния.

— Да ладно тебе. — Я немного смутилась и махнула рукой в сторону Ладки.

— И не нужно себя недооценивать. Ты неотразимая женщина для любого мужика, у которого есть глаза. Вон один приклеился на целых двенадцать лет, за уши не оттащишь. Так приклеился, что прямо не знаешь, что и делать, словно жвачка какая-то липучая или даже скотч. Приклеился так, что не отдерешь.

Я засмеялась и украдкой взглянула на часы.

— Ладка, ты же на машине приехала?

— На машине, а что?

— Понимаешь, у этой неотразимой женщины, которая сейчас перед тобой сидит, нет даже приличного белья.

— В смысле?

— У меня вещей нет, — развела я руками. — Вообще ни черта. Даже, прости, сменных трусиков. А ко мне сегодня мужик придет. Мне и на улицу даже как-то неудобно выходить в старой дубленке.

— Ну, не могу же я тебе свою норковую шубу отдать, — растерялась Ладка. — Кстати, дубленка, между прочим, вполне даже ничего. Я в ней с удовольствием ходила.

— Дубленка-то неплохая, — успокоила я расстроенную подругу. — Но только я ведь вообще дубленки не ношу, ты же знаешь. У меня дома приличный полушубок на вешалке висит.

— Маша, к чему ты клонишь?

— К тому, что давай заедем ко мне домой. Я хоть переоденусь и вещей приличных возьму.

— Но ведь Вадим сказал, что это опасно.

— Мало ли что сказал Вадим. Мы по-быстрому. Туда и обратно.

Ладку не пришлось долго уговаривать. Не прошло и пяти минут, как мы уже сидели в машине и мчались в направлении моего дома.

— Эх, Машка, где ж такого мужика встретить, чтобы почувствовать к нему настоящее первобытное влечение. Такого, что увидишь — сердце заходится и кровь стынет в жилах! Где ж такого мужика-то найти, Машка?! Ну, где?

— Да, Бог его знает где. Пойди разбери, где нормальный мужик водится, — пожала плечами я.

— И я про то же. Ну где ж найти этого принца хренова, который бы осушил мое тело поцелуями, от которого бы мое сердце просто затрещало по швам?!

— А почему оно должно по швам затрещать? — не уловила я Ладкину мысль.

— Да от любви! В нем будет столько любви, что оно не выдержит перегрузки и затрещит.

— На фиг такой мужик нужен, от которого бы сердце трещало.

— А я бы хотела такого встретить. Ты даже не представляешь, как бы я этого хотела. Маш, как ты думаешь, найдется такой?!

— Может, и найдется...

— Если бы такой мужик нашелся, я бы его так любила! Так любила! Одному Богу известно, как надоело обнимать подушку. Я уже все бока ей отмяла. А ты тоже с подушкой спишь?

— Я с мягкой игрушкой, — как-то по-детски улыбнулась я.

Подъехав к дому, я посмотрела на слегка испуганную Ладку и тихо спросила:

— Лада, скажи правду, ты боишься со мной идти?

— Ну как тебе сказать, чтобы не обидеть... — заюлила Лада. — Я как вспомню тех двоих, так просто душа в пятки уходит. Меня до сих пор от страха трясет. Еле очухалась. Может, я лучше в машине посижу? Вдруг если что, так я хоть на помощь смогу позвать. Я хоть милицию или еще кого вызову. А если мы вдвоем с тобой в квартиру пойдем, то можем обе

попасть как кур в ошип. Тогда кто нас из этих щей вытаскивать будет? Я думаю, что лучше всего мне будет здесь посидеть.

— Хорошо. Тогда послушай пока радио. Я скоро буду. Я только вещи соберу — и сразу обратно.

Лада кивнула головой и включила «Милицейскую волну». Я постаралась улыбнуться и удивленно спросила:

— А почему ты включила именно «Милицейскую волну»?

— Не знаю. Мне нравится.

— Странно.

— А что странного-то? Я всегда ее слушаю.

— Дурной знак, — произнесла я задумчиво и вышла из машины.

Как только я зашла в подъезд, то набрала в грудь побольше воздуха, постаралась себя успокоить и взяла у соседки ключи. Открыв дверь своей квартиры, я тут же почувствовала, как мне в затылок уперлось холодное дуло пистолета. Я не терялась в догадках — я сразу поняла, что это пистолет, и ощутила не совсем приятное чувство, когда тебе не хватает воздуха, а сердце сжимается и стучит как бешеное.

— Зайди в квартиру и закрой за собой дверь, — приказал мне женский голос, который показался мне очень даже знакомым.

Я сделала шаг в направлении коридора и услышала, как сзади меня громко хлопнула дверь. И этот хлопок дал мне шанс на спасение. Моя дверь не закрылась, потому что она могла закрыться только от ключа, а это означало, что она просто прикрыта и, стало быть, в квартиру может войти кто-то еще. Мне нужно просто потянуть время. Потянуть время для того, чтобы Ладка почувствовала неладное, позвала на помощь и помощь могла беспрепятственно войти в мое жилище.

— Кто вы? — не скрывая предательской дрожи в голосе спросила я.

— Встань к окну и посмотри на меня.

Я подошла к окну, повернулась и увидела... стоящую напротив меня Катерину. Ту самую Катерину, с которой я распрощалась на месте взрыва, обменялась наилучшими пожеланиями и уехала в аэропорт.

— Катя, какими судьбами? — Я смотрела на наведенный на меня пистолет и не могла понять, то ли это глупая шутка, то ли Катя настроена крайне серьезно. — Катя, а почему пистолет? Что случилось?

— Случилось то, что сейчас ты отправишься на тот свет и никто концов не найдет.

— Катя, милая, но что я тебе сделала плохого? Это что, не шутка?

— Мне сейчас не до шуток. Ты убила мою лучшую подругу, и ты за это заплатишься.

— Какую подругу?

— Ты убила Лену.

— Ас чего ты решила, что ее убила именно я?

— А кому она еще могла перейти дорогу?! Только тебе, — прошипела Катерина. — Как только ты улетела в Москву, из воды достали ровно три трупа. Сайда, Лены и Киры. Какое-то судно остановилось в том месте, где они лежали. Судно привезло туристов для занятий подводным плаванием. Именно таким образом и обнаружили ровно три трупа. Их нашли по счастливой случайности. По счастливой, потому что сейчас их похоронят по-человечески, а для тебя эта случайность далеко не счастливая, потому, что именно из-за нее ты расстанешься с жизнью. Я вылетела следом за тобой, чтобы тебе отомстить. Смерть за смерть. Ты не имела никакого права убивать молодую девушку. Не ты дала ей жизнь, и не ты можешь ее отнять.

Я посмотрела на пистолет в Катиной руке, собрала остатки самообладания и, с трудом сдерживая слезы, произнесла:

— Катя, я не имею к убийству Лены никакого отношения. Ее убил Анатолий.

— Докажи мне это.

Я не стала ничего скрывать и, хотя Вадим советовал мне все отрицать, рассказала Катерине обо всем, что произошло на вилле. В конце концов я рассказывала ей это под дулом пистолета, у меня не было другого выбора. Когда я закончила свой рассказ, Катя убрала пистолет, села на стул, обхватила голову руками и сказала одно-единственное слово:

— Извини, — и тихонько заплакала.

Я тут же бросилась на кухню, щедро плеснула в стакан виски и предложила ей:

— Выпей. Легче станет.

Катя сделала несколько глотков и медленно заговорила:

— Я еле нашла твой адрес. В справочном бюро. У меня были твои инициалы. Приехала — никого нет. Принялась ждать. Затем, смотрю, машина подъехала, а из нее ты выходишь.

— А пистолет где взяла?

— У брата двоюродного стащила. Он мне раньше хвастался и показывал, где он его прячет.

— Теперь положишь его на место?

— Положу. Я хорошо запомнила твое тело, все в синяках, и эту страшную шубу, которая уже на норку-то и перестала быть похожа. Я знала, что этот Анатолий — сволочь порядочная, что он тебя бьет, но я и подумать не могла, что он Ленку убил.

Катя выпила виски и протянула мне пустой стакан.

— Знаешь, Маша, а ведь я тоже виновата.

— В чем?

— В том, что любовница Анатолия, Кира, прилетела раньше положенного срока...

— Я это знаю, — кивнула я. — Я просто не знаю некоторых вещей и очень надеюсь, что ты мне их объяснишь.

Когда я протянула взволнованной Екатерине еще порцию виски, она сделала несколько глотков и повторила:

— Маша, а ведь я и в самом деле перед тобой виновата. И я, и Ленка покойная. Кира приехала раньше положенного срока и вышла на нас с Ленкой. Она предложила нам очень хорошие деньги, а ты сама знаешь, что они для нас значат.

— Знаю, — кивнула я.

— Ленка детдомовская, моя семья живет в такой нищете, что даже страшно себе представить. А тут Кира со своими деньгами. Короче, мы купились. Да и не только мы, но и Сайд. Кира преследовала одну цель — выставить тебя душевнобольной и сделать так, чтобы ты на самом деле сошла с ума. Она привезла свой карнавальный костюм ковбоя из Москвы и с удовольствием его демонстрировала. Кира жила в другом крыле дома, просто она никогда не выходила на улицу, а если и выходила, то надевала высоченные ковбойские сапоги на огромных каблуках и привезенный костюм. А этот спектакль со смертью Сайда... Ты конечно же хорошо его помнишь.

— Помню, — подтвердила я.

— Это был всего лишь спектакль. Я хорошо помню тот день, когда Анатолий указал Кире на дверь. Она не рассчитывала, что это будет именно так. А тут еще ее стал шантажировать Сайд. Она не заплатила ему обещанные деньги. Она вообще ничего ему не заплатила. Ни мне, ни Лене. Сайд начал ее шантажировать. Он сказал, что расскажет обо всем тебе или Анатолию. Он припугнул ее, что откроет тайну ковбоя. В тот вечер Кира пришла в домик Сайда со спиртным. Она принесла ему бутылку русской водки. Ты даже представить себе не можешь, что такое для араба бутылка русской водки.

— А разве мусульмане пьют русскую водку? — удивилась я.

— Еще как, только успевай наливать.

— Никогда бы не подумала...

— Сайд постоянно ей угрожал и пил принесенную водку, а когда его сознание совсем помутилось, она воткнула в его грудь острый нож. Затем она решила уничтожить тебя, и она бы сделала это, если бы ты не выстрелила.

— Вот видишь, ты все знаешь, — как-то приглушенно сказала я. — Ты все знаешь, а заставила меня обо всем рассказать.

— Я и в самом деле все знала. Я не знала только одного. Я не знала, кто же убил Лену.

— А я не знаю, кто же передел Киру, после того, как я ее застрелила.

— Киру передела Лена.

— А зачем?

— У Лены была к тебе личная неприязнь, и она решила тебя подставить. Она приняла правила

Кириной игры и точно так же, как и Кира, хотела, чтобы ты сошла с ума. И на этот счет у нее были свои соображения.

— Какие?

— А такие, что она спала с Анатолием. Она спала с Анатолием с того самого дня, как вы с ним поселились на вилле. Видимо, она успела к нему привязаться.

— Я так и подумала.

— Что ты подумала?

— Что между ними что-то было. Видимо, Анатолий наобещал ей золотые горы, а затем решил от нее избавиться. Кира не была конкуренткой для Лены потому, что эту женщину Молоток отверг. Конкуренткой была только я...— Неожиданно я замолчала и внимательно посмотрела на Катю. — Катя, а откуда ты все это знаешь, ведь ты же была на ночной дискотеке?

— Я была в соседней комнате, — опустила глаза Катерина. — Я видела, как вы отплывали на лодке. Я знала, что Лена не вернулась, только я не думала, что ее могут убить.

Нашу «задушевную» беседу перебил довольно долгий звонок в дверь.

— Это Ладка, устала меня в машине ждать. Решила подняться. Я тебя сейчас с ней познакомлю. Это моя хорошая подруга. — Я бросилась к двери, но так и не успела ее раскрыть. Дверь распахнулась сама, и на пороге появился... Анатолий! Он был совершенно пьян и еле стоял на ногах. Взяв меня за подбородок, он разразился пьяным смехом и спросил:

— Привет, дорогая. Что с тобой? Ты меня боишься?! От такого зрелища я буквально потеряла дар речи и подумала, что вот теперь-то я уж точно сошла с ума.

— Ты?! Но ведь я тебя убила...

— Убила, только холостыми патронами. Дорогая, у тебя же была моя пушка, а я сам зарядил ее холостыми патронами. Это на тот случай, если ты решишь взять пистолет и слегка меня поугаать. Ведь я был расслаблен в тот вечер, с девчонками веселился... Дорогая, ты плохо меня знаешь, я привык во всем страховаться...

— Но ведь я видела, как ты схватился за сердце и упал.

Анатолий рассмеялся, схватил меня за волосы, намотал их себе на руку и злобно сказал:

— Милая, это была всего лишь шутка. Обыкновенная шутка. Патроны холостые. Если бы ты своим недалеким умишком додумалась бы порыться в моих вещах, то могла бы найти и настоящие патроны и по-настоящему меня убить. Они там были, уверяю тебя.

Я слегка вскрикнула от раздирающей мою голову боли и жалобно спросила:

— Зачем ты приехал?

— Затем, чтобы убрать женщину, которая слишком много знает и которая доставляет слишком много неприятностей. Ты все сделала очень даже неправильно. А ведь мы могли с тобой быть по-настоящему счастливы...

Раздался громкий выстрел. Затем второй, третий... Молоток не договорил последние слова и с

грохотом упал на пол. Ко мне подбежала Катерина и принялась распутывать мои волосы, которые были намотаны на его уже мертвую руку. Когда ей это удалось, я смахнула слезы и не в силах поверить, что Молотка больше нет, непонимающе спросила:

— Катя, что ты сделала?

— Я его убила...

— Ты уверена?

— Конечно, смотри, кровищи сколько...

— Как ты думаешь, это стоит отметить?

— Это просто необходимо отметить.

Я не знаю, сколько времени мы сидели рядом с трупом Молотка, пили виски и рассуждали за жизнь. У нас было много общего — что называется, родственные души. Оказывается, Катерина с самого раннего детства любила те же книги, что и я, и слушала ту же самую музыку, которую слушала я. А еще... Еще она постоянно искала свою звезду на небе. Целые ночи напролет она всячески ее искала, а однажды опустила руки и точно так же, как и я, поняла то, что ее звезды на небе просто нет.

Я даже не знаю, сколько прошло времени, когда в квартиру ворвался испуганный Вадим, сказал, что ему позвонила Ладка, сидящая в машине у дома. Мол, она увидела, что к дому подъехало такси, а из него вышел тот самый мужчина, с которым я улетела на курорт... Вадим развернул Ладку домой, завел нас с Катей на кухню, закрыл за нами дверь и постоянно куда-то звонил. Когда он открыл дверь, мы увидели, что Молотка уже нет и в один голос поинтересовались, где же он может быть.

Вадим посмотрел на пустую бутылку из-под виски и покачал головой.

— Ну вы, девчонки, даете. Дали стране угля.

— Где труп? — стояли мы на своем.

— Труп Молотка забрали люди Спартака. Я же сказал вам, что у меня есть на них выход. Спартак прислал сюда своих людей, и они унесли труп. Причем, увидев труп, они облегченно вздохнули. Нет человека — нет проблем. Ребята получили желаемый результат и больше не имеют претензий. Я же говорил, что мой близкий друг хирург спас жизнь дочери Спартака. Спартак не остался в долгу и закрыл эту тему.

— А что теперь сделают с этим трупом? — спросили мы в один голос.

— Не знаю. Выкинут где-нибудь у его дома или еще что придумают. Матушка-земля богата местами, где можно избавиться от трупа.

— А как же те двое? — испуганно спросила я.

— Скорее всего, тех двоих уже нет.

— Как нет?

— Так. Нет, и все.

— А где они?

— Там же, где и Молоток. Дилетанты, что с них взять. Профессионалы бы никогда не взорвали столько бесполезного народа, среди которого не было даже того, из-за кого разгорелся весь сыр-бор. В их работе такие промахи не прощаются.

— Значит, я могу жить в своей квартире и мне ничего не угрожает?! — закричала я радостным голосом.

— Теперь мы вместе будем жить в твой квартире и тебе никогда и ничего не будет угрожать, — заявил Вадим.

— А как же смерть Киры?

— Киру убил Молоток, другого просто не может быть.

Уверившись в собственной безопасности, я непонимающе посмотрела на Вадима и осторожно спросила:

— Вадик, ты из семьи что ли уйдешь?

— Я уже из нее ушел.

— Навсегда?

— Навсегда.

— И теперь ты только мой?

— Твой.

— Со всеми потрохами?

— Да забирай ты меня со всеми потрохами, — рассмеялся Вадим.

— Смотри. Катерина свидетель.

Я радостно закричала и бросилась к Вадиму на шею. Катерина улыбнулась и смахнула выступившие слезы...

Эпилог

Я подхожу к окну, смотрю на ночное звездное небо и улыбаюсь оттого, что оно такое красивое. Вадим крепко спит. Мы вместе уже полгода. Когда-то мы не могли спать друг без друга, а теперь ложимся спать в разное время. Все слишком быстро ушло... Слишком быстро... Я сажусь на краешек кровати и смотрю на него, спящего. Еще совсем недавно мне казалось, что наша любовь сможет сдвинуть горы и от нее зарыдают даже ангелы. Слишком много испытаний она прошла... Слишком много... Теперь я не сплю с мягкой игрушкой, я сплю в объятиях Вадима, только эти объятия становятся все слабее и все тусклее. За все эти шесть месяцев я так и не ощутила, что Вадим мой. Его физическое тело всегда было со мной, но его душа была совсем в другом месте. Его поразила страшная депрессия. Он постоянно болеет, пребывает в плохом, раздраженном настроении и смотрит на меня глазами, полными вины, сглатывая при этом странный комок в горле.

Почти каждый день ему звонит жена. Их связывают общие заботы, общие дети и общие проблемы. Она плачет в трубку, просит его вернуться, говорит ему, что она его очень ждет и дети тоже. Вадим все это слушает, говорит, что все будет очень хорошо и... сильно стареет. В такие минуты мне кажется, что раны его истерзанного сердца просто зияют. Я не могу видеть, как он молча страдает. Я вижу, что такой боли, как за эти шесть месяцев, он не испытывал никогда в жизни. От него часто пахнет лекарствами, и он с трудом справляется с собой, чтобы не впасть в полное отчаяние. Он даже попробовал подать на развод, но заехал в суд, постоял у кабинета судьи и не смог перейти его порог. На этом его попытка закончилась.

Это расставание поедает его изнутри, и с каждым днем он отдаляется от меня все больше и больше. Он едет к жене по ее первому звонку и бросается к ней по ее первому требованию, убеждая меня в том, что он делает это только ради своих детей. Однажды я поняла, что Вадим боится не за детей — он боится порвать отношения с этой женщиной. Теперь он бегал к ней от меня, и я почувствовала, что мы просто поменялись с нею местами. Если раньше он что-то носил от семьи ко мне, то теперь он носил от меня к своей семье.

Когда я спросила Вадима, трудно ли любить двоих, он посмотрел на меня испуганным взглядом и сказал мне, что я в очередной раз несу бред. Мне становится с ним слишком тяжело общаться, когда я хочу разобраться в том, что у нас происходит, и хоть что-то исправить. Я понимаю его. Я прекрасно его понимаю. Очень трудно любить двоих. Очень трудно. Я поняла, как была наивна, когда поверила в то, что одна любовь может сменить другую и умертвить старую. Увы, этого не получилось. Две любви просто переплелись и заняли в его сердце одинаковое место.

Этот треугольник так треугольником и остался. Живя со мной, Вадим по-прежнему живет своей семьей. Он чувствует чудовищную вину перед своей семьей и еще большую передо мной...

Я сидела на кровати, пристально всматривалась в его лицо и улыбалась сквозь слезы. Я вдруг подумала о том, что даже сейчас Вадим не со мной, что мысленно он там, где находится его дом, где все сделано его же руками, где его быт, где его дети, его домашние любимцы и его женщина, с которой его связывают годы. Я посмотрела на его седые волосы, на пачку валидола, лежавшую на прикроватной тумбочке, на мобильник, который он держал под подушкой в надежде на то, что позвонит кто-то из членов его семьи. И я увидела на этой самой кровати не своего Вадима, а чужого мужа, который сделал шаг в бездну и пожалел... Я слегка тронула Вадима за плечо, он сразу проснулся и посмотрел на меня сонными глазами:

— Машуля, что случилось?

— Жена звонила.

— А что она звонила-то? — сразу проснулся и оживился Вадим.

— Она попросила приехать. Случилось что-то.

Вадим тут же подскочил с кровати, быстро оделся и кинулся к входной двери. Как только он ее открыл, я протянула ему его чемодан, стараясь не показывать ему своих слез.

— Машка, ты что придумала-то?

— Вадим, без обиды. Мы же с тобой друзья. Извини.

— Ты не хочешь, чтобы я у тебя жил? — спросил Вадим с плохо скрытой радостью.

— Нет, — покачала я головой.

— Почему?

— Потому, что тебя ждут дома... И улыбайся почаще жене. Улыбайся...

Когда я закрыла за ошарашенным Вадимом дверь, я вытерла слезы и подумала о том, что произошло то, что должно было произойти. Я просто взяла чужое, а найти свое никогда не пыталась. Вадим очень хороший мужчина, и, наверно, у него очень хорошая семья... Я даже облегченно вздохнула, потому что прекрасно понимала, что больше так продолжаться не может, что сейчас нам двоим стало легче и мы оба освободились от тех иллюзий, которые сами себе придумали. Я была запасной женой долгие годы, а когда сошлась с тем, с кем хотела, то ею же и осталась. Видно, судьба у меня такая — быть запасной женой... Видно, судьба...

Я вновь подошла к окну и взглянула на звездное небо. На меня смотрела луна. Такая загадочная и такая мудрая, подвешенная на небе, словно хрустальный шар. У меня больше не было слез, и мне больше не о чем было плакать. Господи, как же мне было легко, как легко... Все закончилось. Наконец-то все закончилось... Я не держала на Вадима зла, думаю, и он платил мне той же монетой. Мы пожелали друг другу счастья и отпустили друг друга. Навсегда отпустили... Я вновь посмотрела на луну и увидела, что она окружена радостью и красотой — именно такой и будет моя дальнейшая жизнь. Завтра меня успокоят Катерина и Ладка, и жизнь пойдет своим чередом. И эта жизнь будет опять полной, совсем как в молодости, когда я искала свою звезду на небе. Мне не нужно будет воровать чувства, чего-то ждать и пытаться все изменить...

Я распахнула окно, посмотрела на звездное небо и громко крикнула:

— Черт побери, ну не может же быть, чтобы на таком большом небе не было моей маленькой звездочки! Ну не может же этого быть!

Я посмотрела вниз и почувствовала дикое желание выброситься из окна, но все же остановилась. Я не должна этого делать! Не должна! Потому что я вновь поверила в свою звезду, и я только начала ее искать... Кто ищет, тот всегда найдет, и я обязательно найду счастье... Теперь я опять свободна и могу парить точно так же, как высоко парят птицы... Я буду счастлива! Черт побери! Я обязательно буду счастлива...

В эту минуту раздался телефонный звонок. Я подумала, что это Вадим, и решила не снимать трубку. Но звонок был слишком долгим, и какое-то шестое чувство подсказало мне, что я должна ее снять.

На том конце провода я услышала голос того, кто не звонил много лет и бороздил звездное небо в надежде найти для меня ту звезду, которую я ищу.

— Привет. — Его голос стал мужественным и взрослым.

— Привет! — по-настоящему обрадовалась я.

— Ты как?

— Плохо.

— А ты?

— Тоже. Ты нашла свою звезду?

— Нет.

— И мне тоже ни черта не попадается. Все время о тебе думаю...

— Это потому, что мы десять лет просидели за одной партой?

— Нет, потому, что я все время только тебя и люблю. Может, будем искать ее вместе?

— Господи, ну почему ты так долго не звонил?! Почему?! Я уверена, что наше счастье будет по-настоящему сладостным, потому что мы его слишком долго ждали... Слишком долго...

Я восприняла этот звонок как благословение и поняла, что теперь я буду сама строить свою судьбу и не ждать подарка с небес. Я просто не разглядела свое счастье и долгие годы напрасно смотрела в другую сторону, а оно было совсем рядом. Надо было только повнимательнее посмотреть... Когда я подняла ресницы, то увидела, что луна мигает мне своим глазом и одобряет мой выбор. Это моя судьба, и я достойна ее.

— Я улечу с тобой хоть на край света. Приезжай. Я тебя жду, — счастливым голосом произнесла я и повесила трубку...